ОЧЕРКЪ ДРЕВНЕЙ ЛИТВЫ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

П. Дм. Брянцевъ.

ВИЛЬНА.
Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собств. д., № 88.

1891.

Дозволено цензурою. Рига. 22 ноября 1890 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ прошломъ году я напечаталъ книгу подъ заглавіемъ „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ“. Книга эта принята была весьма благосклонно какъ въ печати, такъ и въ обществѣ. Самый подробный и самый лучшій отзывъ объ этой книгѣ данъ былъ ординарнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета К. П. Бестужевымъ-Рюминымъ [1]). За границею моя книга тоже найдена хорошею, и въ настоящее время, съ моего согласія, переводится въ Берлинѣ на нѣмецкій языкъ. Кромѣ того, книга моя одобрена ученымъ комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ для библіотекъ духовныхъ семинарій.

Но такъ какъ книга моя „Исторія Литовскаго государства“, вслѣдствіе своей обширности, а главное дороговизны [2]), не могла сдѣлаться доступною большинству читающей публики, то я получилъ множество заявленій такого рода: не могу ли напечатать эту книгу въ сокращенномъ видѣ и при этомъ назначить болѣе доступную цѣну, сравнительно съ прежнею. Особенно просили меня объ этомъ учителя и учительницы народныхъ училищъ Сѣверо-Западнаго края,

---

[1]) См. Журн. М. Н. Просв. за 1889 г. мѣсяцъ іюнь.
[2]) 4 рубля въ продажѣ.

такъ какъ имъ, какъ людямъ, живущимъ среди польскаго населенія, подобнаго рода книжка весьма необходима.

И я, вполнѣ сознавая важность этихъ заявленій, особенно просьбы учителей и учительницъ народныхъ училищъ Сѣверо-Западнаго края, дѣйствительно рѣшился сократить свое сочиненіе „Исторія Литовскаго государства“ въ небольшую книжку и напечатать ее по доступной цѣнѣ.

Составляя эту книжку, я помѣстилъ въ ней все существенное и необходимое, что содержится въ моемъ большомъ сочиненіи „Исторія Литовскаго государства“. Въ этой сокращенной книжкѣ я не помѣстилъ только одного послѣдняго польскаго мятежа, такъ какъ объ этомъ бурномъ событіи я надѣюсь въ будущемъ году напечатать особую монографію [1]). Затѣмъ, книжкѣ этой я далъ другое заглавіе, именно: „Очеркъ Древней Литвы и Западной Россіи“; названіе это, какъ мнѣ казалось, болѣе подходящее, чѣмъ первое, судя по объему сей книжки.

П. Дм. Брянцевъ.

1890 г. Сентября 23 дня,
г. Вильна.

---

[1]) Монографія эта почти уже готова къ печати.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Положеніе Литвы и Западной Россіи подъ владичествомъ русскихъ императоровъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЛИТОВЦЕВЪ,

раздѣленіе литовцевъ на племена.

За двѣ тысячи лѣтъ до Р. Хр. литовцы жили въ Азіи, по берегамъ р. Инда, вмѣстѣ съ индусами (нынѣшними жителями полуострова Индостана); но потомъ, когда имъ стало тамъ тѣсно жить, они перешли на Кавказъ, а отсюда, черезъ донскія степи и нынѣшнюю Малороссію, перебрались въ ту мѣстность, гдѣ теперь живутъ, т. е. въ области рр. Вислы, Нѣмана и З. Двины.

Утвердившись въ вышеозначенной мѣстности, литовцы раздѣлились на слѣдующія восемь племенъ:

I. Собственно литовцы. Племя это было самое многочисленное и самое главное. Оно жило по бассейну р. Виліи, т. е. въ нынѣшней Виленской губерніи. Племя это и теперь существуетъ.

II. Жмудь. Племя это жило по правую сторону нижняго теченія р. Нѣмана, т. е. въ нынѣшней Ковенской губерніи. Оно также существуетъ понынѣ. Грубость и невѣжество, которыми отличаются въ настоящее время жмудины, объясняются тѣмъ, что нѣмцы, завладѣвъ въ XIII ст. западною Литвою, весьма сурово обращались съ ними; особенно отличались въ этомъ отношеніи ихъ священники, которые силою заставляли ихъ принимать христіанство и отдавать десятую часть своихъ доходовъ на храмы [1]).

---

[1]) Объ этомъ сообщаютъ древніе писатели и очевидцы.

III. Ятвяги. Жили въ нынѣшней Гродненской губерніи. Теперь это племя не существуетъ: оно погибло въ борьбѣ съ поляками.

IV. Пруссы. Обитали между нижнимъ теченіемъ Вислы и Нѣмана, вдоль морского берега. Племя это отличалось храбростію и стойкостію. Нѣмцы истребили пруссовъ, чтобы занять земли ихъ.

V. Земгола. Жили по лѣвому берегу З. Двины, т. е. въ нынѣшней Курляндской губерніи и западной части Витебской. Нѣмцы истребили и это племя и опять для того, чтобы овладѣть его землею.

VI. Лѣтгола. Племя это жило по правому берегу р. З. Двины, т. е. въ нынѣшней Лифляндской губерніи. Оно существуетъ и теперь; численность его въ настоящее время простирается до 1,000,000; извѣстно оно подъ именемъ латышей.

VII. Корсь или куроны. Жили въ западной части нынѣшней Курляндской губерніи, въ уголкѣ между Рижскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ. Племя это также истреблено нѣмцами.

VIII. Голядь. Племя это жило совершенно отдѣльно отъ остальныхъ литовскихъ племенъ; оно занимало ту мѣстность, которая лежитъ между рр. Угрою и Протвою (притоками Оки), въ нынѣшней Калужской губерніи.

Въ настоящее время всѣхъ литовцевъ на земномъ шарѣ считается 2,900,000; изъ нихъ 2,700,000 человѣкъ живутъ къ Россіи, а остальные—въ восточной Пруссіи.

Религія древнихъ литовцевъ.

Древніе литовцы, подобно большей части необразованныхъ и кочующихъ народовъ, были язычники, т. е.

они не имѣли понятія объ истинномъ Богѣ и сынѣ Божіемъ Іисусѣ Христѣ, пока въ X и XI столѣт. по Р. Хр. не познакомились съ русскими православными князьями и русскими образованными людьми изъ Новгорода, Кіева и Галиціи. (Галиція теперь принадлежитъ Австріи, а лѣтъ 500 тому назадъ принадлежала Россіи). До того времени они поклонялись идоламъ. Идоловъ у литовцевъ было много, какъ и боговъ много было. Самые замѣчательные боги у литовцевъ были слѣдующіе:

1. **Перкунъ.** Это былъ самый главный литовскій богъ. Онъ изображался въ видѣ человѣка среднихъ лѣтъ; голова его увѣнчана была лучами свѣта; борода всклокочена, цвѣта огненнаго. Истуканъ его всегда имѣлъ поднятую руку, въ которой держалъ кремень. Жрецы каждый день приносили ему жертвы. Богу этому посвящена была пятница, и потому всѣ литовцы праздновали ее, какъ христіане воскресенье.

2. **Потримпосъ.** Его изображали цвѣтущимъ юношею. Въ жертву ему приносили плоды, молоко, воскъ, а нерѣдко и дѣтей.

3. **Поклюсъ.** Онъ изображался сѣдымъ старикомъ и считался богомъ ада и смерти. Въ жертву ему приносили головы убитыхъ людей и животныхъ.

4. **Кавасъ**—богъ войны. Литовцы молились ему предъ отправленіемъ на войну. Въ жертву ему приносили вороныхъ коней и черныхъ пѣтуховъ.

5. **Земеникасъ** или **Курко**—богъ плодородія и домоводства. Ему посвященъ былъ ужъ. Въ жертву ему приносили начатки плодовъ, рыбъ и звѣрей.

6. **Рагутисъ**—богъ веселія. Главное капище его находилось въ Вильнѣ, гдѣ теперь стоитъ православная

церковь въ честь св. Параскевіи, такъ называемая „Пятницкая".

Кромѣ боговъ, древніе литовцы почитали и богинь; замѣчательнѣйшими изъ нихъ были:

1. **Праурима.** Это была самая уважаемая богиня у литовцевъ. Въ капищѣ предъ ея истуканомъ день и ночь горѣлъ священный огонь.

2. **Лайма.** Богиня эта считалась покровительницею молодыхъ женщинъ и новорожденныхъ дѣтей.

3. **Мильда**—считалась богинею любви и покровительницею новобрачныхъ.

Подобно всѣмъ языческимъ народамъ, древніе литовцы обожали звѣрей, разныхъ гадовъ и неодушевленные предметы. Такъ, между прочимъ, они обожали: медвѣдей, зайцевъ, ужей, лягушекъ, огромной величины камни и старыя деревья, особенно разбитыя громомъ, и дубы. У литовцевъ были священныя и заповѣдныя рощи, которыя подъ страхомъ смертной казни запрещалось рубить. Были у нихъ и священныя мѣста, гдѣ воздвигались капища и ставились идолы.

Ромове. Это было самое главное святилище литовцевъ, куда въ торжественные праздники всѣ литовцы сходились на молитву. Святилище это устраивалось въ долинахъ при сліяніи двухъ рѣкъ; тутъ обыкновенно находился огромной величины дубъ, состоящій изъ трехъ срощенныхъ между собою стволовъ [1]). Дубъ обносился каменною стѣною; подъ вѣтвями его ставили трехъ истукановъ: Перкуна—посрединѣ, Потримпоса—справа, Поклюса—слѣва. Передъ этими тремя истуканами ставили жертвенникъ, на которомъ вѣчно

---

[1]) Такъ какъ слово „срощенный" по-литовски называется „romota", то отсюда и главное литовское святилище получило названіе „Ромове".

пылалъ священный огонь, называемый у нѣкоторыхъ писателей „зничемъ"; огонь этотъ поддерживался жрецами посредствомъ подкладыванья дубовыхъ дровъ. За дубомъ устраивалась пещера, гдѣ помѣщались священныя животныя: змѣи, лягушки и др. гады.

Въ началѣ XI ст. „Ромове" находилось около Балтійскаго моря, недалеко отъ устья рѣки Вислы. Въ 1010 году польскій король Болеславъ Храбрый, желая наказать литовское племя пруссовъ за убійство двухъ латинскихъ проповѣдниковъ, напалъ на эту мѣстность и разрушилъ Ромове, причемъ убилъ и главнаго жреца литовцевъ Ливайлеса. Послѣ этого литовцы перенесли свое святилище къ устью р. Дубиссы (притокъ Нѣмана), а затѣмъ въ г. Керновъ (въ 35 верстахъ отъ г. Вильны на сѣверъ) и наконецъ въ Вильну. Въ Вильнѣ Ромове находилось тамъ, гдѣ теперь стоитъ католическій каѳедральный соборъ. На этомъ мѣстѣ тогда разстилалась прелестная долина, носившая названіе „долины Свенторога" и покрытая превосходною дубовою рощею. Ромове находилось здѣсь до 1387 г., т. е. до того времени, когда Ягайло принялъ католичество и крестилъ литовцевъ въ латинскую вѣру.

Литовскіе жрецы и жрицы. Для отправленія языческаго богослуженія и принесенія жертвъ богамъ у древнихъ литовцевъ было много жрецовъ и жрицъ.

Криве-Кривейто. Это былъ самый главный литовскій жрецъ; по своему положенію и своей власти онъ совершенно уподоблялся римскому папѣ. Криве-Кривейто жилъ въ Ромове и рѣдко показывался народу. Онъ выбирался старшими жрецами изъ своей среды, подобно тому, какъ католическіе кардиналы (епископы) выбираютъ себѣ папу. Когда Криве-Кривейто совершалъ богослуженіе, то надѣвалъ парадное платье, 49

разъ опоясывался бѣлымъ поясомъ, клалъ на грудь изображеніе Перкуна, на голову надѣвалъ остроконечную шапку съ золотымъ шаромъ, усыпаннымъ драгоцѣнными камнями, въ руки бралъ палку (символъ власти) съ тремя загнутыми концами. Древніе писатели говорятъ, что если эту палку проносили по какому-нибудь селенію, то народъ выходилъ ей на встрѣчу и падалъ ницъ.

Криве. Жрецы эти также пользовались глубокимъ уваженіемъ въ народѣ; они завѣдывали священными мѣстами и начальствовали надъ низшими жрецами; символомъ ихъ власти была палка съ двумя загнутыми концами.

Вайделоты. Это была многочисленная группа жрецовъ. Занимались они разными дѣлами: одни изъ нихъ приносили жертвы богамъ, другіе хоронили мертвыхъ, третьи совершали браки, четвертые гадали и т. д.

Изъ литовскихъ жрицъ замѣчательнѣйшими были: **Вайделотки.** Жрицы эти всегда находились при капищахъ богини Праурымы; тутъ онѣ занимались шитьемъ священныхъ одеждъ, а также наблюдали за чистотою святилища и поддерживали огонь, горѣвшій предъ идоломъ богини Праурымы.

Религіозные обряды древнихъ литовцевъ. Къ религіознымъ обрядамъ относились жертвоприношенія, погребенія умершихъ и свадьбы.

Въ жертву богамъ литовцы, какъ мы уже говорили выше, приносили плоды (особенно первые), лошадей, быковъ, свиней, гусей, куръ, козловъ, а нерѣдко и людей, особенно плѣнныхъ. Многіе изъ литовцевъ сами себя приносили въ жертву богамъ, чаще всего это дѣлали больные, увѣчные и Криве-Кривейты т. е., главные литовскіе первосвященники.

Древніе литовцы вѣрили въ загробную жизнь, вѣрили они и въ воскресеніе мертвыхъ и при этомъ думали, что каждый воскресшій займетъ то положеніе, какое онъ занималъ при жизни. Большую часть своихъ мертвецовъ литовцы сжигали; вмѣстѣ съ трупами они сжигали и тѣ вещи, какія любилъ покойный при жизни или которыми занимался; часто съ покойникомъ сожигали его жену и нѣкоторыхъ слугъ. Погребеніе умершихъ у литовцевъ всегда совершалось въ присутствіи жрецовъ; жрецы выносили умершихъ изъ дома, пѣли погребальныя пѣсни, говорили проповѣди, читали молитвы, а потомъ сожигали.

Древніе литовцы смотрѣли на бракъ, какъ на религіозный обрядъ, и потому онъ всегда совершался при участіи жреца и съ молитвою къ богамъ. По древнему обычаю у литовцевъ существовало одноженство. Впрочемъ, дозволялось имѣть и еще нѣсколькихъ женъ, но только первая считалась госпожею дома, а всѣ остальныя рабынями. Суть свадебнаго обряда состояла въ томъ, что жрецъ въ домѣ жениха обводилъ невѣсту вокругъ домашняго очага, окроплялъ новобрачныхъ священною водою, читалъ надъ ними молитвы и обмѣнивалъ кольца.

Семейная и гражданская жизнь древнихъ литовцевъ.

Древніе литовцы были высокаго роста, хорошо сложены; цвѣтъ лица имѣли бѣлый, голубые глаза и свѣтлорусые волосы. Всѣ они отличались честностію, добродушіемъ, храбростію и любовію къ родинѣ. Одежда мужчинъ отличалась однообразіемъ, а женщинъ— разнообразіемъ. Мужчины носили льняныя рубахи, а сверху надѣвали короткій кафтанъ, застегивавшійся

множествомъ пуговицъ; голову покрывали войлочными и мѣховыми шляпами; на ноги надѣвали кожаные сапоги и лапти. Женщины носили разноцвѣтныя холщевыя платья и убирали ихъ маленькими колокольчиками, бубенчиками и разнаго рода побрякушками. Молодыя дѣвушки любили убирать волоса цвѣтами и лентами.

Жилища литовпевъ отличались прочностію и обширностію, они носили названіе „нумаевъ". Нумаи по большей части состояли изъ одной комнаты, среди которой находилась яма для домашняго очага. Въ пищу литовцы употребляли рыбу, дичь, конину и сало. Изъ напитковъ—любили пить молоко съ теплою кровію животныхъ. Охота была однимъ изъ любимыхъ занятій литовцевъ. Земледѣліе стояло на высокой степени развитія, а потому хлѣба у нихъ было много. Ремесла были развиты мало; предметы первой необходимости, напримѣръ: посуду, одежду и т. п., дѣлали литовцы сами, а предметы роскоши и металлическія вещи получали отъ русскихъ, особенно отъ новгородцевъ и псковитянъ. Новгородцы и псковитяне, по свидѣтельству древнихъ писателей, постоянно разъѣзжали съ товарами по Литвѣ и продавали ихъ тамошнимъ жителямъ.

У древнихъ литовцевъ городовъ не было; жили они въ деревняхъ, которыя управлялись старшинами; нѣсколько деревень, находившихся подъ властію одного выбраннаго старшины, составляли волость. Старшина, управлявщій волостью, назывался кунигасомъ, т. е. княземъ. Города появляются у древнихъ литовцевъ только съ начала XIII столѣтія. Правда, по окраинамъ у литовцевъ и раньше XIII столѣтія были города, но они построены русскими князьми. Такъ

Новгродокъ (нынѣшній Новогрудокъ, Минской губер.), бывшій первою и самою древнею столицею Литвы, построенъ русскимъ княземъ Ярославомъ I въ 1044 г.; затѣмъ Гродна, Вилкомиръ, Слонимъ и другіе города тоже построены русскими.

Сношенія древнихъ литовцевъ съ сосѣдями.

До IX столѣтія въ Европѣ никто не зналъ о литовцахъ. Первые изъ европейцевъ проникли къ нимъ норманны, жители полуострова Скандинавскаго, а затѣмъ русскіе. Съ русскими литовцы больше всего дружили. Католическій епископъ Адамъ Бременскій (изъ г. Бремена, умеръ въ 1077 г.) пишетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что русскіе, когда были язычниками, часто ѣздили къ литовцамъ поклоняться ихъ богамъ. Почти тоже самое говорится въ Іакимовской лѣтописи, именно: „Храмы и жрецы земголы, говорится въ ней, находились въ глубокомъ уваженіи у русскихъ славянъ.“ Польскій историкъ Нарбутъ, который много занимался исторіей Литовско-русскаго государства, говоритъ, что русскіе жили въ древности съ литовцами какъ братья.

Вслѣдствіе такой тѣсной дружбы литовцевъ съ русскими произошло, во-первыхъ, то, что большая половина литовцевъ уже въ XIII ст. отлично говорила по-русски и приняла русскіе нравы и обычаи; во-вторыхъ, то, что всѣ древніе образованные литовцы читали и писали по-русски: всѣ ихъ граматы и книги писаны были по-русски; по-литовски они не умѣли ни читать, ни писать, потому что у нихъ на этомъ языкѣ не было письменности, и въ-третьихъ то, что многіе изъ литовцевъ принимали православіе; такъ, изъ лѣтописей извѣстно, что въ половинѣ XII стол. приняли православіе четыре литовскихъ удѣльныхъ

князя, именно: Гинвилъ Мингайловичъ, Борисъ Гинвиловичъ, Рогвольдъ Борисовичъ и Глѣбъ Рогвольдовичъ.

Послѣ русскихъ съ литовцами познакомились поляки, но особой дружбы у нихъ не было. Напротивъ, поляки и литовцы постоянно ссорились и воевали между собою; вражда между ними особенно развилась послѣ того, какъ польскій король Болеславъ III Кривоустый въ 1110 году напалъ на литовскія владѣнія, страшно опустошилъ ихъ и истребилъ много народу.

Но больше всего древніе литовцы не любили нѣмцевъ, съ ними они чаще всего и воевали. Не любили литовцы нѣмцевъ преимущественно за то, что тѣ, подъ предлогомъ распространенія между ними католичества (въ то время всѣ нѣмцы были католики), старались овладѣть ихъ землею и самихъ литовцевъ обратить въ рабство.

Враждебныя отношенія литовцевъ съ нѣмцами начались въ концѣ XII вѣка. Вотъ что разсказываютъ объ этомъ древніе литовскіе, нѣмецкіе и польскіе писатели. Въ 1185 году Бременскій католическій епископъ, узнавъ, что по берегамъ Балтійскаго моря, гдѣ нынѣ эсто-латышскій край, живутъ некрещеныя литовско-финскія племена, именно: корсь или куроны, земгола и лѣтгола (литовскія племена), ливы и эсты (финскія племена), послалъ туда, для обращенія ихъ въ христіанство, монаха Мейнгарда. Мейнгардъ, прибывъ къ берегамъ Балтійскаго моря, поселился между ливами, въ странѣ, называемой по имени этого племени Ливоніею. Тутъ онъ построилъ небольшую крѣпость и сталъ распространять католичество между вышеозначенными племенами. На первыхъ порахъ литовскія и финскія племена, прельстясь подарками,

начали было принимать новую вѣру, но потомъ, когда Мейнгардъ сталъ отъ нихъ требовать, чтобы они признали себя подданными римскаго папы и отдѣляли въ пользу его десятую часть своихъ доходовъ, взбунтовались, стали бросать христіанство и снова обращаться въ свою старую вѣру. Тогда Мейнгардъ, съ цѣлію воспрепятствовать этому, началъ нападать на литовцевъ и финновъ, разорять ихъ жилища и самихъ подвергать мученіямъ. Но къ счастію ихъ Мейнгардъ скоро умеръ, получивъ, незадолго до смерти, за свои подвиги санъ епископа Ливоніи.

По смерти Мейнгарда бременскій архіепископъ въ 1200 г. прислалъ въ Ливонію другого проповѣдника, именно епископа Альберта, человѣка умнаго, хитраго и ловкаго. Этотъ проповѣдникъ католичества явился къ литовско-финскимъ племенамъ окруженный громадною толпою вооруженныхъ нѣмцевъ. Съ этихъ поръ между нѣмцами и литовско-финскими племенами, жившими по берегамъ Балтійскаго моря, началась борьба на жизнь и смерть. Укоренившаяся съ тѣхъ поръ въ душѣ литовцевъ страшная ненависть къ нѣмцамъ не изгладилась и до настоящаго времени.

Чтобы легче одолѣть литовцевъ и финновъ и овладѣть ихъ землями, епископъ Альбертъ образовалъ изъ прибывшихъ съ нимъ нѣмцевъ постоянное монашеское войско, которое назвалъ Ливонскимъ орденомъ или орденомъ меченосцевъ. Послѣднее названіе дано было ему по тому гербу (изображенію), какой онъ имѣлъ на своемъ парадномъ платьѣ. Гербъ этотъ представлялъ красное поле, на которомъ изображенъ былъ крестъ, опирающійся на мечъ; этотъ гербъ выражалъ ту мысль, что меченосцы будутъ распространять католичество мечомъ.

Съ образованіемъ въ Ливоніи ордена меченосцевъ началась страшная борьба нѣмцевъ съ литовскими и финскими племенами, то есть: корсью или куронами, земголою и лѣтголою, ливами и эстами. Меченосцы цѣлыми тысячами уничтожали литовцевъ и финновъ, которые не хотѣли принимать христіанства, подчиниться папѣ и платить ему десятую часть своихъ доходовъ. Но и литовцы съ финнами не оставались въ долгу: если къ нимъ попадалъ въ плѣнъ какой-нибудь рыцарь, они предавали его страшнымъ истязаніямъ. Разсказываютъ, что литовцы, поймавъ нѣмца, прежде всего на спинѣ его вырѣзывали крестъ огромной величины, а затѣмъ пойманнаго или вѣшали, или топили, или зарывали живымъ въ землю. Такъ продолжалась борьба болѣе двадцати лѣтъ; орденъ меченосцевъ сталъ ослабѣвать въ этой борьбѣ и распространеніе христіанства совсѣмъ прекратилось. Чтобы поправить свои обстоятельства, меченосцы рѣшили пригласить къ себѣ другой нѣмецкій орденъ, именно Тевтонскій, только что возвратившійся въ это время изъ Палестины и проживавшій безъ дѣла въ Италіи. Приглашеніе было принято, и въ 1237 году оба ордена, съ благословенія папы, соединились. Съ этихъ поръ соединенный орденъ сталъ называться Тевтоно-Ливонскимъ, а иногда Прусскимъ, потому что прибывшій орденъ поселился въ сосѣдствѣ съ литовскимъ племенемъ пруссами. Тевтонскій орденъ избралъ себѣ столицею г. Маріенбургъ, а Ливонскій—Ригу, основанную епископомъ Альбертомъ.

Соединенный Тевтоно-Ливонскій орденъ еще съ большимъ ожесточеніемъ сталъ истреблять литовцевъ и финновъ, особенно первыхъ, какъ менѣе стойкихъ и мужественныхъ. Испуганные литовцы и финны обра-

тились къ своимъ прежнимъ друзьямъ — русскимъ, именно къ новгородцамъ. Тѣ явились къ нимъ на помощь, и съ этого времени началась ожесточенная борьба русскихъ съ нѣмцами. Рыцари напрягали всѣ свои силы, чтобы одолѣть новаго врага; съ благословенія папы, они по нѣскольку разъ въ годъ приводили на русскихъ огромныя толпы вооруженныхъ людей. Въ 1240 году рыцари овладѣли Псковомъ, который принадлежалъ Новгороду, и стали въ немъ вводить католичество, примѣняя тѣ же средства, какія употреблялись ими и въ Литвѣ: кто изъ русскихъ, какъ сообщаютъ древніе писатели, не хотѣлъ измѣнить православію, того они подвергали мученіямъ. Вслѣдствіе этого противъ нѣмцевъ выступилъ новгородскій князь Александръ Невскій, человѣкъ великаго ума и высокаго благочестія. 5 февраля 1242 г. около Псковскаго озера, близъ скалы „Вороній камень", нѣмцы встрѣтили русскаго князя. Передъ началомъ битвы Александръ Невскій поднялъ руки къ небу и громко произнесъ: „Господи Боже мой! разсуди Ты споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ". Битва была упорная и жестокая: сѣклись мечами, рубились топорами; съ трескомъ копья ломались; ледъ побагровѣлъ отъ крови и во многихъ мѣстахъ проломился; много людей потонуло. Русскій князь одолѣлъ: новгородцы, разбивъ нѣмцевъ на-голову, гнались за ними семь верстъ и все пространство уложили ихъ трупами. Послѣ этой битвы орденъ пересталъ нападать на русскихъ, да и литовцамъ съ этого времени полегчало, по крайней мѣрѣ послѣ этой битвы нѣмцы не рѣшаются нападать на литовскіе владѣнія большими массами; тѣмъ болѣе они съ этого времени дѣлаются осторожными, что въ сіе время въ Литвѣ появляются сильные кунигасы, которые стараются объединить раз-

розненныя литовскія племена и составить изъ нихъ крѣпкое и сильное государство.

Образованіе Литовскаго государства и первые литовскіе князья.

До XIII столѣтія литовцы не составляли изъ себя государства: всѣ они жили въ разсыпную и дробились на множество мелкихъ группъ, изъ коихъ каждая подчинена была особому правителю, называемому кунигасомъ (княземъ). Попытки образовать государство начались съ начала XIII вѣка, съ того времени, когда большая часть литовскихъ племенъ была уже покорена нѣмцами. Преданіе указываетъ на многихъ литовскихъ кунигасовъ, которые стремились изъ своего народа образовать сильное государство и покорить сосѣднія русскія владѣнія. Самые замѣчательные въ этомъ отношеніи изъ литовскихъ князей были слѣдующіе: Эрдвилъ, Монтвиллъ, Мингайло, Скирмунтъ, Альгимунтъ, Рингольдъ и Миндовгъ. Объ Эрдвилѣ разсказываютъ, что онъ въ самомъ началѣ XIII столѣтія овладѣлъ русскою областью „Черная Русь", въ которой были русскіе города Новгродокъ (нынѣшній Новогрудокъ, Минской губерніи), Волковыйскъ, Здитовъ и др., а сынъ его Мингайло покорилъ русскіе города: Полоцкъ, Пинскъ и Туровъ. Но болѣе всѣхъ ихъ извѣстенъ Рингольдъ; про него говорятъ, что онъ избралъ своею столицею Новгродокъ и объявилъ себя великимъ литовскимъ княземъ, а когда русскіе князья отказались признать за нимъ этотъ титулъ, то онъ въ одной битвѣ разбилъ ихъ. Но самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ названныхъ выше литовскихъ кунигасовъ былъ Миндовгъ, сынъ Рингольда. Всѣ ученые признаютъ Миндовга,

во-первыхъ, дѣйствительно существовавшимъ княземъ, а во-вторыхъ, основателемъ Литовскаго княжества.

Миндовгъ.

Когда родился Миндовгъ и когда вступилъ на литовскій престолъ, объ этомъ нигдѣ не говорится. Исторія застаетъ его великимъ княземъ въ Новгродкѣ, поэтому ученые какъ Миндовга считаютъ первымъ исторически извѣстнымъ великимъ литовскимъ княземъ, такъ и Новгродокъ (Новогрудокъ) — первою столицею древняго Литовскаго княжества.

Миндовгъ былъ очень умный человѣкъ и съ необыкновенною силою воли и характера. Всю свою жизнь онъ стремился съ неутомимою энергіею и настойчивостью къ созданію сильнаго Литовскаго княжества; но на этомъ пути онъ встрѣтилъ много враговъ, главными изъ нихъ были два его племянника — Тевтивилъ и Едивилъ и дядя Выконтъ. Чтобы помѣшать Миндовгу въ осуществленіи его намѣренія, эти три врага рѣшились искать помощи у сосѣдей. Въ 1249 году или около этого времени, племянники и дядя обратились за помощью къ родственнику своему, галицкому русскому князю Даніилу Романовичу; тотъ согласился помочь, но для обезпеченія успѣха посовѣтовалъ пригласить на помощь и тевтоно-ливонскихъ рыцарей.

Миндовгу приходилось плохо; но, благодаря своему уму и своей хитрости, онъ успѣлъ выпутаться изъ этихъ обстоятельствъ. Сначала онъ уладилъ дѣло съ рыцарями. Узнавъ, что тѣ, по просьбѣ племянниковъ и дяди, думаютъ напасть на него, Миндовгъ послалъ къ нимъ посла съ богатыми подарками и просьбою не заступаться за его родичей, а лучше помириться съ нимъ и жить въ дружбѣ. Начальникъ тевтоно-ливон-

скаго ордена или магистръ отвѣтилъ, что рыцари согласны на это, но съ условіемъ, чтобы онъ принялъ католичество и подчинился папѣ. Литовскій князь согласился, и въ 1252 году въ столицѣ своей Новгродкѣ былъ крещенъ. Объ этомъ было донесено папѣ Иннокентію IV; папа пришелъ въ восторгъ, принялъ Миндовга подъ свое особое покровительство, приказалъ короновать его королевскимъ вѣнцомъ и навсегда запретилъ рыцарямъ и полякамъ нападать на литовскаго князя.

Покончивъ съ нѣмцами, Миндовгъ задумалъ помириться и съ галицко-русскимъ княземъ Даніиломъ Романовичемъ. Для переговоровъ онъ послалъ въ Холмъ, столицу Галицкаго княжества, своего старшаго сына Войшелка. О Войшелкѣ разсказываютъ, что онъ до отправленія въ Холмъ отличался необыкновенною жестокостію: каждый день убивалъ по два и по три человѣка; въ тѣ же дни, въ которые не приходилось никого убить, онъ былъ „печаленъ и грустенъ". Прибывши въ Холмъ, Войшелкъ весьма ласково принятъ былъ галицкимъ княземъ и прожилъ у него нѣсколько мѣсяцевъ. Тутъ онъ познакомился съ однимъ монахомъ (игуменомъ одного православнаго монастыря), человѣкомъ благочестивой и святой жизни, который такъ повліялъ на Войшелка, что тотъ совершенно измѣнился: изъ жестокаго и буйнаго сдѣлался тихимъ, кроткимъ, благочестивымъ и принялъ даже монашество.

Войшелкъ достигъ той цѣли, съ которою былъ посланъ отцомъ: миръ былъ заключенъ. Условія этого мира были слѣдующія: старшему сыну Галицкаго князя Роману Миндовгъ уступалъ Черную Русь съ Новгродкомъ, Волковыскомъ, Здатовымъ и др. городами на вассальныхъ правахъ, т. е., говоря проще, Миндовгъ

сдѣлалъ Даніилова сына Романа своимъ намѣстникомъ въ Черной Руси. Въ заключеніе миръ этотъ скрѣпленъ былъ женитьбою младшаго сына Даніила Романовича Шварна на дочери Миндовга. Послѣ этого литовскій князь сдѣлалъ своею столицею г. Керновъ, куда и перешелъ жить.

Между тѣмъ какъ шли переговоры съ галицкимъ княземъ, Миндовгъ продолжалъ дружить съ нѣмцами. Тѣ успѣли въ теченіе этого времени выманить у литовскаго князя часть ятвяжской земли и часть жмудской, а также заставить его написать актъ, по которому Миндовгъ, въ случаѣ своей смерти, отказывалъ все свое княжество рыцарямъ. Но все, что дѣлалъ Миндовгъ для рыцарей, съ его стороны было фальшью и ложью: онъ ждалъ только случая, чтобы разорвать связь съ рыцарями и отнять у нихъ все то, что уступилъ. Случай дѣйствительно скоро представился: получивъ отъ Миндовга часть жмудской и ятвяжской земли, нѣмцы стали обращать въ католичество жителей этихъ областей и при этомъ облагать ихъ въ свою пользу и пользу костеловъ огромными налогами, причемъ непокорныхъ и ослушниковъ предавать мучительнымъ казнямъ. Тогда жмудины и ятвяги подняли возстаніе: раззорили костелы, перерѣзали католическихъ священниковъ и прелатовъ и стали нападать на владѣнія самихъ рыцарей. Такимъ образомъ возгорѣлась борьба. Чтобы одолѣть литовцевъ, рыцари пригласили на помощь поляковъ (жителей Куявіи и Мазовіи), а литовцы—Миндовга и русскихъ, жившихъ подъ властію Миндовга. Миндовгъ очень радъ былъ этому приглашенію: онъ нашелъ этотъ случай самымъ удобнымъ моментомъ для того, чтобы разорвать связь съ рыцарями и отнять у нихъ тѣ земли, которыя онъ

уступилъ имъ послѣ крещенія. Прежде всего литовскій князь отрекся отъ христіанства и объявилъ себя врагомъ рыцарей, затѣмъ, соединившись съ русскими, напалъ на орденскія владѣнія и тамъ нанесъ нѣсколько пораженій нѣмцамъ и полякамъ, послѣ чего и тѣ, и другіе присмирѣли. Миндовгъ вернулъ свои области. Одинъ древній лѣтописецъ, описывая эту борьбу, говоритъ, что литовцы и русскіе столько взяли плѣнныхъ нѣмцевъ и поляковъ, что мѣняли ихъ между собою на коровъ, лошадей и свиней, какъ скотину.

Послѣ этой войны Миндовгъ не долго жилъ: въ 1263 г. онъ сильно оскорбилъ одного своего родственника, по имени Довмонта; тотъ составилъ противъ него заговоръ и вмѣстѣ съ племянниками Миндовга убилъ его. Послѣ этого Довмонтъ бѣжалъ въ Псковъ, принялъ тамъ православіе, съ именемъ Тимоѳея, сдѣланъ былъ княземъ и 35 лѣтъ управлялъ городомъ съ честію и славою. За это время характеръ его измѣнился. „Довмонтъ, съ принятіемъ православія", говоритъ одна лѣтопись (псковская), „сдѣлался добрымъ, благочестивымъ, милосерднымъ и совершенно уподобился древнимъ русскимъ князьямъ—Владимиру Святому и Владимиру Мономаху". Когда онъ умеръ, то тѣло его осталось нетлѣннымъ и православная церковь причислила Довмонта (Тимоѳея) къ лику святыхъ; мощи его почиваютъ въ Псковѣ.

Событія, случившіяся въ Литвѣ послѣ Миндовга до Гедимина.

По смерти Миндовга въ Литвѣ образовались двѣ партіи. Одна изъ этихъ партій хотѣла, чтобы въ ихъ странѣ оставалось все по старому, безъ измѣненія, чтобы всѣ говорили по-литовски, поклонялись своимъ

древнимъ языческимъ богамъ, сохраняли свои литовскіе нравы и обычаи и т. п. Эта партія называлась языческою или національною. Другая партія, напротивъ, требовала, чтобы въ Литвѣ всѣ говорили по-русски, держались православной вѣры, слѣдовали русскимъ обычаямъ и т. п. Эта партія называлась русскою, она была весьма сильна и могуча. Между этими партіями идетъ сильная борьба, причемъ, то литовская партія одолѣваетъ русскую, то русская удолѣваетъ литовскую, то литовская партія возводитъ на престолъ своего представителя, то русская своего. Послѣ убіенія Миндовга на литовскій престолъ вступилъ Тронятъ, представитель языческой или національной партіи; но его тоже скоро убили, и мѣсто его занялъ Войшелкъ, представитель русской партіи. Но Войшелкъ самъ не управлялъ государствомъ: онъ уступилъ власть, съ согласія всѣхъ литовцевъ, своему зятю Шварну Даніиловичу, князю русскому и православному. Шварнъ былъ очень хорошимъ княземъ, его сильно любили всѣ литовцы, но онъ скоро умеръ. Послѣ его смерти литовскій престолъ опять занялъ Войшелкъ. Но Войшелкъ и теперь недолго княжилъ: въ 1268 году онъ съ нѣкоторыми русскими и литовскими князьями прибылъ во Владиміръ на Волыни для разсужденія о разныхъ государственныхъ дѣлахъ; тамъ съѣхавшіеся князья устроили въ монастырѣ св. Михаила пиръ, на которомъ пьяные поссорились и подрались; дѣло кончилось тѣмъ, что одинъ русскій князь Левъ Даніиловичъ (братъ Шварна) такъ неосторожно толкнулъ Войшелка, что тотъ ударился головой о стѣну, получилъ сотрясеніе мозга и умеръ.

Черезъ два года по смерти Войшелка литовскій престолъ занялъ Тройденъ, представитель языческой

или національной партіи. Онъ извѣстенъ борьбою съ нѣмцами и поляками.

Тройденъ управлялъ государствомъ 12 лѣтъ; онъ имѣлъ одного сына Ромунда, которому хотѣлъ передать литовскій престолъ, но тотъ отказался, принялъ православіе съ именемъ Лавра, построилъ себѣ монастырь, гдѣ постригся въ монахи и умеръ настоятелемъ.

Въ 1282 году Тройденъ былъ убитъ заговорщиками. Ему наслѣдовалъ представитель русской партіи Лютауръ, который былъ родомъ изъ жмудскаго мѣстечка Эйраголы, Ковенской губерніи. Послѣ Лютаура на литовскій престолъ вступилъ сынъ его Витень, а затѣмъ братъ его Гедиминъ.

Гедиминъ.

1316—1341 г.

Гедиминъ былъ государь умный, дѣятельный и въ высшей степени справедливый. При немъ Литовское княжество значительно расширилось присоединеніемъ русскихъ областей; но это присоединеніе произошло не чрезъ завоеванія, а совершилось оно мирнымъ путемъ: такъ Волынская область присоединена была черезъ женитьбу сына его Любарта на дочери послѣдняго волынскаго князя Льва Юрьевича Бушѣ. Такимъ же мирнымъ путемъ присоединено было къ Литовскому княжеству и Витебское княжество, именно: другой сынъ Гедимина Ольгердъ въ 1318 г. женился на единственной наслѣдницѣ послѣдняго витебскаго князя Ярослава Васильевича Маріи Ярославовнѣ. Затѣмъ мирнымъ же путемъ, именно посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ, присоединены были къ Литовскому княжеству русскія княжества: Полоцкое, Пинское, Туровское и Минское. Путемъ переговоровъ

Геeиминъ думалъ даже присоединить къ своимъ владѣніямъ Псковъ и Новгородъ; но это ему не удалось, потому что въ этомъ дѣлѣ у него явился соперникъ— Іоаннъ Даніиловичъ Калита; московскій князь болѣе искусными дѣйствіями предупредилъ литовскаго князя и подчинилъ эти города своему вліянію. Вступить же въ борьбу съ московскимъ княземъ Гедиминъ не рѣшался, какъ по своему миролюбивому характеру, такъ и потому, что московскій князь былъ сильнѣе его и имѣлъ еще на своей сторонѣ хана Золотой орды [1]). Въ заключеніе Гедиминъ помирился съ московскимъ княземъ и выдалъ за его сына свою дочь.

Борьба Гедимина съ тевтоно-ливонскими рыцарями. Въ продолженіе своего 25-лѣтняго княженія Гедиминъ велъ войну съ одними только нѣмцами, т. е. съ тевтоно-ливонскими рыцарями, за то, что тѣ нападали на его области, грабили и опустошали пограничныя селенія. Особенно много опустошительныхъ набѣговъ совершили рыцари подъ конецъ царствованія Гедимина; для своихъ походовъ они нерѣдко приглашали къ себѣ на помощь вольныхъ дружинниковъ изъ западной Европы; но литовцы вездѣ геройски защищались, особенно около крѣпостей и замковъ; по словамъ древнихъ писателей, нерѣдко случалось, что литовцы, видя невозможность защитить свой замокъ или крѣпость, сами поджигали и затѣмъ со всѣмъ имуществомъ бросались

---

[1]) Золотою ордою назывались татары (монголы), жившіе по нижнему теченію р. Волги, гдѣ на одномъ изъ рукавовъ ея у нихъ былъ городъ Сарай. Въ началѣ XII вѣка орда эта жила около Аральскаго моря; въ 1237 году она, подъ начальствомъ Батыя, пришла въ Европу и, овладѣвъ всею русскою землею, обложила жителей ея тяжелою данью; въ 1241 году орда эта поселилась на нижнемъ теченіи Волги, откуда ханы ея управляли Русскою землею болѣе 200 лѣтъ.

въ пламя и тамъ погибали, лишь бы только не попасться въ плѣнъ къ рыцарямъ. Такъ, въ одной лѣтописи, между прочимъ, разсказывается слѣдующее: въ 1237 г. рыцари напали на крѣпость Пулень, два мѣсяца осаждали ее и не могли взять. Тогда одному рыцарю пришло въ голову бросить внутрь крѣпости, гдѣ было много деревянныхъ строеній, нѣсколько стрѣлъ съ горючимъ составомъ, чтобы произвести пожаръ. Средство это удалось: пожаръ вспыхнулъ. Литовцы, видя, что для нихъ нѣтъ уже спасенія, рѣшились умереть поголовно, а тѣла сжечь на кострѣ. Для этой цѣли они сложили на площади огромный костеръ и зажгли его; потомъ умертвили дѣтей своихъ и бросили въ пламя; затѣмъ взрослые поручили одной старухѣ рубить имъ головы и бросать на костеръ; когда же та изнемогла, то оставшіеся въ живыхъ разбились на пары и вонзили другъ въ друга мечи. Остался въ живыхъ одинъ только начальникъ крѣпости Моргеръ съ женою. Моргеръ на глазахъ рыцарей, когда тѣ уже перебирались черезъ стѣны крѣпости, возвелъ свою жену на костеръ и тутъ собственноручно убилъ мечомъ сначала ее, а потомъ и себя.

Послѣ взятія Пуленя война продолжалась еще три года и кончилась тѣмъ, что самъ Гедиминъ въ 1341 г. около нѣмецкой крѣпости Бейербурга былъ убитъ изъ ружья, впервые примѣненнаго рыцарями къ дѣлу. Трупъ Гедимина привезенъ былъ въ Вильну и сожженъ за городомъ на самой высокой горѣ, извѣстной и до сего времени подъ именемъ „Гедиминовой горы".

Отношенія Гедимина къ христіанамъ; внутренняя дѣятельность Гедимина. Несмотря на то, что Гедиминъ былъ язычникъ и поклонялся идоламъ, онъ съ большимъ уваженіемъ относился къ христіанамъ православнаго

исповѣданія. Три раза Гедиминъ былъ женатъ; первая жена его была литвинка и исповѣдывала, какъ и онъ самъ, языческую религію, а остальныя двѣ—русскія и православныя: одну изъ нихъ звали Ольгою (имя ея сохранилось въ имени старшаго сына Ольгерда), а другую — Евою (имя этой сохранилось въ имени ея сына Явнута). Отъ этихъ трехъ женъ у Гедимина было 7 сыновей и 5 дочерей; изъ нихъ 5 сыновей и 4 дочери были православные.

Для молитвы и совершенія богослуженія при Гединимѣ православные имѣли въ Вильнѣ церковь св. Николая. Церковь эта существуетъ и до настоящаго времени, она находится на Большой улицѣ.

Къ католикамъ Гедиминъ также относился съ большимъ уваженіемъ. Для совершенія богослуженія католики имѣли въ Вильнѣ два монастыря—францисканскій и доминиканскій. Но, впрочемъ, Гедиминъ скоро поссорился съ ними за то, что они написали отъ его имени нѣсколько подложныхъ грамотъ и отослали къ папѣ и разнымъ католическимъ орденамъ на Западѣ. Въ этихъ грамотахъ, между прочимъ, сказано было, что будто Гедиминъ желаетъ креститься и проситъ прислать ему епископовъ и разныхъ миссіонеровъ для крещенія его подданныхъ и что будто онъ давно хотѣлъ это сдѣлать, но осуществленію его намѣренія мѣшали „корыстолюбивые и алчные рыцари Тевтоно-Ливонскаго ордена“. Эти грамоты написаны были, какъ впослѣдствіи оказалось, монахами двухъ названныхъ выше монастырей, по просьбѣ рижскаго католическаго епископа, желавшаго очернить предъ папою рыцарей, съ которыми онъ давно ссорился.

Княженіе Гедимина особенно замѣчательно по внутренней дѣятельности этого князя. Чтобы развить и

усовершенствовать въ Литвѣ ремесла и торговлю, онъ вызвалъ изъ-за границы множество свѣдущихъ въ этихъ дѣлахъ лицъ. Для защиты отъ нападенія внѣшнихъ враговъ Гедиминъ построилъ много крѣпостей и замковъ; замѣчательнѣйшими изъ нихъ были—крѣпости: Юнигеда, Путеба, Бисена и друг., замки: два виленскихъ, два трокскихъ, кревскій и др.

Въ 1323 г. или около этого времени Гедиминъ перенесъ свою столицу изъ Трокъ въ Вильну и построилъ два виленскихъ замка — одинъ на вершинѣ такъ называемой Турьей горы (теперь Замковая), а другой у подошвы ея, противъ святилища Ромове, перенесеннаго сюда въ концѣ XIII в. изъ Кернова [1]).

Ольгердъ.

1345—1377 г.

Послѣ смерти Гедимина въ Литовскомъ княжествѣ въ продолженіе пяти лѣтъ не было великаго князя;

[1]) Нѣкоторые изъ древнихъ литовскихъ писателей говорятъ, будто бы Гедиминъ и самую Вильну основалъ; объ основаніи этого города они приводятъ цѣлую легенду (вымышленный разсказъ). Вотъ эта легенда. Однажды Гедиминъ со всѣмъ своимъ дворомъ отправился изъ Трокъ къ устью р. Вилейки (притокъ Виліи; Вилейка впадаетъ въ Вилію въ Вильнѣ, около Замковой горы) на охоту. Охота удалась: князь самъ лично убилъ на Турьей (Замковой) горѣ большого дикаго быка или тура. Наступила ночь, ѣхать въ Троки было поздно; Гедиминъ расположился ночевать около этой самой горы, гдѣ былъ убитъ туръ. Ночью ему приснился довольно странный сонъ: на вершинѣ Турьей горы стоялъ желѣзный волкъ и вылъ такимъ громкимъ голосомъ, что какъ будто внутри его сидѣли еще сто волковъ. На слѣдующій день Гедиминъ пригласилъ къ себѣ главнаго жреца, по имени Лездейку, и разсказалъ ему свой сонъ. Жрецъ такъ растолковалъ князю этотъ сонъ: желѣзный волкъ означаетъ знаменитый столичный городъ, который долженъ возникнуть здѣсь, а громкій вой звѣря предвѣщаетъ всемірную славу будущаго города. Выслушавъ это предсказаніе, Гедиминъ немедленно отдалъ приказаніе построить городъ, который былъ названъ Вильною, куда затѣмъ перенесена была резиденція князя.

всѣ сыновья Гедимина жили каждый въ своемъ удѣлѣ. Правда, по смерти Гедимина въ Вильнѣ жилъ младшій его сынъ Явнутъ, но онъ не былъ великимъ литовскимъ княземъ, а жилъ въ этомъ городѣ потому, что здѣсь жила его мать Ева. Между тѣмъ, главные враги литовцевъ тевтоно-ливонскіе рыцари, узнавъ о томъ, что въ Литвѣ нѣтъ великаго князя, рѣшились напасть на Жмудь и овладѣть ею. Но о замыслахъ нѣмцевъ скоро стало извѣстно дѣтямъ Гедимина; тѣ перепугались, только двое изъ нихъ, именно Ольгердъ, князь витебскій и Кейстутъ, князь трокскій, не оробѣли. Эти два кровныхъ брата порѣшили между собою: сначала овладѣть Вильною и возстановить великокняжескую власть, затѣмъ подчинить ей разрозненные мелкіе литовско-русскіе удѣлы, а потомъ начать борьбу съ нѣмцами, когда они нападутъ на Жмудь.

Въ декабрѣ 1345 г., въ одну изъ бурныхъ и холодныхъ ночей, Ольгердъ и Кейстутъ напали на Вильну, овладѣли городомъ съ двумя его замками и арестовали брата. На слѣдующій день Ольгердъ объявилъ себя великимъ княземъ, а Кейстута—своимъ помощникомъ.

Занявъ великокняжескій литовскій престолъ, Ольгердъ прежде всего постарался устранить опасность, грозившую государству со стороны рыцарей: онъ собралъ сильное войско, совершилъ нѣсколько удачныхъ доходовъ на владѣнія тевтоно—ливонскихъ рыцарей и этимъ заставилъ ихъ отказаться отъ мысли о завоеваніи Жмуди.

Ольгердъ былъ человѣкъ умный, хитрый, ловкій и въ высшей степени скрытный. „Онъ“, говоритъ одинъ древній писатель, „не пилъ ни вина, ни пива и только думалъ о томъ, какъ бы увеличить свои владѣнія“.

32 года Ольгердъ управлялъ Литовскимъ государствомъ; въ продолженіе этого времени онъ много захватилъ русскихъ земель и присоединилъ ихъ къ своему государству. Такъ, между прочимъ, въ 1355 г. онъ овладѣлъ Чернигово-Сѣверскою землею; въ 1359 г. подчинилъ своему вліянію Смоленское княжество; въ 1362 г. поразилъ на р. Синія-воды (нынѣшней Синюхѣ, притокѣ Буга) трехъ намѣстниковъ хана Золотой Орды и овладѣлъ Подольскою областью [1]); въ томъ же году, послѣ битвы на Синихъ-водахъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Кіевъ, смѣнивъ подручника хана Золотой Орды—князя Θедора. Въ концѣ своего княженія Ольгердъ хотѣлъ было овладѣть и Тверскимъ княжествомъ, но въ этомъ дѣлѣ ему помѣшалъ московскій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской. Мстя за эту неудачу литовскій князь съ огромными силами три раза ходилъ на Москву, но всякій разъ безъ успѣха; въ

---

[1]) У нѣкоторыхъ древнихъ писателей есть темные намеки на то, что Ольгердъ, разбивъ на Синихъ-водахъ трехъ намѣстниковъ хана Золотой Орды, ходилъ въ Крымъ и тамъ взялъ г. Корсунь или Херсонъ. Затѣмъ существуетъ преданіе, что Ольгердъ, возвращаясь на родину, взялъ съ собою изъ одной греческой церкви этого города чудотворную икону Богоматери, привезъ ее въ Вильну, поставилъ въ часовнѣ надъ южными городскими воротами и поручилъ монахамъ Троицкаго православнаго монастыря охранять часовню и совершать предъ иконою богослуженіе. Икона эта, по свидѣтельству другихъ писателей, находилась во власти троицкихъ православныхъ монаховъ до XVII в. Въ началѣ же XVII в., когда Троицкій монастырь обращенъ былъ въ уніатскій, католическіе монахи, кармелиты, захватили себѣ эту икону, вмѣстѣ съ часовнею, поставили тутъ своего монаха для совершенія богослуженія. Троицкіе монахи, будучи уже уніатами, жаловались папѣ, прося его возвратить имъ икону, но онъ не согласился на это.

Примѣчаніе. Икона эта до настоящаго времени принадлежитъ католикамъ и находится тамъ, гдѣ поставлена была Ольгердомъ, и извѣстна теперь подъ именемъ иконы Божіей Матери „Островрамской“ (Островоротной).

послѣдній походъ онъ даже разбитъ былъ русскими воеводами на-голову около г. Любутска (Калужской губ.) и потому долженъ былъ заключить миръ съ московскимъ княземъ и отказаться отъ Тверского княжества, причемъ для прочности мира Ольгердъ выдалъ свою дочь Елену за двоюроднаго брата московскаго князя, Андрея Владимировича Серпуховскаго.

Кромѣ этого, Ольгердъ велъ еще войну съ польскимъ королемъ Казимиромъ Великимъ за Галицію. Борьба эта продолжалась очень долго; она возобновлялась три раза и кончилась тѣмъ, что Галиція осталась за польскимъ королемъ, который поручилъ управленіе ею князю Владиславу Опольскому [1]).

---

[1]) Владиславъ Опольскій сначала былъ православнымъ, а потомъ перешелъ въ католичество и за преслѣдованіе православныхъ въ Галиціи, съ цѣлію обратить ихъ въ католичество, получилъ отъ римскаго папы названіе „апостола латинской церкви". По свидѣтельству польскихъ писателей, Владиславъ Опольскій извѣстенъ еще тѣмъ, что во время борьбы за Галицію въ 1377 году увезъ изъ православной церкви, находившейся въ г. Бельзѣ, такъ называемую „Ченстоховскую" икону Божіей Матери; сначала онъ помѣстилъ эту икону въ г. Львовѣ, а потомъ въ своемъ имѣніи Ченстоховѣ, гдѣ она теперь находится въ католическомъ монастырѣ паулиновъ (босоногихъ) и въ настоящее время составляетъ главную святыню поляковъ.

Ченстоховская икона Божіей Матери, по преданію, написана св. евангелистомъ Лукою. О томъ, какъ она попала въ Бельзъ, говорятъ различно; но вѣроятнѣе всего, какъ полагаетъ большинство писателей, это случилось слѣдующимъ образомъ: русскій князь Владиміръ Святой, женившись въ 988 году на греческой царевнѣ, получилъ эту икону изъ Константинополя и поставилъ ее въ своемъ дворцѣ въ Кіевѣ; тутъ она находилась долго, пока одинъ изъ преемниковъ его (имя неизвѣстно), отдавая дочь свою за Бельзскаго князя (имя тоже неизвѣстно), подарилъ ему и эту святую икону.

Примѣчаніе. Отъ временъ борьбы Ольгерда съ польскимъ королемъ Казимиромъ Великимъ осталась замѣчательная грамата, именно: мирный договоръ Казимира Великаго съ братьями Ольгерда и его племянниками; договоръ этотъ написанъ по-русски и начинается такъ: „Пусть вѣдаетъ каждый человѣкъ, кто

Но особенно упорна и продолжительна была борьба Ольгерда съ тевтоно-ливонскими рыцарями. Въ княженіе Ольгерда нѣмцы совершили на литовско-русскія владѣнія болѣе 100 походовъ. Замѣчательныхъ битвъ было четыре: Стравская битва (произошла недалеко отъ Трокъ), въ которой, по словамъ рыцарей, литовцы потеряли болѣе 18,000 человѣкъ; затѣмъ—битва въ 1360 году (гдѣ происходила—неизвѣстно), въ которой братъ Ольгерда Кейстутъ попался въ плѣнъ и восемь мѣсяцевъ просидѣлъ у рыцарей въ одной замковой башнѣ, пока, благодаря содѣйствію одного служителя, по имени Альфа, не пробилъ желѣзной киркой стѣны и не ушелъ въ Литву; потомъ битва около крѣпости Ковны въ 1362 году и, наконецъ, самая замѣчательная битва около мѣстечка Родовы (недалеко

на тый листъ посмотритъ, еже я князь Евнутій, и Кейстутій, и Любартъ (братья Ольгерда), и Юрій Наримунтовичъ, и Юрій Каріатовичъ (племянники Ольгерда) чинимъ миръ твердый съ королемъ Казимиромъ польскимъ" и т. д. Къ граматѣ приложены печать и подписи. Подлинникъ хранится въ главномъ архивѣ Ц. Польскаго, въ Варшавѣ.

Читая эту грамату, мы видимъ, что она какъ будто бы написана по-славянски, но тогда (т. е. въ XIV ст., грамата написана въ 1347 г.) такъ говорили по-русски. Грамата эта ясно показываетъ, что русскій языкъ въ XIV ст. въ Литвѣ сильна былъ распространенъ и считался какъ-бы природнымъ.

Кромѣ этой граматы остались цѣлыя сотни подобныхъ граматъ (т. е. писанныхъ по-русски). Эта грамата считается первымъ документомъ, сохранившимся на русскомъ языкѣ. Очень можетъ быть, что были граматы и болѣе древнія, напримѣръ XII или XIII ст., но они уничтожены іезуитами и польскими католическими духовными лицами. Польскій историкъ Ярошевичъ говоритъ, что въ XVII ст. послѣ провозглашенія уніи, іезуитами и польскими патріотами много сожжено русскихъ книгъ; больше всѣхъ сожигали русскія книги два іезуита: Голинскій и Скарга и два епископа: Протосевичъ и Радзевиллъ. Сожигали русскія книги съ тою цѣлію, чтобы уничтожить въ Литвѣ всякую память о русской народности и православіи.

отъ Куришгафа). Въ этой послѣдней битвѣ участвовало болѣе 70,000 литовскаго войска и болѣе 40,000 рыцарей; произошла она 17 февраля 1370 г., длилась цѣлый день, но кончилась ничѣмъ.

Главнымъ героемъ въ борьбѣ Ольгерда съ рыцарями былъ Кейстутъ. По свидѣтельству какъ нѣмецкихъ, такъ и литовскихъ писателей, Кейстутъ былъ человѣкъ умный, храбрый, честный и въ высшей степени справедливый. Онъ исповѣдывалъ языческую религію, а потому былъ любимцемъ коренного литовскаго населенія и пользовался неограниченнымъ его довѣріемъ. Женатъ онъ былъ на красавицѣ—вайделоткѣ, юной Бейрутѣ, которую похитилъ изъ храма богини Прауримы въ Полангенѣ (теперь мѣстечко въ Ковенской губерніи, недалеко отъ Балтійскаго моря).

По свидѣтельству современниковъ, Кейстутъ былъ высокаго роста, худощавый, съ блѣднымъ лицомъ, тонкими губами и черными искрящими глазами; на головѣ у него было мало волосъ, грудь имѣлъ высокую, покрытую длинною густою бородою; голосомъ обладалъ громкимъ, а когда сердился, то на челѣ его вздувались жилы, весь онъ дрожалъ и въ это время былъ страшенъ. Жилъ Кейстутъ постоянно въ Трокахъ, въ томъ замкѣ, который построилъ Гедиминъ на островѣ озера Гальвы.

Несмотря на то, что Кейстутъ былъ язычникъ и поклонялся идоламъ, всѣ христіане его любили; за свою честность и храбрость онъ пользовался особымъ уваженіемъ даже со стороны рыцарей Тевтоно-Ливонскаго ордена, которые нерѣдко приглашали его къ себѣ въ гости и при этомъ въ честь его устраивали пиры и разнаго рода увеселенія.

Православіе Ольгерда; постройка православныхъ церквей въ Вильнѣ и распространеніе въ этомъ городѣ православія; православные и католическіе мученики. Подобно отцу своему Гедимину, Ольгердъ очень любилъ православіе и уважалъ русскую народность. Онъ самъ исповѣдывалъ православную вѣру и носилъ имя Андрея. Православіе Ольгердъ принялъ въ Витебскѣ въ 1318 году, предъ вступленіемъ своимъ въ бракъ съ дочерью витебскаго князя Ярослава, Маріею Ярославовною.

Ольгердъ былъ женатъ два раза; обѣ жены его были православныя и русскія княжны; первая жена его была, сейчасъ упомянутая нами, Марія Ярославовна, княжна витебская, а вторая (первая умерла въ 1346 году) – тверская княжна по имени Юліанія Михайловна, на которой онъ женился въ 1352 году.

Какъ самъ Ольгердъ, такъ и обѣ жены его отличались глубокимъ благочестіемъ и построили много православныхъ церквей; такъ, изъ древнихъ литовскихъ и русскихъ лѣтописей видно, что самъ Ольгердъ, живя въ Витебскѣ у тестя, построилъ двѣ православныя церкви, именно: Благовѣщенія и св. Духа; церкви эти, хотя и въ измѣненномъ видѣ, существуютъ и донынѣ. Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Вильну, онъ обратилъ идольское капище въ верхнемъ замкѣ въ православную церковь во имя св. архистратига Михаила [1], а въ 1346 году построилъ въ Вильнѣ, на берегу Вилейки, церковь во имя Успенія пресвятыя Богородицы, извѣстную теперь подъ именемъ Пречистенскаго собора [2]. Жена Ольгерда Марія Ярославовна въ 1345

---

[1]) Впослѣдствіи католики обратили эту церковь въ костелъ св. Мартина; теперь отъ этой церкви остались однѣ развалины, которыя находятся на восточной сторонѣ Замковой горы.

[2]) Интересна судьба этой православной церкви. Въ 1348 г.

году построила въ Вильнѣ церковь во имя св. великомученицы Параскевы; церковь эта извѣстна теперь подъ именемъ Пятницкой. По словамъ одного польскаго ксендза, іезуита Лодзяты, жившаго въ XVII в., церковь эта построена на мѣстѣ разрушеннаго капища языческаго бога Рагутиса (богъ веселія). Юліанія построила въ Вильнѣ Троицкій монастырь, который существуетъ и понынѣ.

Ольгердъ настолько любилъ православіе и сознавалъ превосходство его надъ языческою религіею, что позволилъ духовнику своей жены Маріи Ярославовны, монаху Нестору, распространять это исповѣданіе среди виленскихъ язычниковъ. Успѣхъ былъ громадный: православіе принимали не только простые литвины, но даже и знатные вельможи. Между послѣдними замѣчательны были: два брата—Кумецъ и Нежило и третій—ихъ близкій родственникъ—Круглецъ; Кумецъ въ право-

---

храмъ этотъ былъ освященъ владимирскимъ епископомъ Алексіемъ, пріѣзжавшимъ въ Вильну по приглашенію самаго Ольгерда.

При Витовтѣ, когда русская митрополія раздѣлилась на двѣ митрополіи—восточную и западную—храмъ этотъ сдѣлался главнымъ для всей Литвы и Западной Россіи и сталъ называться митрополичьимъ, потому что съ этого времени въ этомъ храмѣ начали совершать богослуженіе русскіе митрополиты, жившіе въ Вильнѣ.

Въ 1609 году польское правительство отняло у православныхъ этотъ храмъ и передало уніатамъ.

Въ 1748 году храмъ этотъ подвергся пожару и въ немъ прекратилось богослуженіе; но 37 лѣтъ спустя, послѣ возобновленія, въ немъ опять начало совершаться богослуженіе, которое продолжалось до 1800 года. Въ этомъ году оно опять прекратилось и самый храмъ, по ходатайству польскаго магната Адама Чарторыйскаго, обращенъ былъ въ анатомическій театръ, а потомъ въ жидовскую кузницу.

Послѣ послѣдняго польскаго мятежа эта древняя православная святыня, благодаря графу Муравьеву, снова возстановлена и теперь представляетъ величественный храмъ.

славіи получилъ имя Іоаннъ, Нежило — Антоній, а Круглецъ — Евстафій.

Принятіе православія этими вельможами сильно встревожило криве-кривейто и всю его коллегію жрецовъ. Опасаясь за судьбу своей религіи, они толпою явились къ Ольгерду и потребовали выдачи Іоанна, Антонія и Евстафія для наказанія за отступленіе отъ вѣры отцовъ. Ольгердъ страшно перепугался: онъ только что овладѣлъ литовскимъ престоломъ, а языческая партія въ Вильнѣ была очень сильна. Боясь лишиться престола, онъ уступилъ требованію жрецовъ и выдалъ имъ этихъ вельможъ. Жрецы, взявъ ихъ къ себѣ, сначала предали ихъ жестокимъ мученіямъ, а потомъ бросили въ тюрьму.

Между тѣмъ, о страданіяхъ Іоанна, Антонія и Евстафія узнали жители Вильны. Они тысячами стали стекаться къ заключеннымъ, прося научить ихъ той вѣрѣ, за которую тѣ страдаютъ. Это еще болѣе ожесточило жрецовъ и они порѣшили умертвить заключенныхъ въ темницѣ вельможъ.

Тамъ, гдѣ теперь въ Вильнѣ стоитъ православный Троицкій монастырь, въ половинѣ XIV стол. была густая дубовая роща, въ которой литовскіе языческіе жрецы приносили своимъ богамъ жертвы. Среди этой рощи былъ одинъ крѣпкій и развѣсистый дубъ, отличавшійся предъ другими своею величиною и считавшійся священнымъ у литовцевъ. На этомъ то дубѣ въ 1347 г. повѣшены были одинъ за другимъ названные выше три мученика. Сначала повѣшенъ былъ, 14 апрѣля, Антоній, потомъ, 24 числа того же мѣсяца, братъ его Іоаннъ и наконецъ, спустя 7 мѣсяцевъ, ихъ родственникъ Евстафій. Тѣло послѣдняго мученика, какъ передаютъ древніе писатели, три дня висѣло на деревѣ,

но къ нему не прикоснулись „ни хищный звѣрь, ни плотоядная птица“. Тѣла всѣхъ трехъ свв. мучениковъ похоронены были православно-русскими жителями г. Вильны въ церкви св. Николая.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, вторая супруга Ольгерда Юліанія Михайловна, съ дозволенія мужа, велѣла вырубить ту дубовую рощу, гдѣ умерщвлены были Антоній, Іоаннъ и Евстафій, и затѣмъ построить упомянутый нами Троицкій монастырь; престолъ главнаго алтаря этого монастыря поставленъ былъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дубъ, на которомъ повѣшены были свв. мученики.

Когда воздвигнутъ былъ монастырь, православные жители г. Вильны порѣшили перенести въ него и тѣла мучениковъ. Съ этою цѣлію ихъ вынули изъ земли, причемъ обнаружилось, что они были нетлѣнны, хотя со времени погребенія прошло уже нѣсколько лѣтъ. Объ этомъ донесено было московскому митрополиту Алексію, отъ котораго въ то время зависѣла и православная литовская церковь; московскій митрополитъ донесъ восточнымъ патріархамъ, а тѣ положили причислить литовскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія къ лику святыхъ. По этому поводу въ 1364 г. митрополитъ Алексій нарочно пріѣзжалъ въ Вильну. Въ это время установленъ былъ день празднованія памяти сихъ мучениковъ, именно 14 апрѣля.

Мощи свв. мучениковъ въ настоящее время открыто почиваютъ въ виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ, куда онѣ перенесены были еще въ XVII столѣтіи.

Ольгердъ расположенъ былъ и къ католикамъ, но народъ не любилъ ихъ, за то, что монахи ихъ и ихъ священники, проповѣдуя католичество, употреб-

шой носъ, голубые глаза, брови густыя и свѣтлыя, длинную свѣтлорусую съ просѣдью бороду, того же цвѣта волосы на головѣ, спереди уже выпавшіе, чело высокое. Росту онъ былъ средняго, не толстъ, но и не сухощавъ; говорилъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ; отлично сидѣлъ на конѣ, но ходилъ прихрамывая на правую ногу, почему опирался на трость или на отрока. По нѣмецки хорошо понималъ и могъ объясняться, но въ бесѣдахъ съ нѣмцами всегда имѣлъ переводчика.

Я г а й л о.

1377—1392 г.

По сметри Ольгерда осталось 12 сыновей и 5 дочерей; всѣ они безъ исключенія были православнаго исповѣданія. Мѣсто Ольгерда занялъ Ягайло (въ православіи Яковъ), старшій сынъ Юліаніи, второй супруги покойнаго князя. Но вступленіе Ягайлы на престолъ Литовскаго княжества было не по сердцу литовскому народу. Литовскій народъ хотѣлъ видѣть на мѣстѣ Ольгерда брата его, Кейстута. Когда объ этомъ узналъ Ягайло, то положилъ умертвить дядю, а вмѣстѣ съ нимъ и сына его Витовта. Для этой цѣли онъ обманомъ заманилъ къ себѣ въ Вильну Кейстута и Витовта и тутъ арестовалъ ихъ, а затѣмъ обоихъ отправилъ въ Крево, гдѣ дядю засадилъ въ подземелье кревскаго замка, а Витовта въ высокую башню его.

Четверо сутокъ Кейстутъ томился въ подземельи, а на пятый день, по приказанію Ягайлы, былъ удавленъ золотымъ шнуркомъ отъ его собственной одежды. Это гнусное злодѣйство совершили слуги Ягайлы: Прокоша, Лисица, Жибентай и Кучукъ. Бывшій при

Кейстутѣ слуга его Григорій Омуличъ, православный и русскій по происхожденію, любимецъ Витовта, хотѣлъ было защитить своего князя, но тоже былъ убитъ. Убійцы пустили въ народѣ слухъ, будто Кейстутъ самъ лишилъ себя жизни.

На третій день послѣ убійства, погребальная колесница привезла въ Вильну тѣло Кейстута. При громадномъ стеченіи народа и общемъ рыданіи его, трупъ несчастнаго литовскаго героя по обряду языческой религіи былъ сожженъ близъ святилища „Ромове". Вмѣстѣ съ Кейстутомъ сожжены были: любимый его слуга, лучшій конь, четыре пары собакъ, рысьи и медвѣжьи когти и охотничій рогъ.

Умертвивъ Кейстута, Ягайло думалъ сдѣлать то же самое и съ Витовтомъ, но тотъ, благодаря самоотверженію своей жены Анны Святославовны, дочери смоленскаго князя, и ея служанки Елены, спасся отъ гибели: переодѣвшись въ женское платье, принесенное женою и служанкою, онъ бѣжалъ изъ башни къ тевтоно-ливонскимъ рыцарямъ. Здѣсь онъ обратился къ рыцарямъ съ просьбою помочь ему отомстить двоюродному брату за смерть отца, тѣ согласились. И вотъ, пять лѣтъ спустя по смерти Ольгерда, внутри Литовскаго княжества запылала страшная междоусобная война. Чѣмъ бы она кончилась—неизвѣстно, если бы въ это дѣло не вмѣшалась мать Ягайлы Юліанія. Она уговорила сына своего предложить Витовту миръ, а Витовта убѣдила согласиться на него. Миръ дѣйствительно состоялся. По этому миру Ягайло по прежнему остался великимъ княземъ, а Витовтъ получилъ Брестъ, Гродну, Луцкъ и др. города. Въ это же время Витовтъ, по просьбѣ Юліаніи, принялъ православіе

съ именемъ Александра [1]). Но хотя Ягайло, послѣ мира съ Витовтомъ, и остался великимъ княземъ, но онъ всетаки сильно боялся потерять престолъ, потому что всѣ подданные ненавидѣли его: коренные литовцы (язычники) ненавидѣли его за убійство Кейстута, а православные, русскіе—за то, что онъ, незадолго до этого, ходилъ на помощь хану Золотой Орды Мамаю (магометанину), когда тотъ выступилъ въ походъ противъ московскаго князя Дмитрія Донского, чтобы завоевать Россію и уничтожить православную вѣру [2]). Словомъ, положеніе Ягайлы, послѣ мира съ Витовтомъ, было въ высшей степени непрочно и онъ съ часу на часъ ожидалъ возстанія. Очень можетъ быть, что оно и случилось бы, тѣмъ болѣе, что и большинство братьевъ не любили Ягайлы; особенно не любили его братья отъ первой жены Ольгерда, Маріи Ярославовны. Но, къ счастью Ягайлы, въ это время въ Вильну явились послы изъ Польши и предложили ему соединить Литву съ Польскимъ государствомъ посредствомъ вступленія въ бракъ съ ихъ юною королевою Ядвигою; въ случаѣ согласія на это предложеніе, Ягайло долженъ былъ и поселиться въ Краковѣ, главномъ городѣ Польши.

---

[1]) *Примѣчаніе.* Древніе писатели разсказываютъ, что Витовтъ принявши православіе, въ 1384 году въ Трокахъ построилъ двѣ православныя церкви—одну во имя Рождества Христова, а другую—Рождества Пресвятыя Богородицы, и на содержаніе ихъ подарилъ богатое имѣніе, о чемъ свидѣтельствуетъ грамата, данная имъ духовенству сихъ церквей на владѣніе этимъ имѣніемъ. Грамата эти написана Витовтомъ по-русски и подписана имъ по-русски.

[2]) Но, какъ извѣстно, походъ этотъ кончился неудачно какъ для Мамая, такъ и для Ягайлы: Мамай былъ разбитъ на голову на Куликовскомъ полѣ, а Ягайло едва спасся бѣгствомъ; русскіе гнались за нимъ, но не догнали.

Краткій очеркъ Польскаго государства до соединенія его съ Литовскимъ княжествомъ или до вступленія на польскій престолъ Ягайлы Ольгердовича.

Польское государство, подобно русскому, образовалось изъ славянскихъ племенъ. На первыхъ порахъ оно занимало небольшое пространство между рѣками Одеромъ и Эльбою, Главный центръ его былъ тамъ, гдѣ протекаетъ р. Варта (притокъ Одера). Тамъ былъ и столичный городъ сего государства Гнѣзно.

Древніе польскіе писатели относятъ образованіе Польскаго государства къ VI в. по Рождествѣ Христовомъ, современные же ученые говорятъ, что это совершилось не ранѣе IX столѣтія. Первымъ польскимъ княземъ считаютъ Земовита, сына простого земледѣльца Пяста. Земовитъ покорилъ сосѣдніе славянскіе народы и въ 860 году образовалъ Польское государство. Земовитъ и его потомки, управлявшіе Польшею, составляли династію Пястовъ, по имени отца Земовита. Первымъ замѣчательнымъ княземъ изъ династіи Пяста, послѣ Земовита, былъ Мечиславъ I.

Мечиславъ I.

965—992 г.

Съ Мечислава I въ Польшѣ начинаются историческія времена. Мечиславъ замѣчателенъ былъ тѣмъ, что женившись на чешской княжнѣ Домбровкѣ, исповѣдывавшей православную вѣру, старался распространить православіе между своими подданными, поляками. Такимъ образомъ, въ Польшѣ сначала было распространяемо православіе; но это, впрочемъ, продолжалось недолго: тотъ же Мечиславъ I, женившись,

по смерти Домбровки, на одной католической монахинѣ, сталъ распространять въ своемъ государствѣ католичество и въ заключеніе подчинился нѣмцамъ.

Болеславъ Храбрый.

992—1025 г.

Болеславъ былъ сынъ и преемникъ Мечислава I. Онъ первый сталъ именоваться королемъ Польши, сильно любилъ нѣмцевъ и угождалъ имъ во всемъ. Особенно замѣчателенъ онъ тѣмъ, что образовалъ въ своемъ государствѣ, для защиты его, особое сословіе подъ названіемъ „шляхты"; вмѣсто жалованья онъ подчинилъ этому сословію свободныхъ земледѣльцевъ или крестьянъ, которые съ теченіемъ времени стали полными рабами своихъ владѣтелей и стали называться „быдломъ" или рабочимъ скотомъ. Такимъ образомъ, крѣпостное право въ Польшѣ началось въ началѣ XI столѣтія.

Мечиславъ II.

1025—1034 г.

Мечиславъ былъ сынъ Болеслава Храбраго, извѣстенъ своею порочною жизнію. При немъ Ярославъ I овладѣлъ Галиціею и Бельзомъ.

По смерти Мечислава II въ теченіе шести лѣтъ не было короля въ Польшѣ. Пользуясь этимъ, паны и духовенство ссорились и дрались между собою, а нѣкоторые изъ нихъ обратились въ разбойниковъ и занимались грабежомъ. Тогда крестьяне въ свою очередь подняли страшное возстаніе: они хотѣли избавиться отъ пановъ и духовенства и многихъ изъ нихъ перерѣзали; но бунтъ былъ скоро усмиренъ. Это было

первое и послѣднее возстаніе крестьянъ; съ этихъ поръ паны и духовенство все болѣе и болѣе стараются закрѣпостить ихъ за собою и обратить въ холопство, съ лишеніемъ всѣхъ человѣческихъ правъ.

Казимиръ I.

1040—1058 г.

Былъ умный и добрый правитель. Женатъ былъ на дочери русскаго князя Владимира Святого Доброгнѣвѣ. При немъ польская столица перенесена была изъ Гнѣзна въ Краковъ.

Болеславъ Отважный.

1058—1081 г.

Сынъ Казимира, внукъ (по матери) русскаго князя Владимира Св. Подъ руководствомъ своей умной матери Маріи-Доброгнѣвны получилъ прекрасное воспитаніе. Это былъ великій государь. Онъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что хотѣлъ отнять крестьянъ у пановъ и духовенства и сдѣлать ихъ свободными: ему, при его сердечной добротѣ, жаль было смотрѣть, что простой народъ сильно страдаетъ подъ властію своихъ господъ. Но когда Болеславъ дѣйствительно приступилъ къ выполненію своего намѣренія, т. е. началъ отбирать крестьянъ у пановъ и духовенства, то эти послѣдніе страшно возненавидѣли его. Краковскій епископъ Станиславъ Щепановскій проклялъ короля и подбилъ пановъ начать съ нимъ борьбу. Борьба была жестокая; во время этой борьбы приверженцы короля 8-го мая 1079 года убили епископа [1]). Паны и духовенство до

---

[1]) Нѣкоторые польскіе писатели говорятъ, что будтобы Болеславъ самъ, своею собственною рукою убилъ Станислава,

несли объ этомъ папѣ Григорію VII Гильдебранту. Папа, не разобравши дѣла, въ свою очередь, проклялъ Болеслава и велѣлъ изгнать его изъ Польши, а Станислава объявилъ святымъ. Изгнанный изъ отечества, король бѣжалъ въ Венгрію и тамъ гдѣ-то умеръ въ одномъ изъ монастырей. Простой народъ, узнавъ объ изгнаніи Болеслава, горько плакалъ о немъ. Съ тѣхъ поръ уже никто не заступался за крестьянъ. Станиславъ же Щепановскій сдѣлался въ Польшѣ самымъ популярнымъ святымъ, и нѣтъ ни одного города, гдѣ бы не было костела въ честь этого епископа; въ Вильнѣ каѳедральный костелъ тоже построенъ въ честь его.

Владиславъ-Германъ.

Братъ Болеслава Отважнаго; отличался добротою и мягкостію сердца. Подобно брату своему, сильно любилъ крестьянъ и при всякомъ удобномъ случаѣ старался дѣлать имъ добро, за что страшно былъ ненавидимъ и панами, и духовенствомъ.

Болеславъ III, Кривоустый.

1102—1140 г.

Этотъ государь передъ смертію раздѣлилъ Польшу между своими сыновьями на четыре княжества: Краковское, Мозовецкое, Гнѣзненское и Сендомирское. Такимъ образомъ, съ Болеслава III въ Польшѣ обра-

---

когда тотъ совершалъ богослуженіе; но это, кажется, неправда: сказку эту послѣ придумали, чтобы болѣе очернить короля. Нужно замѣтить, что исторія Болеслава Отважнаго, этого благороднаго и великаго короля, благодаря ненависти католическаго духовенства, у польскихъ писателей страшно искажена.

Примѣчаніе. Въ настоящее время, впрочемъ, уже есть и польскіе писатели, которые высоко цѣнятъ Болеслава Отважнаго.

зовалась такъ называемая „Удѣльная система“, причемъ Краковское княжество считалось главнымъ (какъ въ Россіи Кіевское въ удѣльный періодъ). Женатъ Болеславъ былъ на русской княжнѣ.

Владиславъ II, князь Краковскій.

1140—1147 г.

Государь былъ умный. Онъ хотѣлъ соединить всѣ польскіе удѣлы въ одно владѣніе, чтобы образовать сильное государство, но противъ этого возстали паны и духовенство: они, раздробленіе Польши на части, находили выгоднѣе для себя такъ какъ это придавало имъ больше значенія и власти. По навѣтамъ духовенства и пановъ, папа проклялъ короля за его попытку объединить раздробленную Польшу, и Владиславъ подобно Болеславу Отважному былъ изгнанъ изъ Польши и умеръ на чужбинѣ.

Болеславъ IV Кудрявый.

1147—1173 г.

При немъ произошло отпаденіе отъ Польши славянъ, обитавшихъ между Одеромъ и Эльбою: ими овладѣли нѣмцы и впослѣдствіи онѣмечили ихъ. Съ Болеслава IV въ Польшѣ стали собираться сеймы [1]).

---

[1]) Сеймомъ въ Польшѣ называлось собраніе, которое состояло изъ представителей дворянскаго сословія (шляхты); духовныя лица тоже участвовали въ сеймахъ, но не какъ представители духовнаго сословія, а какъ представители шляхты. На сеймахъ рѣшались всѣ важныя государственныя дѣла.

Примѣчаніе. Кромѣ главнаго, центральнаго сейма, который собирался въ столицѣ, въ Польшѣ были еще и областные или провинціальные сеймы (сеймики), на которыхъ обыкновенно выбирались депутаты для центральнаго сейма и снабжались инструкціями. Собственно говоря, въ Польшѣ всѣмъ заправляли сеймики.

Мечиславъ III, Старый.

1173—1177 г.

Человѣкъ умный, честный и справедливый. Онъ хотѣлъ усилить королевскую власть, но за это былъ лишенъ панами и духовенствомъ престола и изгнанъ изъ Польши.

Казимиръ Справедливый.

1177—1194 г.

Смирный, слабый и безхарактерный. При этомъ королѣ паны и шляхта присвоили себѣ тѣ повинности, которыя несли крестьяне въ пользу государства: десятину, подводы, сторожу́ и т. п.; они присвоили себѣ также безконтрольный судъ и расправу съ крестьянами. За эти уступки и потворства панамъ и духовенству въ ущербъ крестьянамъ поляки дали Казимиру названіе „Справедливый“.

При Казимирѣ Справедливомъ образовался сенатъ, который обязанъ былъ наблюдать за дѣйствіями короля, такъ что король съ этого времени ничего не могъ дѣлать безъ согласія сената [1]).

Лешко Бѣлый.

1194—1228 г.

Онъ остался по смерти отца малолѣтнимъ. Государствомъ управляли мать его Елена (изъ русскихъ). Онъ былъ другомъ галицкаго русскаго князя Романи Волынскаго и покровителемъ его дѣтей.

---

[1]) Сенатъ (собраніе высшихъ сановниковъ, литовская рада) постоянно находился при королѣ, занимался текущими дѣлами и состоялъ изъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и другихъ высшихъ сановниковъ Польскаго государства.

Особенно ничѣмъ не прославился. Убитъ правителемъ Помераніи Святополкомъ.

Болеславъ V, Стыдливый.

1228—1279 г.

При немъ въ Польшѣ, вмѣсто прежнихъ четырехъ княжествъ, образовалось много другихъ, которыя постоянно вели между собою борьбу. Въ концѣ своего княженія онъ покорилъ часть ятваговъ и присоединилъ ихъ земли къ Польшѣ подъ именемъ „Подлѣсья".

Лешко Черный.

1279—1289 г.

Въ продолженіе всего своего десятилѣтняго правленія онъ велъ борьбу съ Конрадомъ II, Мазовецкимъ и Галицкимъ княземъ Львомъ Даніиловичемъ.

Владиславъ Локотокъ.

1306—1333 г.

Три раза онъ вступалъ на краковскій престолъ и три раза былъ изгоняемъ своими соперниками. Умеръ королемъ.

При немъ въ Польскомъ государствѣ происходили страшныя смуты. Паны и шляхта добились того, что захватили въ свои руки всю законодательную власть и отстранили отъ себя всѣ государственныя повинности, за исключеніемъ военной.

Казимиръ Великій.

1333—1370 г.

Этотъ король названъ Великимъ за то, что онъ объединилъ раздробленную Польшу въ одно цѣлое го-

ударство и облегчилъ положеніе крестьянъ. Но многіе ченые не признаютъ его Великимъ, во-первыхъ, потому, что онъ отличался дурною жизнію и сильно преслѣдовалъ православіе въ Галиціи, а во-вторыхъ — потому, что уступилъ нѣмцамъ Силезію и Померанію. Эта уступка, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, составляла прелюдіе, такъ сказать, раздѣловъ Польши, наступившихъ спустя четыре столѣтія послѣ этого.

Людовикъ Венгерскій и дочь его Ядвига.

1370—1386 г.

Такъ какъ Казимиръ Великій не имѣлъ дѣтей, то незадолго до смерти упросилъ сеймъ назначить наслѣдникомъ его на польскій престолъ родного племянника, по сестрѣ, Людовика, королевича венгерскаго. Сеймъ обѣщалъ, но съ условіемъ, чтобы Людовикъ далъ слѣдующія четыре обязательства: а) возвратить Польшѣ отнятыя у нея сосѣдями области, б) не принимать на службу иностранцевъ, в) не увеличивать податей и г) не давать никакихъ правъ крестьянамъ и не заступаться за нихъ. Людовикъ согласился и этимъ положилъ начало тѣмъ условнымъ статьямъ (Pacta conventa), которыя потомъ должны были принимать всѣ вновь избранные польскіе короли.

Людовикъ управлялъ Польшею 14 лѣтъ и ничѣмъ особенно не прославился.

Послѣ его смерти на польскій престолъ вступила, съ согласія сейма, дочь его, четырнадцатилѣтняя красавица Ядвига. 15 октября 1384 г. она была торжественно коронована.

Сдѣлавшись колоревою, Ядвига хотѣла вступить въ бракъ съ другомъ своего дѣтства, эрцъ-герцогомъ австрійскимъ Вильгельмомъ, но польскіе паны нашли

ей другого жениха въ лицѣ литовскаго князя Ягайлы. Слѣдствіемъ состоявшагося брака Ягайлы съ Ядвигою было соединеніе Литвы съ Польшею.

Соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ.

1386 г.

Переговоры о соединеніи Литовскаго княжества съ Польскимъ государствомъ, а также о бракѣ Ягайлы съ Ядвигою продолжались около двухъ лѣтъ и кончились 12 января 1386 г. на съѣздѣ въ г. Волковыскѣ (въ нынѣшней Гродненской губ.). Результатъ этихъ переговоровъ былъ слѣдующій: а) Ягайло вступитъ въ бракъ съ Ядвигою и приметъ польскую корону; в) Польское и Литовское государства будутъ имѣть одного общаго правителя въ лицѣ Ягайлы и его потомковъ, и в) Ягайло обратитъ всѣхъ литовцевъ-язычниковъ въ католичество и перевезетъ въ Польшу изъ Литвы всѣ сокровища своего отца и дѣда.

Ягайло въ высшей степени остался доволенъ результатомъ этихъ переговоровъ. Остались довольны имъ и большая часть его братьевъ: они думали, что Ягайло, сдѣлавшись польскимъ королемъ, займется дѣлами Польши, а имъ предоставитъ въ полное распоряженіе Литовское княжество Но всѣмъ этимъ осталась недовольна юная Ядвига, а особенно тѣмъ, что паны безъ ея согласія положили выдать ее за литовскаго князя; поэтому она дала знать своему жениху эрцъ-герцогу Вильгельму и просила его, чтобы онъ немедленно пріѣзжалъ въ Краковъ и вступилъ съ нею въ бракъ. Вильгельмъ пріѣхалъ, но польскіе паны его прогнали. Ядвига съ отчаянія хотѣла отравиться, но явилось духовенство и угрозами мученій на томъ свѣтѣ

убѣдило ее отказаться отъ исполненія этого безбожнаго намѣренія и согласиться на вступленіе въ бракъ съ Ягайлою. Послѣ долгихъ колебаній Ядвига согласилась, о чемъ и дала знать Ягайлѣ.

1386 г. 12 февраля Ягайло съ блестящею свитою прибылъ въ Краковъ; 15 февраля онъ принялъ крещеніе по католическому обряду, причемъ получилъ имя Владислава; съ нимъ вмѣстѣ принялъ католичество и Витовтъ, которому дано было латинское имя Вигондъ. 18 февраля Ягайло вступилъ въ бракъ съ Ядвигою, а 4 марта короновался польскою короною.

Осенью 1387 г. Ягайло съ своею супругою и придворнымъ штатомъ пріѣхалъ въ Вильну для крещенія литовцевъ, согласно обѣщанію. въ католичество. Сначала разрушено было языческое капище „Ромове", а затѣмъ приступлено было къ самому крещенію. Но народъ добровольно не хотѣлъ принимать христіанства, его силою и подарками заставляли принимать эту вѣру. По свидѣтельству древняго литовскаго писателя Стрыйковскаго, всѣхъ литовцевъ въ сіе время крестилось около 30,000 человѣкъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ было „Ромове", Ягайло построилъ соборъ въ честь св. Станислава, убитаго, какъ сказано выше, во время борьбы пановъ и духовенства съ Владиславомъ Отважнымъ.

По наущенію духовенства, Ягайло хотѣлъ было обратить въ католичество и тѣхъ литовцевъ, которые уже раньше приняли православіе, но тѣ наотрѣзъ отказались отъ этого. Тогда Ягайло издалъ такого рода указъ: если православный вступитъ въ бракъ съ католичкою или православная выдетъ за католика, то дѣти должны быть католическаго исповѣданія.

Послѣднее распоряженіе Ягайлы, а также и самое соединеніе Литовскаго государства съ Польскимъ сильно не понравились православнымъ. Этимъ задумалъ воспользоваться старшій сынъ Ольгерда Андрей, чтобы овладѣть литовскимъ престоломъ; съ этою цѣлію онъ собралъ значительное войско, соединился съ жителями Смоленска и двинулся противъ Ягайлы, но былъ разбитъ на-голову и попался въ плѣнъ.

Выѣзжая изъ Литвы, Ягайло оставилъ своимъ намѣстникомъ брата Скиргайлу. Но этимъ страшно оскорбился Витовтъ: онъ думалъ, что Ягайло, сдѣлавшись польскимъ королемъ, Литовское княжество уступитъ ему, и ошибся. Тогда Витовтъ рѣшился силою овладѣть литовскимъ престоломъ. Для этой цѣли онъ вступилъ въ родство съ московскимъ княземъ Василіемъ I, за котораго выдалъ дочь свою Софью Витовтовну, и соединился съ тевтоно-ливонскими рыцарями, которымъ обѣщалъ уступить, въ случаѣ успѣха, нѣсколько литовскихъ областей. Началась ожесточенная борьба между Ягайлою и Витовтомъ; она продолжалась два года и кончилась тѣмъ, что Ягайло уступилъ Витовту литовскій престолъ.

Витовтъ.

1392—1430 г.

Витовтъ былъ послѣднимъ литовскимъ княземъ: послѣ него Литовское княжество управляется польскими королями изъ династіи Ягеллоновъ въ качествѣ великихъ литовскихъ князей.

По уму своему и по своей дѣятельности Витовтъ стоитъ гораздо ниже дѣда своего Гедимина, а также дяди Ольгерда и отца Кейстута. Онъ отличался политическою безтактностью, коварствомъ, трусостью и

сильнымъ нерасположеніемъ къ православному населенію. Правда, при немъ Литовское княжество какъ будто бы достигло самаго высокаго могущества и величія, но это могущество, это величіе, по справедливому замѣчанію одного весьма ученаго польскаго профессора въ Львовѣ, именно Смолки, было обманчиво, призрачно, а потому и рухнуло сейчасъ же послѣ смерти его; на самомъ же дѣлѣ Витовтъ первый изъ литовскихъ князей положилъ начало разложенію Литовскаго княжества.

Сдѣлавшись великимъ княземъ, Витовтъ прежде всего постарался, при помощи поляковъ, укрѣпить свое положеніе. Многіе изъ его братьевъ хотѣли было отнять у него престолъ, поэтому онъ сейчасъ же по вступленіи на него началъ съ ними борьбу, которая кончилась въ его пользу. Затѣмъ, посредствомъ хитрости и обмана, онъ въ 1395 году окончательно подчинилъ себѣ Смоленскъ. Вслѣдъ за подчиненіемъ Смоленска началъ борьбу съ тевтоно-ливонскими рыцарями. Борьба эта съ промежутками продолжалась болѣе трехъ лѣтъ; очень можетъ быть, что она протянулась бы еще дольше, если бы событіе, случившееся на берегахъ Волги, не заставило Витовта искать дружбы рыцарей. Дѣло было вотъ въ чемъ. Въ 1391 г. или около этого времени, въ Золотой Ордѣ воцарился ханъ Тохтамышъ. Въ 1396 г. онъ былъ разбитъ на голову другимъ татарскимъ ханомъ, вышедшимъ изъ глубины Азіи, именно Тамерланомъ, и выгнанъ изъ Орды. На мѣсто Тохтамыша Тамерланъ посадилъ въ Золотой Ордѣ ханомъ молодого мурзу Тимуръ-Кутлая, давъ ему въ помощники родственника его Эдигея. Изгнанный Тохтамышъ бѣжалъ къ литовскому князю Витовту; тотъ принялъ его ласково и

отвелъ ему помѣщеніе въ лидскомъ замкѣ. Живя у Витовта, Тохтамышъ сталъ уговаривать литовскаго князя помочь ему, Тохтамышу, овладѣть престоломъ Золотой Орды, обѣщая за это помочь самому Витовту овладѣть Московскимъ государствомъ. Витовтъ согласился. Въ началѣ 1398 года литовскій князь сталъ энергически готовиться къ походу противъ Тимуръ-Кутлая, а чтобы избѣжать помѣхи со стороны ливонскихъ рыцарей, рѣшился заключить съ ними миръ. Начались переговоры. Въ іюнѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Вильну къ Витовту, для веденія этихъ переговоровъ, посолъ отъ рыцарей, графъ Конрадъ Кибуртъ. Будучи въ Вильнѣ, Кибуртъ написалъ очень любопытный дневникъ, въ которомъ сообщаетъ много интереснаго о Вильнѣ и ея жителяхъ и между прочимъ о русскихъ. О послѣднихъ Кибуртъ передаетъ то, что онъ слышалъ отъ виленскаго католическаго епископа Василлы. Какъ видно изъ дневника, епископъ Василло очень нелестно отзывался о русскихъ, но при этомъ все-таки долженъ былъ сознаться, что они имѣютъ огромное вліяніе на природныхъ литовцевъ, вслѣдствіе чего литовцы говорятъ русскимъ языкомъ, принимаютъ русскіе нравы и обычаи и обучаются въ русскихъ школахъ, которыхъ много въ Литвѣ при монастыряхъ и церквахъ, и онѣ хорошо обставлены; Василло передалъ еще Кибурту, что русскіе всѣ трезвы и богаты, а дѣвицы ихъ, хотя и некрасивы, но очень нравственны.

Окончательный миръ Витовта съ рыцарями заключенъ былъ 12 октября 1398 г. По этому миру Витовтъ уступилъ рыцарямъ Жмудь и обѣщалъ имъ свою помощь для овладѣнія Псковомъ, а тѣ дали слово посодѣйствовать ему утвердить свое вліяніе въ Новгородѣ,

что они черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи мира дѣйствительно и сдѣлали.

Къ лѣту 1399 г. Витовтъ совершенно приготовился къ походу на татаръ Золотой Орды. Римскій папа прислалъ Витовту свое благословеніе и отпущеніе грѣховъ тѣмъ, кто будетъ участвовать въ этомъ походѣ противъ невѣрныхъ.

Въ началѣ іюля того же года литовскій князь, вмѣстѣ съ Тохтамышемъ, во главѣ 70,000 войска, выступилъ противъ хана Золотой Орды Тимуръ-Кутлая и его помощника Эдигея. 12 августа враги сошлись на берегахъ р. Ворсклы. Передъ битвой Тимуръ-Кутлай обратился черезъ посла своего къ Витовту съ словами: „Зачѣмъ ты пришелъ на меня, когда я ничего худого не сдѣлалъ тебѣ; иди себѣ съ Богомъ назадъ“. Но Витовтъ на эти слова гордо отвѣтилъ: „Господь далъ мнѣ владычество надъ міромъ, поэтому ты плати мнѣ дань и будь моимъ сыномъ“. Тотъ не согласился. Началась битва. Бились съ обѣихъ сторонъ съ ожесточеніемъ. Въ арміи Витовта особенно храбро бились русскіе полки, какъ болѣе сильные и отважные. Благодаря имъ, Витовтъ началъ было одолѣвать татаръ; но въ это время поднялась страшная буря, пыль понесло прямо въ лицо войскамъ Витовта; въ то же время одинъ татарскій отрядъ, благодаря оплошности Витовта и неумѣнью его во время предупредить опасность, зашелъ въ тылъ литовско-русскому войску и началъ поражать его сзади. Страхъ напалъ на Витовта и на его армію. Первый побѣжалъ Тохтамышъ, а за нимъ и Витовтъ. Тимуръ-Кутлай и Эдигей гнались за литовскимъ княземъ 300 верстъ, но не догнали.

Послѣ битвы на Ворсклѣ положеніе Витовта было очень печальное; гордость его была сломлена, онъ

упалъ духомъ и не зналъ, что дѣлать. А между тѣмъ, пользуясь этимъ, взбунтовались смольняне и новгородцы; въ то же время и тевтоно-ливонскіе рыцари все чаще и чаще начали нападать на его владѣнія. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Витовтъ обратился за помощью къ полякамъ, обѣщая подчинить имъ Литовское княжество и во всемъ слушаться ихъ. Поляки дѣйствительно подали помощь. Благодаря этой помощи, литовскій князь скоро одолѣлъ смольнянъ и жестоко наказалъ ихъ за бунтъ, а затѣмъ двинулся на Новгородъ. Но тутъ онъ встрѣтилъ соперника въ лицѣ своего зятя, московскаго князя Василія Дмитріевича. Узнавъ о замыслѣ своего тестя захватить Новгородъ, Василій Дмитріевичъ объявилъ ему войну. Витовтъ пришелъ въ ярость и въ припадкѣ злобы приказалъ перебить въ своихъ владѣніяхъ всѣхъ московскихъ людей, ни въ чемъ неповинныхъ; затѣмъ онъ собралъ сильное войско и двинулся на зятя. Три раза ходилъ Витовтъ въ предѣлы Московскаго княжества и каждый разъ возвращался назадъ ни съ чѣмъ: онъ боялся вступить въ борьбу съ зятемъ, во-первыхъ, потому, что тотъ былъ сильнѣе его, а во-вторыхъ, потому, что многіе изъ его подручныхъ князей, узнавъ о враждѣ его съ зятемъ, бѣжали съ своими дружинами изъ Литвы въ Москву; въ числѣ бѣжавшихъ, между прочимъ, былъ двоюродный братъ Витовта Свидригайло Ольгердовичъ, злѣйшій врагъ литовскаго князя. Свидригайло былъ любимъ литовцами; поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ поднялись бы, если бы онъ явился въ Литву съ московскими полками.

Въ послѣдній разъ Витовтъ ходилъ на Московское государство въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1408 года. Тесть и зять встрѣтились на рубежѣ московско-литовскихъ

владѣній и, по просьбѣ Витовта, заключенъ былъ миръ, въ силу котораго Витовтъ далъ слово не трогать ни Пскова, ни Новгорода, причемъ просилъ только, чтобы зять удалилъ изъ своихъ владѣній Свидригайлу. Узнавъ о мирѣ между Витовтомъ и его зятемъ, Свидригайло самъ ушелъ изъ московскихъ владѣній.

Рѣка Угра была послѣднею пограничною чертою, до которой когда-либо достигало Литовское княжество на востокѣ [1]).

Уладивши дѣло съ зятемъ, Витовтъ, въ союзѣ съ Ягайлою, рѣшился вступить въ борьбу съ тевтоно-ливонскими рыцарями; имъ хотѣлось, во-первыхъ, возвратить Жмудь, а во-вторыхъ, сокрушить силу ордена и такимъ образомъ сдѣлать его надолго безвреднымъ для Литвы и Польши.

Цѣлую зиму Витовтъ и Ягайло готовились къ походу на рыцарей, которые, зная это, также не теряли времени даромъ. Въ концѣ іюня 1410 г. противники выступили другъ противъ друга. У Витовта и Ягайлы было около 150,000 войска; въ томъ числѣ было болѣе 20,000 русскихъ. У рыцарей, которыми командовалъ магистръ ордена Урлихъ фонъ-Юнгингенъ, собрано было войска до 100,000. Въ іюлѣ мѣсяцѣ враги сошлись при двухъ прусскихъ деревняхъ Грюнвальдѣ и Танненбергѣ. Битва началась рано утромъ 15 іюля. Первые двинули свои полки рыцари; главныя ихъ

---

[1]) *Примѣчаніе.* Въ Смоленской губерніи, въ Юхновскомъ уѣздѣ, есть село Волста-Пятница; село это лежитъ въ 180 верстахъ на востокъ отъ города Смоленска и 15 верстахъ отъ р. Угры; на западъ же въ 3 верстахъ отъ этого села находится деревня Пруды; на краю этой деревни въ концѣ прошлаго столѣтія стоялъ мѣдный столбъ; столбъ этотъ обозначалъ крайній пунктъ, до котораго простирались владѣнія Литвы на востокъ; теперь столба этого нѣтъ, а вмѣсто его стоитъ часовня.

силы обрушились на Витовта. Литовскій князь, не отличавшійся отъ природы мужествомъ, оробѣлъ, попятился назадъ и едва не обратился въ бѣгство; но въ это время подоспѣли русскіе, которые дружнымъ натискомъ остановили напиравшихъ нѣмцевъ, затѣмъ заставили ихъ отступить и такимъ образомъ спасли Витовта. Въ это же время появились свѣжіе полки поляковъ, которые своимъ страшнымъ натискомъ заставили рыцарей окончательно потерять строй, смѣшаться и затѣмъ обратиться въ бѣгство.

Битва кончилась въ 10 часовъ вечера. Пораженіе рыцарей было полное: болѣе 40.000 ихъ легло на мѣстѣ, въ томъ числѣ и магистръ ордена Урлихъ фонъ-Юнгенгенъ, и слишкомъ 15.000 попало въ плѣнъ. У Витовта и Ягайлы выбыло изъ строя около 50.000 человѣкъ.

Но несмотря на такую блестящую побѣду, матеріальныя выгоды отъ нея для Польши и Литвы были не велики: послѣ пораженія рыцарей Ягайло и Витовтъ простояли въ бездѣйствіи на полѣ битвы болѣе шести дней и этимъ дали возможность нѣмцамъ снова усилиться; потомъ заключили миръ, по которому Витовтъ получилъ одну только Жмудь, тогда какъ, при большей энергіи со стороны обоихъ союзниковъ, они могли бы окончательно сокрушить орденъ.

Послѣ Грюнвалдской битвы между Витовтомъ и польскими панами установились самыя сердечныя отношенія. Это повело къ тому, что обѣ стороны согласились съѣхаться въ г. Городелѣ (Люблинской губ.) и тамъ написать актъ о соединеніи Литвы съ Польшею и подписать его. При этомъ положено было, чтобы на съѣздъ собрались, какъ изъ королевства Польскаго, такъ и изъ Литвы и изъ западно-русскихъ областей,

одни только католики, несмотря на то, что въ Литвѣ и западно-русскихъ областяхъ православныхъ было во сто разъ больше, чѣмъ католиковъ. Польскіе паны и Витовтъ побоялись пригласить русскихъ на съѣздъ, потому что тѣ не согласились бы на унію и не подписали бы акта.

2-го октября 1413 года съѣздъ состоялся; на немъ былъ подписанъ актъ о соединеніи Литвы съ Польшею. Сущность этого акта была слѣдующая:

I. Если Ягайло умретъ бездѣтнымъ (у него дѣтей въ это время не было), то поляки вмѣстѣ съ Витовтомъ и литвинами-католиками избираютъ ему наслѣдника; если же умретъ бездѣтнымъ Витовтъ (у него тоже не было дѣтей въ это время), то Ягайло и коронный совѣтъ (т. е. сенатъ) вмѣстѣ съ литвинами-католиками избираютъ ему преемника.

II. Литовскіе дворяне-католики имѣютъ право получать гербы польскихъ пановъ и пользоваться ихъ правами и привиллегіями.

III. Литовцамъ дозволяется имѣть свой сеймъ [1]) и свои должностныя мѣста, но съ условіемъ—не допускать православныхъ ни на сеймъ, ни на государственную службу.

IV. Для разсужденія о дѣлахъ, касающихся интересовъ обоихъ государствъ, поляки и литовцы съѣзжаются на общій съѣздъ или въ г. Люблинѣ, или въ г. Парчевѣ.

Таковы главныя статьи городельскаго акта. Но въ

---

[1]) Т. е. собраніе, состоящее изъ представителей всѣхъ областей Литвы и Западной Руси.

Примѣчаніе. Въ составъ литовскаго сейма, какъ и въ Польшѣ, входили только дворяне и духовныя лица дворянскаго происхожденія.

этомъ дѣлѣ литовскій князь совершилъ важную политическую ошибку: не пригласивъ на Городельскій съѣздъ православно-русскихъ представителей, онъ этимъ самымъ страшно оскорбилъ ихъ, вызвалъ у нихъ ненависть къ Литвѣ и стремленіе къ соединенію съ Москвою, что повлекло за собою ослабленіе Литовскаго княжества, а въ послѣдствіи и гибель его вмѣстѣ съ Польшею.

Послѣ городельскаго сейма, Витовтъ приступилъ къ крещенію Жмуди: литовскій князь хотѣлъ этимъ разъ навсегда уничтожить предлогъ къ вмѣшательству рыцарей въ жмудскія дѣла. Потомъ, желая угодить папѣ и католическому духовенству, Витовтъ сталъ помышлять о введеніи уніи между православными жителями Литвы и Западной Россіи, т. е., Витовтъ сталъ помышлять о томъ, чтобы заставить православныхъ жителей Литвы и Западной Россіи признавать папу видимымъ главою православной Церкви. Для этой цѣли литовскій князь сначала отдѣлилъ православную церковь Западной Россіи отъ московской митрополіи, избралъ для нея особаго митрополита—Григорія Цамвлака, а затѣмъ чрезъ два года, именно 1418 г., вновь избраннаго митрополита послалъ въ Швейцарію на Констанскій соборъ, гдѣ предполагалось поднять вопросъ о соединеніи православной церкви съ католическою подъ главенствомъ папы, т. е. объ уніи.

Но попытка Витовта ввести унію между православными въ Литвѣ кончилась ничѣмъ: Цамвлакъ опоздалъ на соборъ, а возвратившись въ Вильну, скоро умеръ.

Послѣ смерти Цамвлака, Витовтъ не назначилъ ему преемника, и западно-русская церковь снова подчинилась московскому митрополиту.

Послѣдній годъ своей жизни Витовтъ, имѣя отъ роду болѣе 80 лѣтъ, ознаменовалъ энергическою попыткою отдѣлить Литву и Западную Россію отъ Польши и короноваться королевскимъ вѣнцомъ. Мысль эту внушилъ ему германскій императоръ Сигизмундъ III, который обѣщался даже прислать ему королевскую корону. Но сему намѣренію Витовта помѣшалъ краковскій епископъ Сбигнѣвъ Олесницкій и польскіе паны. Послѣдніе, узнавъ о замыслахъ Витовта, не пропустили императорскихъ пословъ въ Вильну, когда тѣ ѣхали отъ Сигизмунда III къ Витовту и везли ему королевскую корону. Это было въ первыхъ числахъ сентября 1430 года, а 27-го октября того же года Витовтъ умеръ въ своемъ трокскомъ замкѣ отъ корбункула (злокачественный нарывъ) между плечъ. Погребенъ Витовтъ въ виленскомъ католическомъ каѳедральномъ костелѣ. Онъ три раза былъ женатъ, но дѣтей не оставилъ.

Свидригайло.

1430—1431 г.

Послѣ смерти Витовта литовско-русскіе бояре провозгласили своимъ княземъ самаго младшаго сына Ольгерда Свидригайлу. Выборъ литовско-русскихъ бояръ палъ на Свидригайлу, во-первыхъ потому, что онъ былъ сынъ Ольгерда, слѣдовательно прямой наслѣдникъ литовскаго престола, а во-вторыхъ потому, что онъ былъ злѣйшій врагъ поляковъ и ярый противникъ соединенія Литвы и Западной Россіи съ Польшею. Провозглашая Свидригайлу своимъ княземъ, литовско-русскіе бояре расчитывали, что онъ порветъ это соединеніе, которое всѣмъ имъ было ненавистна.

Свидригайло родился въ 1355 году и былъ крещенъ своею матерью въ православную вѣру, причемъ получилъ имя Левъ. Въ 1386 году онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ягайлою принялъ въ Краковѣ католичество съ именемъ Болеслава, но потомъ скоро опять возвратился въ православіе, въ которомъ оставался до конца жизни.

Поляки страшно не любили Свидригайлы за то, что онъ не хотѣлъ уступить имъ Волыни и Подолія, а также и за то, что во все время своего княженія стремился порвать связь Литвы съ Польшею. Чтобы устранить Свидригайлу съ литовскаго престола, они составили заговоръ противъ него, посредствомъ котораго дѣйствительно достигли того, что Свидригайло былъ лишенъ литовскаго престола и мѣсто его занялъ родной братъ Витовта Сигизмундъ Кейстутовичъ.

Сигизмундъ.

Сигизмундъ былъ католикъ, сильно любилъ поляковъ и до страсти преданъ былъ ихъ интересамъ. Но за это его не любило ни католическое, ни православное населеніе Литвы и Западной Россіи, и только благодаря поддержкѣ польскихъ пановъ и латинскаго духовенства, онъ продержался на литовскомъ престолѣ около восьми лѣтъ.

Правленіе Сигизмунда ознаменовано страшными жестокостями: онъ безпощадно губилъ вельможъ своего государства, какъ католическаго исповѣданія, такъ и православнаго; тѣхъ и другихъ онъ лишалъ должностей, имѣній, заключалъ въ тюрьмы, топилъ, вѣшалъ и т. п. Не имѣя возможности лишить Сигизмунда престола открытою силою, литовско-русскіе бояре соста-

вили заговоръ съ цѣлію убить его тайно. Во главѣ этого заговора стали четверо вельможъ; двое изъ нихъ — Иванъ и Александръ Чарторыйскіе (родные братья) - были русскіе и православные, а двое другихъ—Довгердъ, воевода виленскій, и Лелюшъ, воевода трокскій—природные литвины и католики. Среди собственныхъ слугъ Сигизмунда заговорщики нашли подходящаго человѣка для своихъ замысловъ, именно подконюшаго Скобейку. Убійство совершено было въ трокскомъ замкѣ, который находился на берегу озера Гальвы. Объ этой кровавой драмѣ древніе писатели разсказываютъ такъ. Въ 1440 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ ночь на Вербное воскресеніе, на дворъ замка ввезено было 300 возовъ сѣна, при которыхъ было по одному вооруженному погонщику; въ возахъ сѣна также скрыты были по одному и по два вооруженныхъ человѣка. Такимъ образомъ на дворъ замка незамѣтнымъ образомъ попало болѣе 1000 вооруженныхъ людей, и это были не кто иные, какъ сообщники заговорщиковъ. Когда стало разсвѣтать, то скрытое войско вышло изъ возовъ, затворило ворота замка и окружило покои князя. Между тѣмъ одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, именно Иванъ Чарторыйскій, и нѣсколько другихъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и Скобейко, вошли въ самыя комнаты. Оказалось, что Сигизмундъ всталъ уже съ постели и слушалъ въ замковой каплицѣ утреню. Подойдя къ той комнатѣ, гдѣ была каплица, Чарторыйскій попробовалъ дверь, она была заперта, ломать же ее не приходилось: заслышавъ шумъ, Сигизмундъ догадался бы въ чемъ дѣло, и навѣрное скрылся бы черезъ тайную дверь. Въ это время Чарторыйскій случайно взглянулъ изъ окна на дворъ и увидѣлъ тамъ прохаживаю-

щуюся любимую ручную медвѣдицу Сигизмунда. Это незначительное обстоятельство навело Чарторыйскаго на счастливую мысль: онъ не разъ видѣлъ, какъ медвѣдица, возвратясь съ прогулки въ комнату замка, царапала лапами двери, и если онѣ была заперты, то ей отворяли; поэтому Чарторыйскій тоже началъ царапать дверь, подражая медвѣдицѣ. Сигизмундъ, введенный въ заблужденіе, подошелъ къ дверямъ и самъ отворилъ ихъ. Заговорщики ворвались въ комнату, схватили князя и начали укорять его въ жестокости, а затѣмъ Скобейко ударилъ Сигизмунда желѣзными вилами, которыми поправляютъ дрова въ комнатныхъ печахъ, съ такою силою, что князь упалъ на полъ мертвымъ; при этомъ кровью и мозгами обрызгана была стѣна, на которой долго потомъ оставались слѣды. Тѣло убитаго князя заговорщики вывезли на озеро и бросили на льду. Тамъ оно пролежало нѣсколько дней, потомъ его привезли въ Вильну и похоронили въ каѳедральномъ соборѣ рядомъ въ Витовтомъ.

Вѣсть объ убійствѣ Сигизмунда съ быстротою молніи разнеслась по всей Литвѣ и Западной Руси и вездѣ вызвала всеобщій восторгъ.

Покончивъ съ Сигизмундомъ, заговорщики провозгласили своимъ княземъ Свидригайлу, но онъ въ это время былъ уже слишкомъ старъ и удрученъ болѣзнями, а потому отказался отъ престола. Тогда литовско-русскіе бояре провозгласили своимъ княземъ сына Ягайлы Владислава, но тотъ, будучи въ это время польскимъ королемъ, предложилъ имъ своего меньшаго брата Казимира, которому въ это время было 14 лѣтъ. Литовцы согласились. Казимиръ пріѣхалъ въ Вильну и короновался княжескою короною.

Казиміръ.

1440—1492 г.

Княженіе Казимира въ Литвѣ продолжалось около семи лѣтъ. За это время онъ привыкъ къ Литвѣ, полюбилъ ее и изучилъ въ совершенствѣ. При немъ, какъ и при Гедиминѣ и Ольгердѣ, все высшее сословіе говорило по-русски и слѣдовало русскимъ нравамъ и обычаямъ.

Но вотъ въ 1445 году на Балканскомъ полуостровѣ убитъ былъ братъ Казимира Владиславъ, король польскій, и поляки черезъ своихъ пословъ предложили престолъ Казимиру, съ условіемъ: а) чтобы онъ уступилъ Польшѣ двѣ области, принадлежащія Литвѣ, именно Волынь и Подоліе, и б) чтобы онъ окончательно соединилъ Литву съ Польшею и объ этомъ написалъ формальный актъ. Два года Казимиръ не соглашался на занятіе польскаго престола, но наконецъ, по настоянію католическаго духовенства, согласился и 26 іюня 1447 г. съ блестящею свитою прибылъ въ Краковъ, гдѣ на другой же день короновался.

Литовско-русскіе бояре, отпуская Казимира въ Польшу, взяли съ него торжественную клятву не уступать полякамъ изъ территоріи Литвы и Западной Россіи ни одной пяди земли и не соглашаться на окончательное соединеніе Литвы и Западной Россіи съ Польшею. Но ни того ни другого Казимиръ Ягелловичъ не исполнилъ. Правда, онъ ровно шесть лѣтъ противился польскимъ панамъ, требовавшимъ уступки Волыни и Подолія и окончательнаго соединенія Литвы и Западной Россіи съ Польшею, но въ 1453 году согласился на ихъ требованія, о чемъ на Петровскомъ сеймѣ составленъ былъ формальный актъ и подписанъ.

Когда объ этомъ узнали въ Литвѣ и Западной Россіи, то пришли въ ужасъ. Литовскіе бояре, католическаго исповѣданія первые составили заговоръ противъ Казимира съ цѣлію убить его. Православные бояре также приняли участіе въ этомъ заговорѣ; послѣдніе были недовольны Казимиромъ и за то еще, что онъ въ это время окончательно отдѣлилъ православную церковь Литвы и Западной Россіи отъ московской митрополіи и назначилъ для Литовскаго княжества особаго митрополита, нѣкоего Іосифа Болгарина, уніата.

Литовско-русскіе бояре, покушаясь на жизнь Казимира думали возвести на литовскій престолъ кіевскаго князя Семена Олельковича (Александровича), православнаго по вѣрѣ, правнука Ольгерда [1]). Но обо всемъ этомъ скоро узналъ Казимиръ; на первыхъ порахъ онъ растерялся и не зналъ, что дѣлать, а потомъ, успокоенный духовенствомъ и панами, рѣшился дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ. Сначала онъ пригласилъ къ себѣ знатныхъ литовскихъ бояръ католичекаго исповѣданія; обласкалъ ихъ, надѣлилъ подарками а затѣмъ уговорилъ отдѣлиться отъ русскихъ бояръ православнаго исповѣданія, а потомъ приказалъ схватить нѣкоторыхъ русскихъ бояръ, принемавшихъ участіе въ заговорѣ, и отрубить имъ головы на плахѣ. Въ числѣ казненныхъ, между прочимъ, были: братъ Семена Олельковича Михаилъ Олельковичъ и князь Ольшанскій [2]).

---

[1]) Семенъ Олельковичъ отличался глубокою преданностью православію и русской народности, обладалъ военными дарованіями и храбростію. Будучи кіевскимъ княземъ, онъ построилъ въ своей области много церквей и, между прочимъ, возстановилъ Печерскую обитель, разрушенную татарами.

[2]) Казни эти совершены были въ 1482 году въ Кіевѣ, на площади противъ княжескаго замка. Съ этого времени Кіев-

Послѣ этого Казимиръ сталъ употреблять всевозможныя средства, чтобы стѣснить православныхъ и обезсилить русскихъ бояръ. Такъ, въ 1480 г. онъ, по настоянію сына своего Казимира (признаваемаго поляками святымъ), запретилъ православнымъ строить въ Литвѣ и Западной Россіи церкви и починять старыя, а вслѣдъ за этимъ, по совѣту высшаго католическаго духовенства и пановъ, разослалъ по всему Литовскому княжеству ксендзовъ и католическихъ монаховъ проповѣдывать унію. Тѣхъ православныхъ, которые не принимали уніи, стали подвергать страшнымъ преслѣдованіямъ. Для противодѣйствія католической пропагандѣ православные жители Литвы и Западной Россіи начали составлять братства или союзы [1]). Въ это же время многіе изъ православныхъ стали убѣгать въ Московское государство. Изъ числа послѣднихъ замѣчательны: князья Воротынскіе, Бѣльскіе, Перемышльскіе и др.

ское княжество обращено было въ намѣстничество, и намѣстникомъ его всегда назначался католикъ. Послѣ Михаила Олельковича кіевскимъ намѣстникомъ былъ нѣкто Мартинъ Гаштольдъ, человѣкъ глубоко преданный католичеству и польскимъ интересамъ.

[1]) Братства эти имѣли свои больницы, училища, странопріимные дома и богадѣльни. Братчики въ извѣстные дни собирались на богослуженіе въ избранную ими церковь; тутъ они послѣ молитвы, собирали пособіе на бѣдныхъ, на училища, на больницы, на погребеніе мертвыхъ и т. п.; слушали чтеніе твореній свв. отцовъ: Іоанна Златоуста, Василія Великаго и др., а особенно занимались разсужденіемъ объ огражденіи православія отъ католичества и изысканіемъ для этого средствъ. Результаты дѣятельности братствъ были блестящіе: десять лѣтъ спустя послѣ прибытія въ Литву митрополита Григорія Болгарина—уніата, Казимиръ доносилъ папѣ, что унія въ Литвѣ не имѣетъ никакого успѣха, и „схизма“ (православіе) все болѣе и болѣе усиливается, и при этомъ просилъ прислать въ Вильну для борьбы съ православіемъ монаховъ Бенедиктинскаго ордена. На слѣдующій годъ ходатайство Казимира было удовлетворено папою.

Бѣгство названныхъ бояръ въ предѣлы Московскаго государства заставило поляковъ обратиться къ русскому правительству съ требованіемъ выдачи бѣглецовъ, но имъ было отказано въ этомъ. Тогда Казимиръ задумалъ было силою добиться исполненія своего требованія, съ этою цѣлію собралъ большое войско и двинулся въ предѣлы Московскаго государства, но на р. Суходревѣ (Калужской губерніи) потерпѣлъ пораженіе.

Послѣ Суходревской битвы Казимиръ и польскіе паны подбили было новгородцевъ подняться противъ Москвы, гдѣ въ это время княжилъ Іоаннъ Васильевичъ III, Великій, но попытка эта кончилась крайне печально для самихъ новгородцевъ: московскій князь не только смирилъ ихъ, но лишилъ вѣчевой свободы и самый Новгородъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Затѣмъ польскій король и паны думали было при помощи хана Золотой Орды Ахмата повредить Московскому государству, но, благодаря крымскому хану Менгли-Гирею, другу московскаго князя, орда была разрушена и самъ ханъ ея погибъ.

Такимъ образомъ всѣ попытки поляковъ отомстить московскому князю за отказъ въ выдачѣ князей Воротынскихъ, Бѣльскихъ и Перемысльскихъ кончились. неудачно.

Но и послѣ этихъ неудачъ Казимиръ и польскіе паны все-таки не переставали искать удобнаго случая повредить Москвѣ, но такого случая не представлялось. Открыто же и прямо выступить противъ московскаго князя поляки боялись. Вообще нужно сказать, что Польша и Литва послѣ своего соединенія сдѣлались очень безсильны сравнительно съ Москвою. Безсиліе это произошло вслѣдствіе крайняго ослабленія монар-

хической власти, постоянныхъ ссоръ польскихъ бояръ съ литовскими и другихъ внутреннихъ безпорядковъ.

7-го іюня 1492 года Казимиръ Ягелловичъ умеръ въ Гроднѣ, имѣя 64 года отъ роду.

Александръ Казимировичъ.

1492—1501 г.

Послѣ смерти Казимира Ягелловича литовско-русскіе князья и бояре избрали своимъ княземъ сына его Александра, въ то же время поляки избрали своимъ королемъ другого сына его Альбрехта.

По вступленіи на литовскій престолъ Александръ Казимировичъ отправилъ посольство къ московскому князю Іоанну Васильевичу III съ просьбою выдать за него дочь свою Елену Іоанновну. Просьба эта была принята благосклонно. Въ февралѣ 1495 года Елена Іоанновна вмѣстѣ съ русскою свитою и литовскими послами прибыла въ Вильну. На прощаньи отецъ благословилъ ее чудотворною иконою Божіей Матери, которая и до настоящаго времени находится въ Вильнѣ, въ Троицкомъ монастырѣ, по лѣвую сторону царскихъ вратъ [1]), и при этомъ приказалъ крѣпко держаться въ чужой сторонѣ православной вѣры и не забывать своей русской народности.

Цѣль вступленія Александра Казимировича въ бракъ съ Еленою Іоанновною была та, чтобы расположить къ себѣ грознаго московскаго князя, который предъ этимъ

---

[1]) Впослѣдствіи русскій царь Іоаннъ Грозный давалъ польскому королю Сигизмунду II Августу 50 самыхъ знатныхъ литовскихъ плѣнныхъ за возвращеніе этой иконы въ Москву, но тотъ не согласился. Эта древняя св. икона составляла фамильную святыню московскихъ князей; нынѣ она—самая дорогая святыня для православныхъ въ Вильнѣ.

забралъ много литовскихъ городовъ и не разъ высказывалъ желаніе отобрать у Литвы всѣ города и области съ русскимъ населеніемъ. Но женитьба не спасла литовскаго князя отъ борьбы съ Москвою; напротивъ, она еще усилила вражду между ними. Дѣло въ томъ, что лишь только Елена вступила въ бракъ съ Александромъ и поселилась въ его дворцѣ, какъ къ ней явился виленскій католическій епископъ и вмѣстѣ съ придворными вельможами князя сталъ убѣждать ее перейти въ католичество. Это дошло до свѣдѣнія Іоанна Васильевича и вызвало борьбу между тестемъ и зятемъ. Борьба эта была въ высшей степени неудачна для литовскаго князя; въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ онъ потерпѣлъ два пораженія: одно – на Митьковомъ полѣ, орошаемомъ р. Ведрошею (около Дорогобужа Смоленской губерніи); въ этой битвѣ пало литовцевъ болѣе 8000 и около 5000 взято въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и главнокомандующій Константинъ Ивановичъ Острожскимъ [1]); русскими командовалъ бояринъ Даніилъ Щеня. Другое – подъ стѣнами Мстиславля (Могилевской губерніи); въ этой битвѣ литовцы потеряли около 7000 чел. убитыми и столько жеплѣнными; русскими командовали двое воеводъ: князь Шемякинъ и князь Можайскій.

Послѣдніе два пораженія заставили Александра Казимировича просить мира у Іоанна III. Начались было переговоры; но скоро были прерваны: въ Польшѣ умеръ братъ Александра Казимировича Альбрехтъ, и на престолъ былъ избранъ самъ литовскій князь. Получивъ польскую корону и усилившись черезъ это, Александръ Казимировичъ снова началъ войну съ тес-

---

[1]) Впослѣдствіи Острожскій бѣжалъ изъ плѣна.

темъ. На этотъ разъ къ нему на помощь явились и нѣмецкіе рыцари. Но московскій князь въ первой же битвѣ разбилъ поляковъ. А затѣмъ нанесъ пораженіе и нѣмцамъ подъ г. Гельмендомъ, на р. Великой. По словамъ современниковъ, особенно страшно было пораженіе нѣмцевъ. Псковской лѣтописецъ говоритъ, что русскіе, разбивши нѣмцевъ около Гельменда, гнались потомъ за ними 10 верстъ и сѣкли ихъ „не саблыми свѣтлимы, а кололи какъ свиней шестоперами“.

Послѣ этого положеніе Александра Казимировича еще болѣе ухудшилось. Только благодаря ходатайству римскаго папы и просьбѣ своей сестры Елены, московскій князь согласился помириться. Миръ состоялся 25 марта 1503 года. Русскіе получили: Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Брянскъ и др. города, всѣхъ 19.

Александръ Казимировичъ умеръ 1507, 19 августа и погребенъ въ виленскомъ каѳедральномъ стѣлѣ.

Сигизмундъ I, Старый.

1507—1448 г.

Преемникомъ Александра Казимировича былъ братъ его Сигизмундъ, прозванный впослѣдствіи Старымъ. Сигизмундъ два раза велъ борьбу съ московскимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ III, и оба раза неудачно. Въ первый разъ неудача произошла отъ того, что внутри Литвы произошло волненіе, виновникомъ котораго былъ князь Глинскій (православный по вѣрѣ).

Глинскій былъ самый богатый вельможа въ Литвѣ и при томъ человѣкъ гордый, честолюбивый и заносчивый; за послѣднія качества его страшно не любили паны-католики и всячески старались вредить ему. Когда вступилъ на польскій престолъ Сигизмундъ I,

то паны-католики и его вооружили противъ Глинскаго: началось преслѣдованіе этого вельможи и его родственниковъ. Тогда Глинскій собралъ значительное войско изъ преданной ему мелкой шляхты, перебилъ своихъ враговъ и опустошилъ ихъ владѣнія, а потомъ перешелъ на сторону московскаго князя.

Неудача второй войны Сигизмунда I съ московскимъ княземъ произошла отъ того, что у польскаго короля не было союзниковъ, тогда какъ у Василія III ихъ было два: магистръ Тевтонскаго ордена Альбрехтъ и германскій императоръ Максимиліанъ I. Во время этой войны русскіе одержали надъ поляками нѣсколько побѣдъ, забрали много городовъ и, между прочимъ, взяли Смоленскъ. Правда, Константинъ Ивановичъ Острожскій (православный), полководецъ Сигизмунда, скоро послѣ этого при р. Оршѣ, вслѣдствіе измѣны вышеназваннаго Глинскаго, нанесъ русскимъ страшное пораженіе, но этимъ дѣла Сигизмунда не поправилъ: польскій король, истощенный въ конецъ этою войною, первый обратился къ московскому князю съ предложеніемъ мира. Благодаря участію нѣмецкаго посла Герберштейна, въ 1522 г. миръ былъ заключенъ. Смоленскъ остался за русскими.

Сигизмундъ I отличался умомъ, дѣятельностію и добротою. Онъ уважалъ православную вѣру и позволилъ русскимъ строить себѣ новыя церкви и починять старыя, чего прежде, подъ страхомъ смертной казни, нельзя было дѣлать. Кромѣ того, для огражденія православныхъ отъ несправедливаго суда поляковъ и литовскихъ вельможъ-католиковъ, Сигизмундъ приказалъ написать на русскомъ языкѣ нѣсколько законовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Литовскаго Статута“. Первый разъ законы эти напечатаны были въ 1524 г., а вто-

рой разъ въ 1588 году, при Сигизмундѣ III. Подлинникъ этихъ законовъ сохранился до настоящаго времени; онъ находится въ Вильнѣ, въ Публичной библіотекѣ [1]).

Сигизмундъ умеръ 1-го апрѣля 1548 года, 88 лѣтъ отъ роду похороненъ въ Краковѣ.

Сигизмундъ II, Августъ.

1548—1572 г.

Сигизмундъ I имѣлъ одного только сына, по имени Сигизмунда-Августа, который по смерти отца и сдѣлался королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Сигизмундъ-Августъ отъ природы имѣлъ блестящія способности; всѣ думали, что изъ него выйдетъ прекрасный государь, но воспитаніе, полученное имъ подъ руководствомъ матери Боны, погубило его. По вступленіи на престолъ Сигизмундъ-Августъ сдѣлался лѣнивымъ и предался разнаго рода порокамъ, особенно подъ старость. За свою лѣность и откладываніе дѣла до другого дня, а на другой день до третьяго и т. д. онъ получилъ прозваніе „короля завтра".

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ, случившимся при Сигизмундѣ II Августѣ, было окончательное соединеніе Литвы съ Польшею.

Люблинская унія.

1569 г.

Хотя Литва и соединилась съ Польшею въ 1386 году, но соединеніе это, какъ мы видѣли, было не-

---

[1]) При Сигизмундѣ I, въ 1525 году, въ Вильнѣ въ первый разъ стали печатать книги; первая печатная книга была русская, именно „Дѣянія и посланія свв. апостоловъ". Одинъ экземпляръ этой книги дошелъ до насъ, онъ хранится въ Вилен-

прочно. До Сигизмунда-Августа литовцы имѣли все свое, отдѣльное, именно: свой отдѣльный сеймъ, свои законы (Литовскій Статутъ), свою монету, свою государственную печать; громадное большинство народонаселенія (9/10) говорило и писало по-русски и исповѣдывало православную вѣру; въ Вильнѣ православныхъ церквей было болѣе 20, а костеловъ всего только 7. Но, начиная съ Ягайлы, польскіе паны постоянно стремились къ тому, чтобы окончательно соединить Литву и Западную Россію съ Польшею и чтобы литовцы и русскіе, забывъ все свое природное, приняли все польское и слились бы въ одинъ польскій народъ. По этому поводу поляки и литовцы нѣсколько разъ съѣзжались на общіе съѣзды, но каждый разъ дѣло оканчивалось или ссорою или дракою. Такъ продолжалось до Сигизмунда II Августа. При Августѣ-же поляки съ особенною силою стали хлопотать объ окончательномъ соединеніи Литвы съ Польшею; дѣлали же они это потому, что Августъ не имѣлъ дѣтей и, слѣдовательно, съ его смертію должна была прекратиться династія Ягеллоновъ, которая до того времени собственно и составляла связующее звено между Литвою и Польшею. На первыхъ порахъ Сигизмундъ II Августъ не хотѣлъ соединенія Литвы съ Польшею. Особенно старался отклонить короля отъ этого канцлеръ его Николай Радзивиллъ, по прозванію Черный. Радзивиллъ былъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ Сигизмунду-Августу. Какъ природный литовецъ, онъ терпѣть не могъ поляковъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы не было

ской публичной библіотекѣ. Первая печатная книга на польскомъ языкѣ явилась въ Вильнѣ въ 1555 году. При Сигизмундѣ I въ костелахъ ксендзы говорили проповѣди и народъ пѣлъ молитвы по-русски.

окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею. Но Радзивиллъ, къ несчастію литовцевъ, скоро умеръ. А между тѣмъ король подпалъ сильному вліянію ксендзовъ и польскихъ пановъ; притомъ онъ постарѣлъ, сдѣлался болѣзненнымъ, суевѣрнымъ, и, наконецъ самъ рѣшился на окончательное соединеніе Литвы съ Польшею. Для этого онъ приказалъ литовцамъ и полякамъ съѣхаться въ Люблинѣ на общій сеймъ.

10 января 1569 года сеймъ былъ открытъ. На этотъ сеймъ съѣхались какъ польскіе, такъ и литовско-русскіе депутаты. По открытіи сейма, Сигизмундъ-Августъ прямо заявилъ литовско-русскимъ депутатамъ, что онъ созвалъ ихъ сюда для того, чтобы они безъ всякихъ отговорокъ согласились на окончательное соединеніе Литвы и Западной Россіи съ Польшею. Но депутаты литовско-русскіе отвѣтили, что они не могутъ согласиться на это. „Если мы соединимся съ Польшею", говорили они, „то должны все свое потерять: и свой языкъ, и свою вѣру, и свои нравы и обычаи, и совершенно сдѣлаться поляками". Изъ числа литовскихъ депутатовъ особенно сильно возставалъ противъ соединенія Литвы съ Польшею нѣкто Котковичъ изъ Жмуди. „Подобно тому, какъ наши предки", говорилъ Котковичъ, „не соглашались соединиться съ Польшею и стать рабами польскихъ пановъ, такъ и мы не желаемъ. Мы до сего времени были свободными и желаемъ остаться свободными". Первое засѣданіе кончилось ничѣмъ. За первымъ засѣданіемъ послѣдовало еще нѣсколько другихъ засѣданій, которыя также кончились ничѣмъ. Когда Сигизмундъ-Августъ, по наущенію польскихъ пановъ и католическаго духовенства, хотѣлъ было силою заставить литовско-русскихъ депутатовъ подписать актъ соединенія, то тѣ

28 февраля, рано утромъ, уѣхали изъ Люблина, чѣмъ ясно показали, что не желаютъ соединенія Литвы съ Польшею. Но Сигизмундъ-Августъ и поляки не смутились этимъ: король, по совѣту пановъ, собралъ войско и объявилъ литовскимъ депутатамъ, что лишитъ ихъ должностей и имѣній, если они не возвратяться на сеймъ и не подпишутъ акта. Тѣ перепугались и вслѣдствіе этого должны были снова пріѣхать на сеймъ; начались опять засѣданія по вопросу о соединеніи Литвы съ Польшею. Особенно замѣчательно было засѣданіе 28 іюня. Въ этотъ день члены сейма собрались въ 10 часовъ утра. Когда Сигизмундъ II Августъ на этомъ засѣданіи потребовалъ отъ литовско-русскихъ депутатовъ согласія на соединеніе Литвы и Западной Россіи съ Польшею, то они всѣ встали съ своихъ мѣстъ, подошли къ королю и упали передъ нимъ на колѣни. „Ваше Королевское Величество!" говорили они, обливаясь слезами. „Умоляемъ Васъ Богомъ, не губите насъ, не дѣлайте насъ рабами поляковъ, не заставляйте насъ вѣчно плакать о гибели нашего отечества, которое предки наши добыли потомъ и кровію". Но все было напрасно: унія была объявлена. 29 іюня, въ день св. ап. Петра и Павла, въ люблинскомъ костелѣ пѣли по этому поводу: „Тебе, Бога хвалимъ".

1-го іюля 1869 года сеймовые члены въ послѣдній разъ собрались въ залы сеймоваго дома для подписанія протоколовъ засѣданія. Въ исходѣ 12-го часа Сигизмундъ II Августъ блѣдный и изнуренный послѣдними бурными засѣданіями, сопровождаемый своею свитою и гнѣзненскимъ архіепископомъ, вошелъ въ главную сеймовую залу, гдѣ уже для него было приготовлено особое сѣдалище, а противъ него столъ,

на которомъ разложены были протоколы, необходимые для подписи, и стоялъ крестъ съ золотымъ изображеніемъ распятаго Господа. Когда вошелъ король и занялъ свое мѣсто, то воцарилась глубокая тишина. Затѣмъ началось чтеніе протоколовъ и подпись ихъ, а послѣ—присяга на вѣрность этой уніи. Изъ литовско-русскихъ депутатовъ первые присягнули: Константинъ Острожскій, Александръ Чарторыйскій и Романъ Сангушко (всѣ православные). Послѣдній, цѣлуя крестъ, сталъ на колѣни и просилъ короля, чтобы тотъ положилъ свою руку на его голову въ знакъ того, что съ него, Сангушки, снимается клятва, данная имъ Августу, какъ литовскому государю. Король исполнилъ желаніе Сангушки. Вслѣдъ за этимъ выступилъ жмудскій депутатъ Котковичъ съ остальными литовскими депутатами. Котковичъ, не принося еще присяги, подошелъ къ королю, упалъ на колѣни и, рыдая, громко произнесъ: „Государь! мы уступаемъ и унію признаемъ, но больно вспомнить намъ о томъ, что если наши внуки и правнуки взглянутъ на это дѣло не съ любовію, а съ жалостію и обвинятъ насъ въ томъ, что мы допустили сіе порабощеніе". Такимъ образомъ совершилась Люблинская унія, и совершилась такъ, какъ того желали поляки. Съ тѣхъ поръ Литва и Польша, какъ соединенныя государства въ одно, стали называться однимъ общимъ именемъ „Рѣчь Посполитая".

Прощаясь съ сеймовыми членами, Сигизмундъ-Августъ сказалъ имъ рѣчь, въ которой благодарилъ членовъ сейма за согласіе на унію и выставилъ на видъ, что это дѣло Божіе, а вовсе не его личное. При этомъ онъ высказалъ сожалѣніе, что въ соединенномъ государствѣ возникло много разныхъ исповѣданій христіанской вѣры и что онъ будетъ стараться уничтожить

это различіе, но безъ строгихъ мѣръ и насилія совѣсти. Въ заключеніе прибавилъ: „не увлекайтесь, какъ я не увлекался обширностію сихъ двухъ государствъ и не гордитесь этимъ, но старайтесь о томъ, чтобы въ нихъ не было, какъ прежде, плача и стона, чтобы въ нихъ процвѣтала правда, въ противномъ случаѣ Богъ не только не увеличитъ вашего государства, но напротивъ—низвергнетъ его“. Опасенія Августа сбылись: правда скоро исчезла, плачъ и стоны еще съ большею силою наполнили Рѣчь Посполитую и она ровно чрезъ два столѣтія послѣ смерти Сигизмунда-Августа была низвергнута съ историческаго поприща.

Но что же въ самомъ дѣлѣ Люблинская унія дала хорошаго литовско-русской народности? Въ настоящее время почти всѣ польскіе историки представляютъ Люблинскую унію великимъ и благодѣтельнымъ событіемъ для народностей, входящихъ въ составъ Литовскаго государства, такъ, напримѣръ, говорятъ: Бобржинскій и Шуйскій. Но съ этимъ нельзя согласиться: сотни тысячъ существуютъ документовъ, изъ которыхъ ясно видно, что Люблинская унія принесла пользу только литовско-русскимъ дворянамъ, принявшимъ или католичество, или унію, а таковыхъ было немного, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Что же касается до остального литовско-русскаго населенія, именно того, которое осталось вѣрно своей религіи и своей народности, то положеніе его въ десять разъ ухудшилось, оно сдѣлалось даже безотраднымъ.

Но въ то самое время, какъ повидимому дѣло соединенія Литвы съ Польшею было окончено счастливо и русскія области съ православнымъ населеніемъ непосредственно были соединены съ Польшею, въ областяхъ Рѣчи Посполитой началось то движеніе, кото-

рое въ лицѣ іезуитовъ вызвало католическое противодѣйствіе, а это послѣднее движеніе, доведенное іезуитами до крайности, было причиною отторженія отъ Польско-Литовскаго государства русскихъ областей, а впослѣдствіи одною изъ главныхъ причинъ и гибели самой Рѣчи Посполитой. Движеніе это—распространеніе реформатскихъ ученій: Лютера и Кальвина.

Распространеніе лютеранизма и кальвинизма въ Рѣчи Посполитой. Призваніе іезуитовъ для борьбы съ ними. Сигизмундъ II Августъ, какъ мы говорили недавно, отличался лѣностью и безпечностью и не любилъ заниматься государственными дѣлами. Но, несмотря на это, онъ былъ человѣкъ умный и разсудительный; это видно изъ того, что онъ не только не преслѣдовалъ лицъ другихъ исповѣданій, но даже позволялъ католикамъ принимать лютеранство и кальвинизмъ. Говорятъ, что онъ самъ намѣревался принять послѣднее исповѣданіе, но ему помѣшало духовенство.

Лютеранство и кальвинизмъ появились на Западѣ въ началѣ XVI столѣтія. Оба эти исповѣданія возникли изъ католичества вслѣдствіе крайней распущенности западнаго латинскаго духовенства и въ высшей степени незаконныхъ дѣйствій римскихъ папъ. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія на римскомъ престолѣ одинъ за другимъ сидѣли папы, отличавшіеся крайне порочною жизнію, невѣріемъ и жестокостію. Большая часть папъ этого времени думали только объ обогащеніи, роскоши и разнаго рода наслажденіяхъ и завоеваніяхъ. Такъ, между прочимъ, папа Александръ Борджіа, отличаясь чудовищною безнравственностью, думалъ только о пріобрѣтеніи богатствъ, разнаго рода земель и имѣній для сына своего Цезаря Борджіа; съ этою цѣлью, по его приказанію, много было убито

и отравлено богатыхъ и знатныхъ лицъ, пока самому ему не поднесенъ былъ ядъ однимъ кардиналомъ. Папа Юлій II, подобно Александру Борджіа, также думалъ только объ обогащеніи и съ этою цѣлію постоянно велъ войны и совершалъ походы на сосѣдей. Затѣмъ третій папа Левъ X всю жизнь свою хлопоталъ объ украшеніи Рима, роскошной обстановкѣ собственнаго помѣщенія (Ватикана), а также о пирахъ и балахъ. Незаконныя дѣйствія папы Льва X были главною причиною появленія лютеранства и кальвинизма. Не имѣя собственныхъ денегъ на свои прихоти и затѣи, папа Левъ X задумалъ пріобрѣсть ихъ отъ благочестивыхъ католиковъ за отпущеніе имъ грѣховъ. Для этой цѣли папа сначала приказалъ написать нѣсколько тысячъ маленькихъ грамотокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „индульгенцій", а затѣмъ сдѣлалъ распоряженіе о продажѣ ихъ за деньги католикамъ, причемъ объявилъ, что всякій, купившій эту грамотку (индульгенцію), получаетъ прощеніе грѣховъ. Продажу индульгенцій папа поручилъ своему любимцу, архіепископу майнцскому, а тотъ—доминиканскому монаху Тецелю, у котораго продажа эта приняла въ высшей степени соблазнительный характеръ: разъѣзжая по городамъ Германіи, Тецель громко кричалъ: „Благочестивые католики! спѣшите ко мнѣ для покупки святыхъ индульгенцій; каждый изъ васъ, купившій индульгенцію, получаетъ прощеніе грѣховъ не только прошедшихъ, но и будущихъ" [1]). Народъ тысячами

---

[1]) Пріѣзжая въ какой-нибудь городъ, Тецель обыкновенно устраивалъ палатку и продавалъ въ ней индульгенціи, какъ товаръ. Можно было купить индульгенцію на отпущеніе одного грѣха, двухъ, трехъ и т. д. Смотря по количеству и качеству грѣховъ, Тецель требовалъ отъ покупателей и разныхъ денеж-

валилъ къ Тецелю за индульгенціями и этотъ монахъ собралъ огромныя суммы денегъ, съ которыми немедленно отправился въ Римъ къ папѣ Льву X. Но нашлись между католиками люди умные, которые поняли, что продажа индульгенцій на отпущеніе грѣховъ за деньги есть дѣло беззаконное и противное Богу и Его святымъ заповѣдямъ. Эти люди, отличаясь высокимъ благочестіемъ и святостію жизни, стали громко осуждать дѣйствія папы и вслухъ говорить, что это дѣло богопротивное и достойное страшнаго наказанія въ загробной жизни. Первый выступилъ противъ Льва X, за продажу индульгенцій, монахъ августинскаго монастыря, профессоръ Виртембергскаго университета Мартинъ Лютеръ.

Сначала Лютеръ очень преданъ былъ католицизму и глубоко уважалъ и любилъ папу Льва X; но когда съѣздилъ въ Римъ, чтобы поклониться папѣ и поцѣловать туфлю его, то страшно возненавидѣлъ и самого папу Льва X, и католическое духовенство, и самую католическую религію съ ея обрядами, потому что своими глазами видѣлъ, какіе страшные пороки и беззаконія гнѣздятся во дворцѣ папы (Ватиканѣ) и сколько

ныхъ суммъ; за убійство, напримѣръ, онъ бралъ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ за простое воровство. Очень многіе покупали индульгенціи для отпущенія тѣхъ грѣховъ, которые еще думали совершить. Были индульгенціи и для отпущенія грѣховъ умершихъ.

Примѣчаніе. Есть преданіе, что одинъ нѣмецкій рыцарь, купивши индульгенцію за дорогую цѣну на отпущеніе грѣха, который онъ намѣревался совершить, ограбилъ Тецеля въ лѣсу; когда же Тецель сталъ проклинать рыцаря и грозить ему муками ада за этотъ грѣхъ, то рыцарь показалъ ему индульгенцію, говоря: „ты самъ продалъ мнѣ индульгенцію на совершеніе того грѣха, который я думалъ совершить, а я думалъ именно ограбить тебя,—слѣдовательно, этотъ грѣхъ давно уже мнѣ прощенъ".

вопіющихъ и несправедливыхъ дѣлъ совершается католическимъ духовенствомъ. Возвратясь на родину, Лютеръ часто говорилъ: „Зачѣмъ я ѣздилъ въ Римъ? Если бы я не ѣздилъ туда, то навсегда остался бы добрымъ католикомъ". Скоро послѣ этого началась продажа индульгенцій. Великая душа Лютера сильно возмутилась этимъ новымъ беззаконнымъ дѣйствіемъ Льва X; какъ глубоко религіозный человѣкъ, онъ не могъ этого перенести и сталъ публично, съ каѳедръ, въ церквахъ говорить народу, что папа Левъ X, отпуская грѣхи за деньги посредствомъ продажи индульгенцій, совершаетъ великую несправедливость и оскорбляетъ Бога. Папа за это проклялъ Лютера и хотѣлъ сжечь его, какъ это дѣлали его предшественники съ тѣми лицами, которыя изобличали ихъ во лжи и несправедливости, но это ему не удалось: за Лютера вступилась вся Сѣверная Германія, потому что всѣ видѣли его правоту.

Послѣ папскаго проклятія Лютеръ прожилъ около 30 лѣтъ и составилъ особое исповѣданіе, извѣстное подъ именемъ лютеранскаго, которое было принято многими милліонами лицъ.

Переходъ нѣсколькихъ милліоновъ католиковъ въ лютеранство сильно подорвалъ католическую религію и страшно перепугалъ папу и латинское духовенство. А между тѣмъ появился новый противникъ папы, именно Кальвинъ, который составилъ новое ученіе (похожее на лютеранское) и увлекъ на свою сторону также огромное число католиковъ. Послѣ этого папа потерялъ голову и пришелъ въ отчаяніе. Но къ счастію его въ это время среди католиковъ образовался Іезуитскій орденъ. Члены этого ордена должны были употреблять всѣ зависящія отъ нихъ средства для удер-

жанія католиковъ отъ перехода въ лютеранство и кальвинизмъ и для возвращенія въ католицизмъ тѣхъ, кто отказался отъ него. Для лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ іезуиты положили между собою употреблять, гдѣ нужно, убійство, клятвопреступленіе, воровство, богохульство и всѣ другіе пороки. И дѣйствительно, благодаря этому ордену, католичество оправилось, а лютеранство и кальвинизмъ ослабѣли. Особенно удачны были дѣйствія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ.

Лютеранство и кальвинизмъ проникли въ Польшу и Литву еще при Сигизмундѣ I, Старомъ, а при его преемникѣ, Сигизмундѣ II Августѣ, развились съ поразительною быстротою. При этомъ королѣ большая часть католическихъ пановъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ перешли въ лютеранство или кальвинизмъ. Такое быстрое отпаденіе отъ католической церкви образованнаго класса въ Рѣчи Посполитой сильно перепугало папскаго примаса въ Польшѣ, кардинала Гозія. Гозій обратился къ тогдашнему папѣ Пію IV съ просьбою прислать къ нему хорошихъ проповѣдниковъ, чтобы тѣ своими проповѣдями остановили распространеніе лютеранства и кальвинизма. Папа прислалъ іезуитовъ; сначала они явились въ Польшѣ, а потомъ и въ Литвѣ. Въ Литву іезуиты явились въ 1569 году. Дѣйствія ихъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ имѣли громадный успѣхъ: въ короткое время цѣлыя тысячи новообращенныхъ лютеранъ и кальвинистовъ возвратились опять въ католичество. Но эти же іезуиты своими дѣйствіями подготовили Рѣчь Посполитую къ гибели.

Спустя 4 года послѣ водворенія іезуитовъ въ Литвѣ, Сигизмундъ II Августъ скончался. Это было 7-го іюля 1572 года. Скончался онъ на 52 году жизни.

Послѣ смерти Сигизмунда II Августа королевская власть въ Польско-Литовскомъ государствѣ (Рѣчи Посполитой) сдѣлалась избирательной, т. е. королемъ могъ быть только тотъ, кого избирали паны, а не сынъ прежняго короля, какъ это прежде было. Первымъ избрачнымъ королемъ въ Рѣчи Посполитой былъ французскій принцъ Генрихъ Валуа, но онъ пробылъ въ Польшѣ не долго, всего 5 мѣсяцевъ, а затѣмъ тайно ночью бѣжалъ. Ему чрезвычайно не понравилась жизнь въ Польшѣ и тѣ страшные безпорядки, которые въ ней происходили; прекратить же ихъ онъ не могъ, такъ какъ польскіе короли лишены были должной власти и не имѣли почти никакого значенія.

Стефанъ Баторій.

1575—1586 г.

Баторій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ польскихъ королей послѣ Сигизмунда II Августа. Онъ отличался храбростію и глубокимъ политическимъ умомъ. По вступленіи на польско-литовскій престолъ, Баторій задумалъ расширить свое государство на счетъ московскихъ владѣній, вслѣдствіе этого началъ борьбу съ русскимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Борьба эта продолжалась два года. Первый годъ борьбы былъ очень счастливъ для Баторія: въ двухъ битвахъ онъ разбилъ русскихъ на голову и при этомъ захватилъ много русскихъ городовъ. Но во второй годъ счастье оставило Баторія: онъ напалъ было на Псковъ, нѣсколько недѣль осаждалъ его и ничего не могъ сдѣлать, притомъ въ войскѣ его развились разныя повальныя болѣзни. Это заставило польскаго короля согласиться на миръ, предложенный

му Іоанномъ Грознымъ. По этому миру Баторій получилъ только городъ Полоцкъ и часть Ливоніи.

По окончаніи войны съ русскимъ царемъ, Баторій занялся внутреннимъ устройствомъ Рѣчи Посполитой. Ему особенно хотѣлось какъ можно крѣпче слить съ Польшею тѣ области бывшаго Литовскаго государства, которыя населены были православно-русскимъ народомъ. Такъ какъ главною помѣхою къ этому служила религія, то Баторій рѣшилъ обратить всѣхъ православныхъ въ католичество. Для достиженія этой цѣли онъ употребилъ своихъ друзей іезуитовъ [1]). По приказанію короля іезуиты толпами разъѣзжали по Литвѣ и Западной Россіи съ латинскою проповѣдью; при этомъ они нерѣдко производили надъ православными насилія, а чаще всего, въ случаяхъ неуспѣха своей проповѣди, подбивали католическое духовенство и мірянъ (т. е. свѣтскихъ лицъ) къ вооруженному нападенію на православныхъ и отнятію у нихъ церквей, монастырей и имѣній. Такъ, между прочимъ, извѣстно, что въ Львовѣ въ 1584 году католики, по наущенію своего епископа и іезуитовъ, наканунѣ Рождества Христова, съ оружіемъ въ рукахъ напали на православные монастыри и церкви, выволокли священниковъ, избили ихъ до полусмерти, запечатали церкви и настрого запретили совершать въ нихъ богослуженіе. То же самое сдѣлано было въ Трокахъ (Виленской губерніи). При Баторіи въ этомъ городѣ было 5 церквей и одинъ монастырь, который снабженъ былъ фамиліею Сапѣговъ (Сапѣги прежде были православными) богатыми имѣніями. Въ концѣ царствованія Баторія два трокскихъ пана-като-

---

[1]) Баторій очень любилъ іезуитовъ и нерѣдко говорилъ: „Если бы я не былъ королемъ, то былъ бы іезуитомъ".

лика, именно: Стравинскій и Толоконскій, по наущенію іезуитовъ и католическаго духовенства, напали на монастырь (сначала Стравинскій, а потомъ Толоконскій), разогнали монаховъ, разграбили имущество и захватили имѣнія [1]).

Но несмотря на всѣ мѣры, принятыя Баторіемъ, и энергію іезуитовъ, никто изъ православныхъ не измѣнилъ своей вѣрѣ и не принялъ католичества.

Послѣ этой неудачи Баторій обратилъ вниманіе на казаковъ, жившихъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой.

Казаками въ Рѣчи Посполитой назывались тѣ лица православнаго исповѣданія, которыя заселяли нынѣшнія губерніи Кіевскую, Полтавскую, Подольскую и другія смежныя, или прежнюю Украйну, и острова, лежащіе на Днѣпрѣ, ниже его пороговъ. Казаки были въ высшей степени люди храбрые и воинственные, особенно тѣ, которые жили на днѣпровскихъ островахъ. Казаки, жившіе на Украйнѣ, назывались „украинскими" и „домовитыми", а жившіе за днѣпровскими порогами—„запорожцами". Украинскіе казаки имѣли у себя города, села, деревни и хутора, а у запорожцевъ ничего этого не было: жили они въ шалашахъ, обѣдали вмѣстѣ и управлялись однимъ общимъ начальникомъ, котораго сами выбирали; начальникъ этотъ назывался атаманомъ и кошевымъ. Запорожцы принимали къ себѣ всякаго бѣглаго человѣка, лишь бы онъ былъ православнымъ и далъ клятву предъ крестомъ и евангеліемъ, что будетъ защищать русскую народность и биться съ врагами православія. Осо-

---

[1]) Впослѣдствіи трокскій монастырь былъ проданъ доминиканскими католическими монахами одному жиду, а тотъ обратилъ его въ кабакъ и бочку съ пивомъ приладилъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ святой престолъ.

бенно бѣглыхъ лицъ православнаго исповѣданія много являлось въ Запорожье въ это время, т. е. во второй половинѣ XVI ст.; являлись они изъ Польши и Литвы, но преимущественно изъ Литвы. Дѣло вотъ въ чемъ: когда въ 1569 году Литва окончательно соединилась съ Польшею, то польскіе паны, сдѣлавшись полновластными хозяевами въ Литвѣ, стали жестоко обращаться съ православными, которыхъ было здѣсь по крайней мѣрѣ милліоновъ пять; они хотѣли ихъ обратить въ холоповъ и вслѣдствіе этого начали обременять тяжкими работами; тогда православные тысячами стали убѣгать въ Запорожье и поступать въ казаки.

Женщины не допускались въ Запорожье. Украинскіе казаки и запорожцы у сосѣдей считались подданными Польши, но сами они не признавали себя таковыми: они считали себя свободными, ни отъ кого независимыми. Очень часто казаки соединенными силами нападали на Польшу и разоряли ея города и села. Особенно ужасны были эти нападенія въ тѣхъ случаяхъ, когда до слуха казаковъ доходило о преслѣдованіи православныхъ въ Литвѣ и о стремленіи поляковъ обратить православныхъ въ католичество.

По этому Баторій, считая казаковъ главною опорою православія въ борьбѣ его съ католическою пропагандою и охранителями русской народности и ея религіи, задумалъ уничтожить ихъ, или дать имъ такое общественное устройство, которое сдѣлало бы ихъ безопасными для Польши и безвредными для латинской пропаганды среди православныхъ. Но, какъ умный человѣкъ, Стефанъ Баторій, въ видахъ достиженія своей цѣли, началъ дѣйствовать въ высшей степени осторожно и осмотрительно; сталъ употреблять мѣры повидимому благопріятныя для казаковъ, а на самомъ дѣлѣ имѣв-

шія цѣлію подчиненіе ихъ власти Польши. Но казаки скоро догадались въ чемъ дѣло и взялись за оружіе. Правда, Баторію удалось казнить одного казацкаго атамана, Подкову; но за то другой атаманъ, Шахтъ, страшно отомстилъ за него: собравши сильное войско изъ украинскихъ казаковъ и удалыхъ запорожцевъ, онъ истребилъ тысячи поляковъ въ Подоліи, разрушилъ ихъ жилища и захватилъ имущество.

Съ этого времени начинается ожесточенная борьба казаковъ съ поляками за православіе и русскую народность, борьба на жизнь и смерть. Эта борьба въ концѣ разорила Польшу и привела ее къ паденію. Говорятъ, что Баторій умирая сказалъ: „Бродяги эти, казаки, когда-нибудь большое зло принесутъ Польшѣ", и дѣйствительно не ошибся.

Баторій царствовалъ 11 лѣтъ, умеръ въ Гроднѣ 12 декабря 1586 года.

Сигизмундъ III.

1587—1632 г.

По смерти Баторія поляки избрали своимъ государемъ сына шведскаго короля Іоанна IV, Сигизмунда. Съ самаго ранняго дѣтства Сигизмундъ III воспитанъ былъ въ строго католическомъ духѣ, а потому, достигши польскаго престола, обратилъ особенное вниманіе на православныхъ Литвы и Западной Россіи, какъ иновѣрцевъ. По совѣту іезуитовъ, которые были его первыми друзьями и совѣтниками, онъ задумалъ ввести унію, т. е. заставить православныхъ признавать, подобно католикамъ, римскаго папу намѣстниками Іисуса Христа и видимымъ главою своей церкви

и слушаться его приказаній, какъ повелѣній самого Бога [1]).

Церковная унія.

Чтобы обезпечить себѣ успѣхъ въ задуманномъ дѣлѣ, Сигизмундъ сначала положилъ возвести на епископскія каѳедры православной іерархіи такихъ лицъ, которыя были бы преданы полякамъ и согласились бы за извѣстное вознагражденіе принять унію и распространять ее въ своихъ епархіяхъ.

Благодаря стараніямъ іезуитовъ и польскихъ пановъ, Сигизмундъ скоро достигъ желанной цѣли, именно: къ концу XVI столѣтія почти всѣ православно-русскія епископскія каѳедры въ Рѣчи Посполитой замѣщены были лицами, которыя изъ корыстныхъ цѣлей желали уніи. Такъ, между прочимъ, желали уніи: Кириллъ Терецкій, епископъ владимирскій,—Ипатій Поцѣй, епископъ брестскій,—Михаилъ Рогоза, митрополитъ кіевскій, и др.

Но когда эти епископы стали склонять къ принятію уніи и другихъ лицъ православной вѣры, то встрѣтили сильное сопротивленіе: никто изъ православныхъ и слышать не хотѣлъ объ уніи.

Чтобы успѣшнѣе противодѣйствовать распространенію уніи, православные стали составлять особыя общества, или такъ называемыя братства. Братства эти заводили школы, издавали сочиненія въ защиту православныхъ, учреждали страннопріимные дома, строили больницы для бѣдныхъ и т. п.; словомъ, они дѣйствовали совершенно такъ, какъ дѣйствовали тѣ братства, которыя составляемы были, какъ мы видѣли,

[1]) Въ этомъ собственно на первыхъ порахъ и состояла унія.

лѣтъ сто тому назадъ, при Казимирѣ IV, когда п
вославію стала грозить опасность отъ католически
миссіонеровъ. Подобнаго рода братствъ въ это вре
въ Литвѣ и Западной Россіи было много; но особен
замѣчательны изъ нихъ своею плодотворною дѣяте
ностью были три, именно: „Львовское“ въ г. Льво
„Богоявленское“ въ г. Кіевѣ и „Троицкое“ въ
Вильнѣ.

Защитниками православія въ сіе время явил
также и отдѣльныя лица изъ богатыхъ фамилій. О
бенно сильнымъ защитникомъ православія былъ кн
Константинъ Константиновичъ Острожскій. Въ имѣ
своемъ, въ г. Острогѣ на Волыни, онъ основалъ а
демію, гдѣ преподавались всѣ науки, какія препо
вались въ то время въ Западной Европѣ. Ректор
этой академіи былъ знаменитый своею ученостію гр
Кириллъ Лукарисъ (впослѣдствіи патріархъ Алекс
дрійскій); его великому уму и обширнымъ свѣдѣні
удивлялись іезуиты и протестанты. Многіе запад
ученые пріѣзжали въ Острожскую академію, чт
послушать лекціи знаменитаго ректора. При акаде
существовало особое ученое общество, которое зани
лось изданіемъ ученыхъ сочиненій въ защиту правос
вія; такъ между прочимъ имъ издано было два сочине
„О единой истинной, православной вѣрѣ и св. апост
ской церкви“ и „Исповѣданіе объ исхожденіи св. Дух
Въ 1581 году здѣсь была напечатана первая слав
ская библія; печаталъ ее первый русскій печатни
московскій діаконъ Иванъ Ѳедоровъ. Въ предисл
къ этой библіи отъ лица Острожскаго сказано:
принужденъ былъ напечатать сію библію вслѣдс
печальнаго положенія православной церкви. Цер
эту враги терзаютъ и попираютъ ногами и никто

въ силахъ противостоять имъ по недостатку духовнаго оружія—Слова Божія".

Но, несмотря на это, православные не могли возвратить своихъ заблудившихся епископовъ къ вѣрѣ отцовъ: они оставались непреклонными въ желаніи принять унію. Въ концѣ 1595 г. Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй отправились въ Римъ къ папѣ Бонифацію VIII съ просьбою, какъ бы отъ всего русскаго народа Рѣчи Посполитой, о принятіи Православной церкви подъ свою власть. Папа чрезвычайно обрадовался сему; по этому поводу онъ устроилъ въ Римѣ торжественное богослуженіе и приказалъ выбить особую медаль, на одной сторонѣ которой изображенъ былъ самъ папа Климентъ VIII, сидящимъ на престолѣ, а въ ногахъ его стоялъ на колѣняхъ русскій епископъ; на другой же сторонѣ—портретъ того-же Климента VIII, вокругъ котораго надпись: „На возсоединеніе русскихъ".

По возвращеніи въ Литву, Терлецкій и Поцѣй явились къ королю съ извѣщеніемъ, что римскій папа принялъ Православную церковь Рѣчи Посполитой подъ свою власть. Тогда Сигизмундъ III разослалъ по всей Литвѣ и Западной Россіи универсалы съ объявленіемъ, что митрополитъ Православной церкви и подчиненные ему епископы приняли унію, т. е. признали римскаго папу главою своей Русской церкви и что поэтому всѣ остальные русскіе должны послѣдовать ихъ примѣру. Но русскіе вмѣсто принятія уніи рѣшились крѣпче держаться православія и затѣмъ обратились къ константинопольскому патріарху Іереміи, отъ котораго въ это время зависѣла Православная церковь въ Рѣчи Посполитой, чтобы онъ разрѣшилъ имъ составить соборъ для отлученія отъ церкви митрополита

и епископовъ, принявшихъ унію. Патріархъ разрѣшилъ. 6 октября 1596 г. въ городѣ Брестѣ соборъ открылся подъ предсѣдательствомъ Львовскаго епископа Гедеона Болобана. Восточные патріархи тоже прислали своихъ представителей на этотъ соборъ, именно: александрійскій—Кирилла Лукариса, константинопольскій—великаго протосинкелла Никифора [1]). Соборъ продолжался четыре дня; на немъ осуждены были всѣ лица, принявшія унію. Но въ тотъ же самый день и въ томъ же г. Брестѣ, по приказанію Сигизмунда III, Митрополитъ Михаилъ Рогоза, съ русскими епископами, принявшими унію, и нѣкоторыми латинскими, открылъ свой соборъ. Соборъ этотъ и кончился въ одинъ день съ православнымъ; на немъ унія была признана единственною святою восточною церковію, а православіе—осуждено.

Первые уніатскіе митрополиты и основаніе ордена Базиліанъ. Первый уніатскій митрополитъ былъ Михаилъ Рогоза; но онъ недолго управлялъ митрополіею: укоры совѣсти за измѣну вѣрѣ отцовъ преждевременно свели его въ могилу. Онъ умеръ 1599 г.

Второй уніатскій митрополитъ былъ Ипатій Поцѣй. Поцѣй управлялъ уніатскою церковью 14 лѣтъ. Умеръ 1613 г. 18 іюля.

Третій уніатскій митрополитъ былъ Іосифъ Вельяминъ-Рутскій. Рутскій былъ другъ Поцѣя. Онъ извѣстенъ какъ преобразователь внутренняго устройства уніатской церкви и основатель Базиліанскаго ордена.

Вельяминъ - Рутскій по происхожденію русскій. Отецъ его былъ московскій воевода; но въ 1568 году, во время войны Іоанна IV съ поляками, онъ измѣнилъ

---

[1]) Никифоръ подобно Лукарису тоже отличался необыкновенною ученостію и извѣстенъ былъ въ Западной Европѣ.

русскому царю, перешелъ на сторону поляковъ и поселился въ Литвѣ.

Молодой Рутскій родился въ Литвѣ; крещенъ былъ въ православіе. Въ концѣ XVI столѣтія онъ перешелъ было въ кальвинизмъ; но іезуиты постарались обратить его въ католичество, а затѣмъ, замѣтя въ немъ блестящія способности, отправили въ Римъ для образованія. Въ Римѣ Рутскій пробылъ нѣсколько лѣтъ и сдѣлался извѣстенъ папѣ. Папа тоже скоро оцѣнилъ способности Рутскаго и положилъ воспользоваться этимъ человѣкомъ для своихъ цѣлей. Въ концѣ 1604 г. онъ посовѣтовалъ Рутскому принять унію, а потомъ отправиться въ Вильну, къ Поцѣю; поступить тамъ въ монахи и образовать въ Литвѣ такой монашескій орденъ, который бы заботился о томъ, чтобы въ Уніатской церкви постепенно, исподволь, безъ внутреннихъ потрясеній, замѣнять догматы и обряды православной церкви догматами и обрядами церкви католической, или, какъ обыкновенно говорятъ, который бы заботился о томъ, чтобы постепенно, безъ шума, „окатоличивать" унію [1]).

Въ 1605 году Рутскій прибылъ въ Вильну къ Поцѣю. Поцѣй принялъ Рутскаго весьма ласково; постригъ его въ монахи, а чрезъ годъ посвятилъ въ

---

[1]) Дѣло вотъ въ чемъ: унія, какъ мы видѣли, на первыхъ порахъ состояла только въ одномъ признаніи римскаго папу видимымъ главою Православной церкви; но папа, допуская подобнаго рода унію, думалъ, что Уніатская церковь современемъ приметъ догматы и обряды Католической церкви и олатинится; для достиженія этой цѣли римскій папа съ самаго начала введенія уніи предпринималъ и разныя мѣры. Къ числу этихъ мѣръ, между прочимъ, принадлежитъ и порученіе, данное папою Рутскому основать въ Литвѣ орденъ съ вышеозначенною цѣлію.

санъ архимандрита и сдѣлалъ настоятелемъ виленскаго Троицкаго монастыря, который въ сіе время уже обращенъ былъ въ унію.

Рутскій пять лѣтъ управлялъ монастыремъ, а потомъ, послѣ смерти Поцѣя, 8 августа 1613 г., папою возведенъ былъ въ санъ уніатскаго митрополита.

Сдѣлавшись митрополитомъ, Рутскій, исполняя волю папы, немедленно приступилъ къ образованію угоднаго ему монашескаго ордена; для этой цѣли онъ нашелъ въ самой Литвѣ подходящіе монастыри, именно: православные, но принявшіе унію [1]).

Для окончательнаго устройства предполагаемаго ордена и выработки устава Іосифъ Рутскій въ сентябрѣ 1617 г. созвалъ въ имѣніе свое Новоградовичи (Минской губерніи) на съѣздъ всѣхъ настоятелей уніатскихъ монастырей, нѣкоторыхъ ученыхъ и опытныхъ іезуитовъ. Съѣздъ имѣлъ 10-ть засѣданій, на которыхъ постановлено было: а) всѣ уніатскіе монастыри соединяются какъ бы въ одинъ общій монастырь и всѣ уніатскіе монахи образуютъ одно общество, одно братство, по образцу братства іезуитскаго, которое будетъ называться Базиліанскимъ орденомъ; б) орденъ Базиліанъ зависитъ отъ одного только папы и управ-

---

[1]) До церковной уніи въ Литвѣ и Западной Россіи было много православныхъ монастырей; всѣ они устроены были по уставу Св. Василія Великаго, причемъ каждый изъ нихъ былъ независимъ другъ отъ друга и подчинялся своему настоятелю и мѣстному епископу; между тѣмъ, когда введена была унія, нѣкоторые изъ нихъ, благодаря старанію іезуитовъ и польскаго правительства, въ концѣ XVI ст. и началѣ XVII ст., при Поцѣѣ, приняли унію. И вотъ, когда Рутскій приступилъ, какъ мы сейчасъ сказали, къ образованію въ Литвѣ угоднаго папѣ монашескаго ордена, то онъ нашелъ эти послѣдніе монастыри (т. е. православные монастыри, но принявшіе унію) какъ разъ подходящими для сей цѣли.

ляется особымъ генераломъ, который называется протоархимандритомъ, съ четырьмя ассистентами; в) генералами, ассистентами и настоятелями уніатскихъ монастырей могутъ быть только тѣ лица, которыя получатъ образованіе на западѣ въ іезуитскихъ школахъ; г) въ Базиліанскій орденъ могутъ поступать и католики; д) уніатскіе епископы выбираются изъ базиліанъ, и е) всѣ уніатскія духовныя училища, служащія для образованія уніатскихъ священниковъ, находятся въ рукахъ базиліанъ.

Таковъ орденъ, основанный Рутскимъ для „олатиниванія" уніи. Папа былъ въ восторгѣ отъ его устройства. Онъ назвалъ Рутскаго „атласомъ единенія", „столпомъ церкви", мужемъ апостольскимъ и русскимъ Аѳанасіемъ. Теперь папа надѣялся, что рано ли или поздно, а уніатская церковь „олатинится".

И дѣйствительно мы, видимъ, что унія съ того времени, какъ основанъ былъ Базиліанскій орденъ, начала все болѣе и болѣе перерождаться въ латинство. А это послѣднее повело къ тому, что въ 1720 г. на Замостскомъ соборѣ торжественно было объявлено, что Уніатская церковь признаетъ догматы и обряды церкви Католической.

Рутскій управлялъ Уніатскою церковью 24 года; умеръ 1637 г.

Преслѣдованіе православныхъ. Послѣ уніатскаго собора началось страшное преслѣдованіе православныхъ, съ цѣлію заставить ихъ или принять унію, или перейти въ католичество. У православныхъ отбирали церкви [1]), отнимали имѣнія; самихъ ихъ лишали долж-

[1]) Въ это время у православныхъ въ Вильнѣ отняты были церкви: Николаевская, Пятницкая, Троицкій монастырь, Пречистенскій соборъ и др., всѣхъ 12.

ностей, заключали въ тюрьмы, томили голодомъ, били палками, сѣкли кнутами и т. п. [1]).

---

[1]) Въ городахъ православные особенно много терпѣли отъ іезуитскихъ воспитанниковъ. Такъ, въ 1598 году въ Вильнѣ, на страстной недѣлѣ, въ Великую субботу, толпа іезуитскихъ воспитанниковъ, подъ предводительствомъ ксендза Геліашевича, ворвались сначала въ братскую школу при Свято-Духовскомъ монастырѣ и нанесли тамъ оскорбленіе какъ учителямъ, такъ и ученикамъ, а потомъ—въ церковь этого монастыря, гдѣ, войдя въ алтарь, отворили царскія врата и черезъ нихъ вступили на средину церкви, сняли съ гроба Господня плащаницу и, съ кощунствомъ и глумленіемъ, носили ее по церкви, а когда бывшій тутъ служитель замѣтилъ имъ, что поступать такъ грѣшно, такъ какъ Іисусъ Христосъ одинъ и тотъ-же какъ у католиковъ, такъ и у православныхъ, то его избили за это.

Въ слѣдующій день, т. е. въ самое Свѣтлое Воскресеніе, іезуитскіе воспитанники снова явились въ ту же церковь на обѣдню. Они смѣялись надъ церковными обрядами, кололи молящихся булавками; выдвинувшись впередъ, заняли мѣсто у самаго алтаря и не пропускали желавшихъ принять св. причастіе. Въ этотъ же день они пришли въ церковь Св.-Духовскаго монастыря на вечернее богослуженіе и тутъ, послѣ разнаго рода кощунственныхъ поступковъ, избили діакона и профессора греческаго языка, а по выходѣ изъ церкви напали на братскій домъ и на братскую школу, выломали дверь, перебили окна, переранили учениковъ и слугъ и безнаказанно ушли домой.

Подобныя продѣлки іезуитскихъ воспитанниковъ въ Вильнѣ часто повторялись. Въ другихъ городахъ тоже самое было. Такъ, въ г. Луцкѣ, въ 1634 году, ученики тамошней іезуитской коллегіи, подстрекаемые своими профессорами, напали на монастырь православнаго Кресто-Воздвиженскаго братства, перебили и изувѣчили палками монаховъ, учениковъ, нищихъ, жившихъ въ богадѣльнѣ, ограбили казну братства, а потомъ, съ благословенія своихъ наставниковъ, разбили дома многихъ православныхъ, переранили хозяевъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ и убили до смерти. И все это, по обыкновенію, прошло для нихъ безнаказанно; мало того, они еще величались своими подвигами, какъ богоугодными.

Іезуитскіе воспитанники нерѣдко нападали и на жителей другихъ исповѣданій. Такъ, въ 1605 году они, въ сопровожденіи огромной толпы католиковъ, въ г. Вильнѣ напали на домъ одного шляхтича—кальвиниста и штурмовали его цѣлый часъ; затѣмъ они, сопровождаемые толпою народа, напали на рефор-

Но тяжелѣе всего отозвалось введеніе уніи на простомъ классѣ русскаго народа, на православныхъ

атскую церковь или сборъ (онъ находился на нынѣшней Покровской улицѣ). Тутъ послѣдовали страшныя буйства и сцены насилія: три пастора евангелической общины сдѣлались ихъ жертвами. Одинъ изъ этихъ пасторовъ, полякъ Балтазаръ Криснєвицкій былъ выброшенъ изъ верхняго этажа на землю. Другой пасторъ, нѣмецъ Іоакимъ Вендландъ, избитый палками, едва не былъ сожженъ: уже былъ разложенъ для этой цѣли огонь, но полумертвая жертва была спасена жалобнымъ воемъ своихъ жены и дѣтей, которыя были вытащены изъ дому, чтобы быть свидѣтелями мученій отца. Третій пасторъ Мартинъ Тертуліанъ, также нѣмецъ, на третій же день умеръ отъ панесенныхъ ему въ это время побоевъ и ранъ. Затѣмъ іезуитскіе питомцы ограбили имущество названныхъ пасторовъ, сожгли ихъ дома и самый сборъ. Правда, по этому дѣлу начался было процессъ, но, по обыкновенію, онъ тоже кончился ничѣмъ.

Примѣчаніе. Насколько судебное дѣло плохо стояло въ это время въ Рѣчи Посполитой--видно изъ слѣдующаго факта, подобно которому были тысячи:

Въ 1585 году (или около этого) русскій православный князь Андрей Курбскій, проживая въ Литвѣ, далъ въ займы 900 копъ грошей секретарю Стефана Баторія Василію Борзобогатому. Но когда насталъ срокъ возвращенія долга, Борзобогатый прямо заявилъ Курбскому, что не отдастъ его денегъ. Курскій подалъ жалобу въ судъ, который призналъ долгъ подлежащимъ уплатѣ. По этому рѣшенію полиція три раза ходила къ Борзобогатому съ требованіемъ уплатить долгъ Курбскому, но Борзобогатый всѣ три раза выталкивалъ ее въ шею. Послѣ этого король приказалъ луцкому старостѣ Александру Пронскому силою взыскать деньги. Пронскій собралъ всю шляхту съ повѣтовъ: луцкаго, владимирскаго и кременецкаго и двинулся на Борзобогатаго для исполненія приказанія короля. Но и Борзобогатый не дремалъ: онъ также собралъ значительное ополченіе, которое состояло частію изъ наемныхъ солдатъ, частію изъ его пріятелей, сосѣдней шляхты, и раздѣлилъ его на три отряда; однимъ изъ этихъ отрядовъ командовалъ онъ самъ, а двумя другими—жена, урожденная княгиня Сокольская. На границѣ имѣній Борзобогатаго произошло кровопролитное сраженіе: дрались саблями, пиками, стрѣляли изъ ружей и пушекъ; съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Пронскій, благодаря храбрости и мужеству жены Борзобогатаго, былъ разбитъ на голову и бѣжалъ со стыдомъ. Курбскій долга не получилъ.

крестьянахъ, особенно на тѣхъ, которые находились подъ властію пановъ-католиковъ въ качествѣ крѣпостныхъ [1]). По большей части паны свои имѣнія, населенныя православными крестьянами, отдавали въ аренду жидамъ. Жиды, получивши подобнаго рода имѣнія въ аренду, прежде всего облагали православныхъ тройною податью сравнительно съ панскою; затѣмъ брали себѣ ключи отъ церквей и заставляли православныхъ платить за каждое богослуженіе: утреню, обѣдню, вечерню и др., за каждую требу, т. е. за крестины, молебны, погребеніе, причащеніе больныхъ и т. п. У тѣхъ православныхъ, которые по бѣдности не могли внести платы жиду, зачастую дѣти оставались безъ крещенія, больные отходили въ загробную жизнь безъ покаянія, мертвые по мѣсяцамъ лежали и гнили безъ погребенія; и такихъ примѣровъ цѣлыя тысячи.

Правда, много терпѣли православные Рѣчи Посполитой отъ польскихъ пановъ, отъ латинскаго духовенства, іезуитовъ, жидовъ и др., но еще больше—отъ своихъ же русскихъ, перешедшихъ въ унію или като-

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ Рѣчи Посполитой положеніе крестьянъ не только православныхъ, но даже католиковъ, было очень тяжелое. Въ Польшѣ крестьяне-католики находились въ страшномъ презрѣніи и назывались „быдломъ", т. е. рабочимъ скотомъ. Польскій писатель XVII ст. Стравинскій (католикъ) говоритъ слѣдующее: „любой азіатскій деспотъ не замучитъ во всю жизнь столько людей, сколько ихъ замучатъ у насъ паны въ годъ". Французскій инженеръ Бопланъ, состоявшій на службѣ у Сигизмунда III и сына его Владислава IV пишетъ въ своемъ сочиненіи: „нѣтъ подъ солнцемъ тяжелѣе и безотраднѣе жизни человѣческой, какъ жизнь польскихъ крестьянъ. Крестьяне въ Польшѣ мучатся какъ въ чистилищѣ, а паны блаженствуютъ какъ въ раю". То же самое говоритъ и жившій въ XVI стол. іезуитъ Петръ Скарга.

личество. Изъ множества подобныхъ лицъ особенно выдавался своею жестокостію Іосафатъ Кунцевичъ.

Іосафатъ Кунцевичъ былъ уніатскимъ архіепископомъ въ Полоцкѣ. Ему подчинены были всѣ уніатскія и православныя церкви Бѣлоруссіи. Въ теченіе своего шестилѣтняго управленія епархіей, Кунцевичъ разорилъ множество православныхъ церквей и истребилъ много русскаго народа. Преслѣдуя живыхъ, Кунцевичъ не давалъ покоя и мертвымъ: приказывалъ разрывать могилы на православныхъ кладбищахъ и разбрасывать кости усопшихъ. Но насталъ и ему конецъ. Въ послѣднихъ числахъ октября 1623 года онъ пріѣхалъ въ Витебскъ и тутъ воздвигъ на православныхъ такое гоненіе, что тѣ думали, что насталъ конецъ міра и скоро явится антихристъ. Но потомъ мало-по-малу оправились отъ страха, и затѣмъ составили заговоръ противъ Кунцевича. И вотъ когда онъ 12-го ноября приказалъ бить и мучить одного православнаго священника, по имени Илію, за то, что тотъ не хотѣлъ принять уніи и совершать богослуженія по-уніатски, то православные напали на его квартиру, убили его въ собственномъ кабинетѣ и бросили въ Двину.

Но дорого поплатились православные за убійство своего гонителя: по приказанію римскаго папы Урбана VIII, всѣ православные г. Витебска преданы были королемъ Сигизмундомъ III уголовному суду. Приговоръ былъ самый суровый: 20 человѣкамъ отрубили головы, 200 лицъ наказаны кнутомъ, 100 человѣкъ посажено въ тюрьму, а остальнымъ православнымъ приказано было принять унію [1]).

---

[1]) *Дальнѣйшая судьба смертныхъ останковъ Іосафата Кунцевича.* Тѣло Кунцевича лежало въ Двинѣ три дня; потомъ его

Такое преслѣдованіе православныхъ, воздвигнутое съ цѣлію заставить ихъ принять унію, не осталось

вытащили, освидѣтельствовали, свезли въ Полоцкъ и похоронили въ тамошнемъ Софійскомъ соборѣ, въ склепѣ.

Въ 1624 году папа Урбанъ VIII причислилъ Іосафата Кунцевича къ числу блаженныхъ (полусвятыхъ, такъ сказать) мучениковъ Римской церкви и повелѣлъ праздновать память его 12 ноября (день убіенія). По этому случаю въ Полоцкѣ было великое торжество среди католиковъ и уніатовъ; гробъ Кунцевича былъ вынутъ изъ земли и поставленъ среди церкви для поклоненія.

Послѣ признанія Кунцевича блаженнымъ, тѣло его находилось въ Софійскомъ соборѣ до 1705 года; въ этомъ же году оно перевезено было въ г. Бѣлу (Сѣдлецкой губерніи) и положено въ замковомъ костелѣ, подъ поломъ: его скрывали отъ Петра I, бывшаго въ это время въ Польшѣ.

Въ г. Бѣлѣ тѣло Кунцевича лежало скрытымъ до 1762 г., а затѣмъ настоятель замковаго костела, ксендъ Андрей Лодзѣевскій, тайно вытащилъ его; но оно, по словамъ одного древняго документа, было мокро, покрыто плѣсенью и гнилью, такъ что Лодзѣевскій долженъ былъ употребить болѣе мѣсяца на очистку, просушку и вообще приведеніе въ надлежащій видъ смертныхъ останковъ Кунцевича. Послѣ этого Лодзѣевскій выставилъ тѣло Кунцевича въ главной уніатской церкви г. Бѣлы для всеобщаго поклоненія. Но такъ какъ многіе считали, что это не настоящее тѣло Кунцевича, а подложное, то тогдашній уніатскій митрополитъ Рыло вынужденъ былъ издать въ Бѣлѣ завѣрительную грамоту о томъ, что тѣло, лежащее въ Уніатской церкви, есть святыя мощи Іосафата. Повѣрилъ ли этому завѣренію народъ, не знаемъ, знаемъ только то, что въ 1780 году, по приказанію папы, сдѣлана была ревизія смертныхъ останковъ Кунцевича. Ревизія совершена была при участіи медика Іосифа-Антонія де-Карреса, причемъ присутствовали базиліанскіе монахи и князь Радзивиллъ. Де-Карресъ производилъ осмотръ тѣла не по правиламъ медицинской науки, а по данной ему узкой программѣ, а потому и актъ осмотра крайне неполонъ; изъ него нельзя опредѣлить, точно ли это тѣло Кунцевича или другого какого-нибудь лица. Скорѣе нужно предположить, что тѣло подложное, потому что въ актѣ ни слова не сказано о насильственныхъ поврежденіяхъ, о ранахъ, нанесенныхъ этому фанатику убійцами. Вотъ содержаніе этого акта: „Я, какъ христіанинъ—медикъ“, пишетъ де-Карресъ, „излагаю то, чего не достаетъ въ организмѣ священныхъ реликвій мученика Іосафата: а) на правой рукѣ нѣтъ кожи, мягкихъ частей или му-

безъ результата: къ концу первой половины XVII ст. большая часть самыхъ знатныхъ православно-русскихъ

скуловъ; на кисти же этой руки не достаетъ перстневого пальца; б) на лѣвой рукѣ нѣтъ локтевой и лучевой костей, а также и всей ручной кисти; в) позвонковъ грудныхъ и поясничныхъ, а также всѣхъ реберъ нѣтъ; г) икреныхъ мышцъ вмѣстѣ съ общими покровами нѣтъ; д) подпяточной кости вмѣстѣ съ костями пятки, плюсны съ фалангами пальцевъ на обѣихъ ногахъ нѣтъ. Само собой разумѣется, что тамъ, гдѣ нѣтъ костлей, не достаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ кожи, мягкихъ частей или мускуловъ, нервовъ, сухожилій и связокъ".

Не смотря на то, что ревизія эта рѣшительно не доказала, что тѣло, выставленное для всеобщаго чествованія ксендзомъ Лодзѣевскимъ, есть подлинное тѣло Кунцевича, уніаты и католики послѣ этого осмотра все-таки торжественно провозгласили, что это подлинныя и святыя мощи полоцкаго уніатскаго архіепископа, убитаго въ 1623 году, 12 ноября, русскими. Вслѣдъ затѣмъ, они окружили гробъ Кунцевича богатою обстановкою и начали совершать ежедневныя богослуженія въ честь этого лжемученика. Но особенно усердны были молитвы у гроба этого фанатика (если только тамъ лежало тѣло Кунцевича, скорѣе всего что нѣтъ) не уніатовъ собственно, а католиковъ, въ 1861, 1862 и 1863 гг., т. е. во-второй польскій мятежъ.

Въ 1870 году г. Бѣлу посѣтилъ русскій врачъ г. Сикорскій, который заходилъ въ ту уніатскую церковь, гдѣ лежали реликвіи Кунцевица, и описалъ ихъ. (См. Ж. М. Н. П. за 1870 годъ, мѣсяцъ декабрь). Описаніе г. Сикорскаго мы приводимъ въ подлинникѣ: „Посѣтивъ г. Бѣлу въ качествѣ туриста, я не преминулъ зайти въ церковь, гдѣ находится тѣло Іосафата Кунцевича. Оно лежало на видномъ мѣстѣ, въ гробѣ, который снабженъ тремя окошечками. Благочестивые посѣтители церкви поднимаются по ступенькамъ, засматриваютъ въ окошечки гроба и прикладываются къ стеклу окошекъ. Я послѣдовалъ примѣру другихъ и опишу здѣсь картину, которую видѣлъ. Если смотрѣть въ окошко, расположенное въ передней части гроба, то виденъ цѣлый трупъ, одѣтый въ священное облаченіе. Прежде всего представляются ноги, обутыя въ сапоги съ кожанными подошвами. Одинъ изъ сапоговъ представляетъ на тыльной поверхности глубокую впадину, какъ будто бы въ немъ нѣтъ ноги. На груди лежитъ рука, кисть руки обнажена, кожа на ней черная съ весьма крупными складками, что свидѣтельствуетъ объ исчезаніи жидкихъ частей и высыханіи. На рукѣ не достаетъ большого пальца и мизинца. На голову надѣта митра. Лицо чистое, глаза запавшіе; волосъ нѣтъ ни на бородѣ,

бояръ перешла или въ католичество, или въ унію. Такъ, между прочимъ, перешли въ католичество: Тышкевичи, Сапѣги, Пацы, Вишневецкіе, Корсаки, Пузыны, Сангушки, Горскіе и др.

Но какъ ни старалось польское правительство обратить православныхъ въ унію, какихъ не предпринимало мѣръ къ искорененію православія въ Рѣчи Посполитой, но не достигло желанной цѣли: громадное большинство русскаго народа осталось вѣрно религіи своихъ отцовъ, не измѣнило православію. Это произошло вслѣдствіе возстанія казаковъ: явясь защитниками православія и русской народности, они начали упорную борьбу съ поляками и своими побѣдами надъ ними спасли въ Рѣчи Посполитой и православіе, и русскую народность.

Возстаніе казаковъ на защиту православія и русской народности въ Рѣчи Посполитой. Когда объявлена была въ Рѣчи Посполитой унія и началось преслѣдованіе пра-

---

ни на губахъ, ни на боковыхъ частяхъ лица. Животъ впавшій. Окошечки въ гробѣ расположены такъ, что одно изъ нихъ находится въ передней части гроба, и въ него хорошо видны ноги, руки, грудь и даже лицо реликвій. Другое окошечко расположено сбоку, такъ что въ него видна кисть правой руки. Третье окошечко находится у изголовья, но оно закрыто митрой, и черезъ него нельзя ничего видѣть. Каждое изъ окошечекъ величиною около 1/4 квадр. фута".

Описаніе г. Сикорскаго замѣчательно особенно въ томъ отношеніи, что оно рѣшительно несходно съ описаніемъ, сдѣланнымъ въ прошломъ столѣтіи де-Карресомъ, а это наводитъ на мысль о подложности тѣла Кунцевича.

Въ настоящее время въ Бѣлѣ уже не показываютъ болѣе и тѣхъ реликвій, которыя видѣлъ Сикорскій: въ 1874 году, по распоряженію правительства, онѣ зарыты въ землю.

Примѣчаніе. Въ 1865 году между русскимъ правительствомъ и папою Піемъ IX произошелъ дипломатическій разрывъ по поводу польскихъ дѣлъ, и Пій IX, желая такъ сказать насолить русскимъ, канонизировалъ Кунцевича, т. е. объявилъ его святымъ.

вославныхъ, то первымъ возсталъ на защиту русскихъ и ихъ религіи казацкій гетманъ Наливайко. Онъ собралъ 30,000 войска, распустилъ знамя, на которомъ написано было „миръ православію, а на зачинщиковъ Богъ“, и сталъ съ яростію нападать на польскихъ помѣщиковъ, опустошать ихъ имѣнія и истреблять жидовъ. Польское правительство страшно перепугалось; оно немедленно стало готовиться къ борьбѣ; собравъ 40 тысячное войско, отправило его подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго противъ Наливайки. Близъ мѣстечка Бѣлая Церковь, въ 70 верстахъ отъ Кіева, произошла кровопролитная битва, продолжавшаяся 7 часовъ. Жолкевскій былъ разбитъ на голову. Послѣ этого Наливайко еще съ большимъ ожесточеніемъ сталъ нападать на польскихъ пановъ, разорять ихъ имѣнія и истреблять жидовъ. Тогда польское правительство задумало поймать Наливайку хитростію, и хитрость дѣйствительно удалась, именно: казакамъ предложенъ былъ миръ, дано было слово уничтожить унію и прекратить преслѣдованіе православныхъ. Наливайко принялъ предложеніе и отправился по этому поводу въ Варшаву, но тамъ его арестовали и подвергли мучительной казни: живого изжарили въ мѣдномъ быкѣ [1]).

---

[1]) Объ этомъ событіи въ одной лѣтописи передается такъ: „Для казни Наливайки сдѣлали огромнаго мѣднаго быка съ такого рода механизмомъ, что если живой человѣкъ влѣзетъ въ средину его (внутри быкъ былъ пустой) и закричитъ, то крикъ этотъ будетъ вылетаетъ чрезъ его пасть страшнымъ бычачьимъ ревомъ. Въ назначенный день для казни привели Наливайку, всадили его въ этого быка и зажгли подъ нимъ дрова. Но Наливайко зналъ это, „а потому, прибавляетъ лѣтопись, онъ сгорѣлъ внутри быка не произнесши ни одного слова и не издавши ни одного стона и такимъ образомъ не сдѣлавши потѣхи безбожнымъ панамъ—ляхамъ, какъ того они хотѣли“.

По смерти Наливайки замѣчательнымъ борцомъ за православную вѣру и русскую народность явился гетманъ Петръ Конасевичъ-Сагайдачный. Онъ избранъ былъ въ гетманы сначала запорожцами, а потомъ и малороссійскими казаками. Сагайдачный отличался высокою образованностью (окончилъ курсъ въ кіевской академіи) и былъ самымъ счастливымъ борцомъ за православіе и русскій народъ въ Рѣчи Посполитой. Своими побѣдами надъ поляками онъ заставилъ Сигизмунда III и пановъ дать торжественную клятву, во-первыхъ, не преслѣдовать православныхъ; во-вторыхъ, возвратить православнымъ отнятыя у нихъ церкви и имѣнія, и въ третьихъ, самое главное, возстановить въ Рѣчи Посполитой православную іерархію, т. е. король и польскіе паны согласились, чтобы въ Рѣчи Посполитой вмѣсто православныхъ епископовъ, принявшихъ унію, посвящены были для русской церкви другіе. Въ это время вмѣсто Михаила Рогозы, измѣнившаго православію, на кіевскую митрополію былъ избранъ Іовъ Борецкій, человѣкъ глубокой учености и великаго ума.

Смерть Сагайдачнаго, послѣдовавшая въ 1623 году, развязала полякамъ руки: они снова стали преслѣдовать православныхъ и отнимать у нихъ имѣнія. Вслѣдствіе этого опять началась борьба казаковъ съ Польшею. Казаки избрали своимъ гетманомъ сначала нѣкоего Жаймолу, а потомъ, когда тотъ былъ разбитъ поляками, Тараса Трясилу.

Трясило, подобно Сагайдачному, былъ человѣкъ умный, честный, въ высшей степени храбрый, а главное глубоко преданный православію и русской народности.

Получивши гетманское достоинство, Тарасъ Трясило разослалъ граматы по всей Малороссіи и западно-рус-

скимъ областямъ съ воззваніемъ на защиту православія и русской народности отъ поляковъ и уніатовъ Польское правительство, узнавши объ этомъ, собрало 60 т. войско и подъ начальстомъ Конецпольскаго отправило его противъ Тараса Трясилы. 7 іюня 1630 г. около г. Переяславля между Трясилою и Конецпольскимъ произошла кровопролитная битва; Конецпольскій былъ разбитъ на голову и бѣжалъ; 40,000 польскихъ труповъ покрыли поле битвы. Послѣ этой битвы Трясило началъ очищать западно-русскія области отъ поляковъ и жидовъ. И страшенъ онъ былъ въ это время для тѣхъ и другихъ! Одно имя Тараса приводило въ ужасъ поляковъ и жидовъ и заставляло ихъ блѣднѣть и трястись какъ въ лихорадкѣ. Конецъ этой борьбы хорошо неизвѣстенъ Извѣстно только, что Трясило какимъ то чудомъ попалъ въ Варшаву [1]) и тамъ былъ живымъ сожженъ на деревѣ. Одно преданіе говоритъ, что Тарасъ Трясило, испуская духъ въ страшныхъ мученіяхъ, крикнулъ полякамъ съ дерева: „Помните, ляхи безбожные, что нѣтъ той силы, которая бы побѣдила казаковъ!"

Казнь любимаго гетмана еще сильнѣе ожесточила казаковъ, они рѣшились мстить полякамъ, не щадя своей жизни. Но въ это время умеръ Сигизмундъ III, ярый врагъ православія и русской народности; на польскій престолъ долженъ былъ вступить сынъ его Владиславъ IV, поэтому казаки, отложивъ свое мщеніе, положили сначала отправить къ новому королю

---

[1]) Есть извѣстіе, что Трясило попалъ въ Варшаву по приглашенію польскаго правительства, для заключенія мира, причемъ дало торжественную клятву въ томъ, что ему не грозитъ никакая опасность и обмануло: лишь только онъ явился въ Варшаву, какъ былъ схваченъ и казненъ.

депутацію, съ просьбою прекратить преслѣдованіе православныхъ.

Кромѣ казаковъ, защитниками православія и русской народности въ Рѣчи Посполитой явились многіе ученые. Къ числу такихъ лицъ, между прочимъ, принадлежатъ Милетій Смотрицкій и кіевскій митрополитъ Петръ Могила.

Милетій Смотрицкій, полоцкій православный епископъ, отличался глубокою ученостью. Онъ извѣстенъ своимъ знаменитымъ сочиненіемъ „Ѳриносъ“ или „Плачъ Вселенской Православной церкви“, которое было направлено противъ уніатовъ и католиковъ. Въ этомъ сочиненіи Смотрицкій прежде всего описываетъ бѣдственное положеніе Православной церкви въ Рѣчи Посполитой; потомъ указываетъ на заблужденія Римской церкви, именно: на признаніе ею, а) главенства папы, б) исхожденіе Св. Духа отъ Сына, в) совершеніе таинства евхаристіи на опрѣснокахъ, г) причащеніе мірянъ (просто народа) однимъ тѣломъ, д) чистилища, и въ то же время оправдываетъ и защищаетъ ученіе Православной церкви; далѣе Смотрицкій, на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, изображаетъ страшную и безобразную картину крайняго упадка вѣры и благочестія въ самой столицѣ папской — Римѣ; въ заключеніе же онъ приглашаетъ всѣхъ отпавшихъ отъ православія снова вернуться къ своей матери — Восточной церкви. Появленіе этого сочиненія произвело переполохъ между уніатами и католиками; они говорили, что каждое слово въ „Плачѣ“ Смотрицкаго есть жестокая рана и смертельный ядъ для уніи и папства. И дѣйствительно, благодаря этому сочиненію,

тысячи православныхъ удержались въ своей вѣрѣ и мужественно перенесли гоненіе отъ католиковъ.

Митрополитъ Петръ Могила, подобно Смотрицкому, извѣстенъ своимъ умомъ и глубокою ученостію. Онъ избранъ былъ въ кіевскіе митрополиты въ 1633 году. По занятіи митрополичьей каѳедры Петръ Могила прежде всего приступилъ къ возобновленію разрушенныхъ поляками и уніатами православныхъ храмовъ въ Кіевѣ и др. городахъ, а затѣмъ занялся изданіемъ ученыхъ сочиненій противъ католиковъ и уніатовъ и устройствомъ школъ. Изъ его школъ особенно замѣчательна кіевская, которая носила названіе „школы Богоявленскаго братства", потомъ „Могилянской академіи". Эта школа или академія устроена была по образцу западно-европейскихъ университетовъ; въ ней преподавались всѣ тѣ науки, которыя преподавались въ западныхъ университетахъ, за исключеніемъ медицины. Отсюда впослѣдствіи вышло много ученыхъ и борцовъ за православіе и русскую народность, таковы, между прочимъ: Іоанникій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Голятовскій и др. Академія эта до настоящаго времени существуетъ въ Кіевѣ.

Сигизмундъ III, занимаясь преслѣдованіемъ православія внутри своего государства, не прославился ничѣмъ внѣ его. Внѣ своего государства онъ извѣстенъ только тѣмъ, что вмѣстѣ съ іезуитами и римскимъ папою посадилъ на русскій престолъ самозванца, съ тѣмъ, чтобы посредствомъ его обратить русскихъ въ католичество и подчинить ихъ своей власти. Но мечты эти не сбылись: когда русскій народъ догадался въ чемъ дѣло, самозванецъ былъ убитъ и на престолъ былъ возведенъ любимецъ народа Михаилъ Ѳедоровичъ

Романовъ, потомки котораго и до сего времени со славою и честiю управляютъ Россiей.

Сигизмундъ III умеръ въ Варшавѣ, 30-го октября 1632 года.

Владиславъ IV.

1639—1648 г.

Владиславъ IV былъ сынъ и преемникъ Сигизмунда III; онъ отличался умомъ, добротою, честностiю и не былъ такимъ фанатикомъ, какимъ былъ отецъ его. Много хорошаго онъ сдѣлалъ бы для Польши, если бы польскiе паны не обижали его на своихъ сеймахъ и не стѣсняли свободы его дѣйствiй. Благодаря безразсудству польскихъ пановъ, которые, подобно Сигизмунду III, хотѣли уничтожить православiе, почти все царствованiе Владислава IV прошло въ междоусобной опустошительной борьбѣ съ казаками. Дѣло вотъ въ чемъ: когда въ 1632 году собрался въ Варшавѣ сеймъ для утвержденiя Владислава IV на отцовскомъ престолѣ, то сюда явились и казаки, съ просьбою, чтобы поляки прекратили преслѣдованiе православныхъ, не лишали ихъ мѣстъ, не отнимали у нихъ церквей и не передавали бы ихъ унiатамъ и жидамъ въ аренду; но во всемъ этомъ имъ отказали, причемъ еще пригрозили наказанiемъ, если они осмѣлятся въ другой разъ явиться на сеймъ. Тогда казаки снова возстали и потому опять началась борьба съ поляками на жизнь и смерть.

Первое возстанiе при Владиславѣ IV казаки подняли подъ начальствомъ гетмана Сулиши, но были разбиты, причемъ самъ Сулиша попался въ плѣнъ и его въ Варшавѣ четвертовали. Послѣ Сулиши для борьбы съ поляками казаки избрали Павлюка, но та-же

участь постигла и Павлюка. Правда, въ открытомъ бою поляки не одолѣли его, за то, какъ Наливайку, доконали хитростію: они обманомъ взяли его въ плѣнъ и отвезли въ Варшаву и тамъ отрубили голову.

Страшная злоба кипѣла въ душѣ казаковъ противъ польскихъ пановъ; она еще больше усилилась послѣ казни Сулиша и Павлюка. Въ 1632 году казаки произвели новое возстаніе, избравъ своимъ гетманомъ Остраницу, а помощникомъ его Гуню.

Остраница показалъ себя отличнымъ полководцемъ: онъ въ двухъ кровопролитныхъ битвахъ разбилъ поляковъ на голову. Первую битву Остраница одержалъ на р. Галтвѣ, недалеко отъ Переяславля (Кіевской губерніи), а вторую—на р. Сторицѣ. Но побѣды эти не принесли пользы Остраницѣ: онъ тоже вѣроломнымъ образомъ скоро былъ схваченъ поляками и казненъ въ Варшавѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: Потерявъ вторую битву, поляки вмѣстѣ съ своимъ полководцемъ Лянкоронскимъ бѣжали въ мѣстечко Полонное (тоже Кіевской губерніи), и тамъ скрылся, но тутъ окружены были казаками. Не видя никакого спасенія, Лянкоронскій выслалъ изъ мѣстечка къ Остраницѣ православную духовную процессію съ иконами, хоругвями и крестами, и, чрезъ русское духовенство, предлагалъ казакамъ миръ, причемъ обѣщался уговорить короля и сеймъ исполнитъ всѣ требованія казаковъ. Остраница согласился. Мирный договоръ подписанъ былъ въ одной изъ православныхъ церквей м. Полоннаго, при этомъ Лянкоронскій и его свита поклялись надъ крестомъ и св. евангеліемъ, что будутъ свято и ненарушимо хранить этотъ миръ. Послѣ заключенія мира Остраница распустилъ казаковъ по домамъ на отдыхъ, а самъ съ войсковыми старшинами и полков-

никами отправился въ г. Каневъ помолиться въ тамошнемъ монастырѣ за благополучный исходъ предпринятаго имъ дѣла (возстанія). Когда казаки спокойно молились Богу въ каневскомъ монастырѣ, вдругъ на нихъ напали поляки и всѣхъ до одного, въ числѣ 37 человѣкъ, схватили, заковали въ желѣзо и отправили въ Варшаву, монастырь же сожгли. Въ Варшавѣ всѣмъ захваченнымъ казакамъ были отрублены головы, за исключеніемъ Остраницы, котораго колесовали.

По смерти Остраницы Украйна, населенная домовитыми казаками, подверглась страшному опустошенію отъ поляковъ, а жители ея — мучительнымъ истязаніямъ. По свидѣтельству лѣтописей, цѣлыя тысячи русскихъ людей были посажены на колъ польскимъ гетманомъ Потоцкимъ; дѣтей ихъ варили въ котлахъ и т. п. Вотъ подлинныя слова одной лѣтописи объ этихъ мумученіяхъ: „и мучительство фараоновъ ничего не значитъ противъ ляшскихъ мученій, ляхи дѣтей варили въ котлахъ, женщинамъ сосцы раздавливали деревомъ и творили иныя неисповѣдимыя мучительства [1]).

Въ такомъ тяжеломъ положеніи казаки пробыли 10-ть лѣтъ, пока ихъ не избавилъ гетманъ Богданъ Хмельницкій.

Богданъ Хмельницкій.

Зиновій-Богданъ Хмельницкій родомъ былъ малороссійскій казакъ. На югѣ нынѣшней Кіевской губерніи онъ имѣлъ небольшой хуторъ (имѣніе) Субботово. Сначала онъ былъ друженъ съ поляками и не разъ вмѣстѣ съ ними ходилъ воевать противъ русскихъ за

[1]) Въ настоящее время справедливость этого вполнѣ доказана (См. сочиненіе Костомарова „Богданъ Хмельницкій“).

Польшу, какъ за свое отечество. Но потомъ онъ возненавидѣлъ поляковъ и началъ съ ними страшную борьбу, которая сильно потрясла и ослабила Рѣчь Посполитую. Ненависть Хмельницкаго къ полякамъ, послужившая поводомъ къ борьбѣ съ ними, зародилась въ немъ по слѣдующему случаю: въ 1646 году имѣніе его Субботово было захвачено насильственнымъ образомъ однимъ польскимъ паномъ, по фамиліи Чаплинскимъ, причемъ захвачена была его жена и засѣченъ сынъ [1]). Хмельницкій подалъ жалобу въ судъ, но ничего не выигралъ, да и трудно было выиграть: въ Польшѣ всѣ судьи были католики, которые враждебно относились къ православнымъ и по большей части дѣла рѣшали не въ ихъ пользу. Послѣ этого суда Хмельницкій обратился съ жалобою къ королю Владиславу IV, но король сказалъ Хмельницкому: „Я самъ ничего не могу подѣлать съ своими панами, у васъ есть сабли, такъ вы и раздѣлайтесь съ ними своими саблями“ [2]).

---

[1]) Подобныя явленія въ Польшѣ происходили сплошь и рядомъ. Изъ сочиненій, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ, а также изъ дошедшихъ до насъ документовъ этого времени видно, что въ Польшѣ, вслѣдствіе слабости и безсилія правительственной власти (король тамъ не имѣлъ никакого значенія, паны его въ грошъ не ставили), знатные вельможи, набравъ сильные отряды изъ своей прислуги и крѣпостныхъ людей, нападали на слабыхъ и менѣе знатнымъ дворянъ, захватывали ихъ имѣнія и грабили движимое имущество, причемъ нерѣдко убивали самихъ хозяевъ. Нападенія одного пана на другого носили въ Польшѣ даже особыя названія, они назывались „наѣздами“. Чаще всего паны Рѣчи Посполитой совершали свои наѣзды на имѣнія православныхъ, на православныя церкви и православные монастыри.

[2]) Владиславъ IV страшно не любилъ своихъ пановъ за ихъ незаконныя дѣйствія; онъ для блага Польши хотѣлъ смирить ихъ, отнять у нихъ силу, но у него на это войска не было. Разъ онъ думалъ на свои деньги нанять войско, чтобы смирить пановъ, но паны догадались въ чемъ дѣло и не позволили нанять.

Тогда Хмельницкій дѣйствительно рѣшился раздѣлаться съ поляками саблями и съ этою цѣлію бѣжалъ въ Запорожье, гдѣ собралъ 15 тысячъ войска, съ которымъ выступилъ противъ поляковъ. Первая битва произошла при р. Желтыя-воды, а вторая при г. Корсунѣ. Въ обѣихъ битвахъ поляки были разбиты на голову, причемъ и оба ихъ полководца — Потоцкій и Калиновскій - были взяты въ плѣнъ.

Эти двѣ побѣды имѣли огромное значеніе для Хмельницкаго: лишь только стало извѣстно о пораженіи поляковъ, какъ весь русскій народъ Рѣчи Посполитой поднялся на защиту своей религіи и своей національности. Крестьяне убивали своихъ пановъ-католиковъ, грабили ихъ имущество, сжигали усадьбы и тысячами убѣгали къ Хмельницкому. Образовались огромныя отдѣльныя шайки казаковъ, которыя истребляли все польское и католическое: костелы, монастыри, дома и т. д. Будучи больше всего ожесточены противъ католическаго духовенства, казаки и русскіе холопы предавали ксендзовъ и католическихъ монаховъ всевозможнымъ мученіямъ: ихъ топили, вѣшали, обливали кипяткомъ, четвертовали, зарывали живыми въ землю, сдирали кожу и т. п.

Въ эту бурную и страшную эпоху казацкихъ возстаній особенно досталось жидамъ. У казаковъ положено было истребить это племя окончательно. По словамъ одного современника, жидовъ въ это время погибло болѣе 100,000 человѣкъ [1]).

---

[1]) Желаніе казаковъ истребить жидовъ не было слѣдствіемъ ихъ религіознаго фанатизма: жиды заслужили ненависть казаковъ тѣмъ, что, будучи арендаторами и управителями панскихъ имѣній, злоупотребляли своею властію, тиранили русскій народъ, ругались надъ православною вѣрою и ея обрядами и т. п.

Какъ только началось казацкое возстаніе, всѣ польскіе паны обезумѣли отъ страха и потеряли голову. Къ довершенію ихъ несчастія умеръ король Владиславъ IV въ м. Меречѣ, Виленской губерніи.

Послѣ смерти Владислава IV, польскіе паны, не приступая къ избранію короля, положили сначала усмирить Хмельницкаго; съ этою цѣлію они собрали войско тысячъ въ 40 и поручили его тремъ полководцамъ: Заславскому, Конецпольскому и Остророгу. Войско это отличалось роскошнымъ убранствомъ; по словамъ современниковъ, каждый панъ везъ съ собою огромную массу съѣстныхъ припасовъ и посуды. Войско постоянно останавливалось, а о нападеніи на Хмельницкаго и не думало. Но Хмельницкій самъ на него напалъ, произошла битва, во время которой на поляковъ напалъ такой страхъ, что они побросали оружіе и обратились въ постыдное бѣгство. Очевидецъ говоритъ, что бѣгство польскихъ пановъ послѣ этой битвы было такъ поспѣшно, что они „не имѣли возможности остановиться, чтобы отереть потъ съ лица и приложить платокъ къ бьющемуся сердцу". Паны бѣжали въ г. Львовъ и по словамъ того же очевидца они прибыли туда на третій день, тогда какъ въ спокойное и безопасное время польскій панъ ѣхалъ бы въ этотъ городъ цѣлыхъ полгода. Хмельницкому досталось около 100,000 возовъ, нагруженныхъ провизіею и разнаго рода драгоцѣнностями. Послѣ этого Хмельницкій обложилъ г. Львовъ и взялъ съ него 200 тысячъ злотыхъ выкупа.

Послѣднее пораженіе такъ напугало поляковъ, что они поспѣшили избрать себѣ короля, именно Яна-Ка-

зимира, и поручили ему продолжать борьбу съ Хмельницкимъ.

Янъ - Казимиръ.

1648—1662 г.

По вступленіи на польскій престолъ Янъ-Казимиръ немедленно собралъ 40 тысячное войско и двинулся съ нимъ противъ Хмельницкаго. Битва произошла подъ Зборовомъ (мѣстечко въ Галиціи). Янъ-Казимиръ былъ разбитъ и бѣжалъ. Послѣ этого польскій король предложилъ Хмельницкому миръ, и тотъ принялъ его. По этому миру поляки согласились: а) возвратить казакамъ всѣ права и привиллегіи, б) изгнать изъ Малороссіи всѣхъ жидовъ и іезуитовъ, в) уничтожить унію, г) дозволить русскому митрополиту засѣдать въ польскомъ сенатѣ.

Но Зборовскій миръ продолжался недолго, первые нарушили его поляки: они не захотѣли допустить, чтобы русскій митрополитъ присутствовалъ въ польскомъ сенатѣ и засѣдалъ вмѣстѣ съ католическими епископами. Опять началась борьба казаковъ съ поляками, но на этотъ разъ она была неблагопріятна для Хмельницкаго. Разбитый поляками, вслѣдствіе измѣны татаръ, Хмельницкій обратился къ московскому царю Алексѣю Михайловичу съ просьбою принять всю Малороссію (по обѣимъ сторонамъ Днѣпра) въ свое подданство. Московскій царь согласился: въ 1654 году объявлено было присоединеніе Малороссіи къ Россіи, съ предоставленіемъ казакамъ большихъ правъ и привиллегій.

Но поляки не могли добровольно отказаться отъ Малороссіи и объявили войну московскому царю.

Для борьбы съ русскими поляки организовали двѣ арміи; одну изъ этихъ армій, подъ начальствомъ Радзивилла, они двинули въ Бѣлоруссію, куда вступилъ съ своимъ войскомъ самъ русскій царь, а другую, подъ начальствомъ Чарнецкаго и Лянкоронскаго, отправили въ Подоліе (нынѣ губерніи Подольская и Волынская) для усмиренія православнаго населенія, которое, узнавъ о принятіи Алексѣемъ Михайловичемъ Малороссіи въ свое подданство, на радостяхъ подняли возстаніе и начали безпощадно истреблять польскихъ пановъ, жидовъ и уніатовъ.

Чарнецкій и Лянскронскій вступили въ Подоліе въ началѣ лѣта и произвели тамъ страшную рѣзню: они не щадили ни пола, ни возраста; убивали и рѣзали дѣтей и стариковъ, мужчинъ и женщинъ, здоровыхъ и больныхъ [1]).

Между тѣмъ какъ поляки производили рѣзню въ Подоліи, Алексѣй Михайловичъ, поразивши на голову подъ Оршею Радзивилла, завоевалъ всю Бѣлоруссію, Литву и занялъ Вильну. Въ то же время Богданъ Хмельницкій продолжалъ громить Польшу съ юга. По-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, поступлено было въ г. Немировѣ и въ мѣстечкѣ Мушировкѣ; въ послѣднемъ поляки въ первый день Пасхи зарѣзали 5000 человѣкъ. Но больше всѣхъ пострадало въ Подоліи отъ польской мести мѣстечко Буша. Мѣстечко это находилось на высокой горѣ и обнесено было крѣпкою стѣною; сюда, спасаясь отъ поляковъ, столпилось болѣе 12,000 человѣкъ русскихъ. Осенью 1655 г. Чарнецкій и Лянкоронскій осадили это мѣстечко. Сначала польскіе военачальники начали было убѣждать русскихъ, чтобы они отворили ворота и сдались добровольно, но когда получили отказъ, отвели воду изъ пруда и затѣмъ, благодаря одному слабо-защищенному мѣсту въ стѣнѣ, ворвались внутрь мѣстечка и стали истреблять всѣхъ безъ разбора—и старыхъ, и малыхъ, и больныхъ, и здоровыхъ. Русскіе, видя, что уже ничего не могутъ сдѣлать въ свою защиту, сами

лякамъ приходилось плохо. Но къ счастію ихъ Хмельницкій, главный врагъ ихъ, скоро умеръ, а самъ Алексѣй Михайловичъ принужденъ былъ вступить въ борьбу съ шведами. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, поляки оправились и стали мало-по-малу возвращать города, завоеванные русскими въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Такъ, между прочимъ, поляки возвратили Могилевъ, Гродну и напали на Вильну, гдѣ въ это время находился русскій отрядъ подъ начальствомъ стольника Мышецкаго, человѣка въ высшей степени честнаго, храбраго и глубокопреданнаго православію и своему государю. Нападеніе на Вильну произведено было литовскимъ гетманомъ Пацемъ въ 1661 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, на страстной недѣлѣ. Когда поляки ворвались въ городъ, то на улицахъ Вильны ихъ встрѣтилъ Мышецкій и началъ съ ними убійственную рѣзню. Болѣе 10 часовъ продолжалась эта рѣзня, пока Мышецкій, подавленный численнымъ превосходствомъ поляковъ, не удалился на Замковую гору и не засѣлъ тамъ въ нижнемъ и верхнемъ замкѣ.

Восемь мѣсяцевъ Мышецкій держался въ виленскихъ замкахъ, мужественно отражая приступы поляковъ. Но

зажгли свои дома и начали убивать другъ друга. Женщины кидали въ колодцы своихъ дѣтей и сами бросались за ними. Жена убитаго сотника Завистнаго сѣла на бочку пороха съ словами: „не хочу послѣ милаго мужа сдѣлаться игрушкою польскимъ жолнерамъ“, и взлетѣла на воздухъ. Семьдесятъ женщинъ укрылись съ ружьями недалеко отъ мѣстечка въ пещерѣ, закрытой густымъ терновникомъ. Польскій полковникъ Целарій, открывшій это убѣжище, обѣщалъ имъ жизнь и цѣлость имущества, если онѣ выйдутъ изъ пещеры, но женщины отвѣтили на это выстрѣлами. Целарій велѣлъ отвести воду отъ ближайшаго источника въ пещеру,—всѣ потонули, но ни одна не сдалась. Разоривъ Бушу, поляки напали на м. Демовку и избили здѣсь 15,000 человѣкъ.

ясно было, что, несмотря на свою необыкновенную энергію, Мышецкій не въ состояніи будетъ долго продержаться, такъ какъ у него осталось всего восемьдесятъ человѣкъ войска. Тѣмъ не менѣе, на требованіе поляковъ сдаться, онъ отвѣчалъ, что скорѣе умретъ голодною смертію, чѣмъ это сдѣлаетъ. Тогда король, прибывшій въ это время въ Вильну, приказалъ сдѣлать самый энергичный приступъ и во что бы то ни стало взять Мышецкаго живымъ или мертвымъ. Узналъ объ этомъ Мышецкій; немедленно распорядился вкатить въ свою комнату 10-ть бочекъ пороху для того, чтобы моментально взорвать на воздухъ себя и своихъ товарищей по защитѣ, если поляки овладѣютъ замками. Но Мышецкому не пришлось привести въ исполненіе своего намѣренія: нашлись измѣнники, которые прельстились обѣщанною поляками наградой, тайно отъ своихъ отворили ворота замковъ, впустили поляковъ и вмѣстѣ съ ними арестовали весь отрядъ, причемъ самого Мышецкаго связали по рукамъ и ногамъ и въ такомъ видѣ отнесли къ Яну-Казимиру. Одна изъ русскихъ лѣтописей сохранила имена измѣнниковъ, выдавшихъ врагамъ Мышецкаго—это были: Ивашка Чемахъ, Антошка Поваръ и Сенька подъячій.

Мышецкаго принесли въ тотъ домъ, который занималъ король, и помѣстили въ одной изъ комнатъ. Король послалъ къ нему гетмана Паца спросить, какого милосердія онъ желаетъ отъ короля. „Никакого", отвѣчалъ герой. „Тебя казнятъ", сказали ему. „За что? ужели за то, что я свято исполнялъ свой долгъ, защищая честь своего государя? Да я въ этомъ клялся животворящимъ крестомъ", отвѣчалъ Мышецкій. Мышецкаго предали суду, который приговорилъ его къ смертной казни. Это было 28 ноября 1661 года. Іезуиты упро-

сили отложить казнь на два дня, надѣясь за это время склонить Мышецкаго къ принятію католичества; но, несмотря на всѣ увѣщанія и даже пытки, Мышецкій остался вѣренъ православію. 30-го ноября подъ сильнымъ конвоемъ Мышецкій приведенъ былъ на площадь (гдѣ нынѣ находится театръ въ Вильнѣ) и поставленъ на эшафотѣ. Передъ казнію онъ попросилъ у палача позволенія помолиться. Получивъ разрѣшеніе, Мышецкій обратился лицомъ по направленію къ Св.-Духовскому монастырю, помолился на церковь, затѣмъ поклонился на всѣ четыре стороны и сдѣлалъ три земныхъ поклона по направленію къ тому дому, гдѣ жилъ Янъ-Казимиръ. Когда же ему замѣтили, что теперь короля нѣтъ въ домѣ, то онъ отвѣтилъ: „Это все равно: лишь бы Богъ видѣлъ, что я прощаю короля и прощаюсь съ нимъ заочно". Собственный поваръ Мышецкаго, перешедшій къ полякамъ и принявшій католичество, отрубилъ ему голову. Въ тотъ же день пришли монахи Св.-Духовскаго монастыря, взяли тѣло русскаго героя и похоронили въ монастырѣ.

Послѣ взятія Вильны поляки предложили Алексѣю Михайловичу миръ. Начались переговоры, тянулись они долго и кончились въ 1667 году, Андрусовскимъ миромъ (дер. Андрусово—въ Красненскомъ уѣздѣ, Смоленской губ.). По этому миру русскіе получили всю Малороссію по лѣвую сторону Днѣпра и, кромѣ того, Кіевъ—по правую.

Послѣ Андрусовскаго договора Янъ-Казимиръ оставался польскимъ королемъ не болѣе года: вслѣдствіе сильныхъ неурядицъ, своеволія пановъ, онъ въ 1668 году, 16 сентября, отказался отъ престола. Прощаясь съ сеймовыми членами, Янъ-Казимиръ сказалъ: „Дай Богъ, чтобы я не былъ пророкомъ, но говорю вамъ:

если вы не исправитесь и не измѣните вашихъ порядковъ, то Польша погибнетъ отъ иноземцевъ. Москва оторветъ у нея всѣ русскія земли и Литву до самаго Буга, Нарева и даже Вислы; Пруссія возьметъ Великую Польшу и польскую Пруссію; Австрія же, видя, что другіе дѣлятъ между собою наше добро, кинется на Краковъ и смежныя воеводства,—и каждая изъ сосѣднихъ державъ пожелаетъ лучше владѣть частію нашего государства, чѣмъ имѣть его все съ вашими безпорядками и вашими вольностями“.

Отказавшись отъ престола, Янъ-Казимиръ уѣхалъ во Францію и тамъ черезъ 4 года умеръ въ одномъ изъ монастырей [1]).

Михаилъ Вишневецкій.

1669—1673 г.

Вишневецкій человѣкъ былъ молодой, честный и благородный. Онъ не хотѣлъ быть королемъ. Говорятъ когда ему донесли, что его избрали въ короли, то онъ въ ужасѣ воскликнулъ: „Господи! да мимо идетъ меня

---

[1]) При Янѣ-Казимирѣ, въ 1652 году, вошло въ обыкновеніе срывать сеймы. До 1652 года на польскихъ сеймахъ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, хотя для формы въ протоколахъ употреблялась фраза „по единогласному рѣшенію“. Но въ этомъ году на сеймѣ въ Варшавѣ панъ Сицинскій, депутатъ Упитскаго повѣта, первый употребилъ слова „не позволямъ“ (т. е. не соглашаюсь съ рѣшеніемъ сейма) и этимъ пріостановилъ опредѣленіе сейма, или, какъ говорятъ поляки, „разорвалъ сеймъ“. Поступокъ Сицинскаго такъ понравился всѣмъ польскимъ панамъ, что съ тѣхъ поръ фраза „не позвалямъ“ все чаще и чаще стала примѣняться на практикѣ.

Говорятъ, что Сицинскій, возвращаясь домой съ сейма (дѣло было предъ Рождествомъ Христовымъ), былъ убитъ громомъ. Тѣло его почему-то не разложилось и до сего времени остается нетлѣннымъ въ Унитскомъ костелѣ (Ковенской губ.) на хорахъ.

чаша сія". Вишневецкій былъ литвинъ, а потому поляки его не любили и на каждомъ шагу дѣлали ему непріятности. Промучившись четыре года, онъ вслѣдствіе разнаго рода огорченій и оскорбленій, наносимыхъ ему польскими панами, преждевременно сошелъ въ могилу.

Янъ Собѣсскій.

1674—1696 г.

Янъ Собѣсскій былъ государь умный, храбрый и справедливый. Онъ прославился многими побѣдами надъ турками; особенно замѣчательна побѣда его надъ ними, одержанная подъ стѣнами Вѣны, столицы Австріи. Но не смотря на все это, внутри своего государства онъ былъ безсиленъ и въ Польшѣ попрежнему происходили страшные безпорядки, которые весьма гибельно отзывались на остальномъ народонаселеніи Рѣчи Посполитой. Особенно много за это время вытерпѣло православное населеніе Подольской и Волынской области. Тамъ польскіе паны и католическое духовенство, подстрекаемые іезуитами, произвели надъ православными страшныя насилія: они отбирали у нихъ имѣнія, разоряли дома, грабили имущество, причемъ самихъ заключали въ тюрьмы, томили голодомъ, наказывали желѣзными прутьями, убивали изъ ружей, сѣкли саблями и т. п.

Изъ безчисленнаго множества подобнаго рода примѣровъ мы приведемъ нѣкоторые:

I. Въ 1693 году два польскихъ дворянина Александръ Щеневскій и Александръ Шумлянскій съ своею вооруженною прислугою напали на село Андреевское, принадлежавшее православному Кирилловскому монастырю, и начали грабить. Когда же сюда явились

монастырскіе монахи и слуги и стали говорить имъ о ихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ, то Щеневскій и Шумлянскій бросились на нихъ съ ружьями и саблями, многихъ монаховъ тяжело ранили, слугъ убили и затѣмъ уѣхали домой безнаказанно.

II. Въ 1686 году польскій панъ Жабокрыцкій захватилъ на Волыни имѣніе, принадлежавшее Бѣлостоцкому православному монастырю. Къ нему потомъ явились монахи съ просьбою возвратить имъ захваченное имѣніе, но Жабокрыцкій велѣлъ въ нихъ стрѣлять и многихъ убилъ.

III. Въ мѣстечкѣ Брагинѣ польскій дворянинъ Шукста захватилъ земли, принадлежавшія церкви св. Николая. Когда настоятель этой церкви Иванъ Давыдовичъ пошелъ посмотрѣть эти земли, то тутъ на него напалъ Шукста съ уніатскимъ священникомъ Вернацкимъ, отличавшимся необыкновенною силою, повалилъ на землю, вырвалъ бороду и, сломавши нѣсколько реберъ, оставилъ едва живого.

IV. Въ селѣ Лоскахъ, недалеко отъ Овруча, жолнеры панцырной хоругви (т. е. отрядъ правительственнаго войска, солдаты) ворвались съ оружіемъ въ рукахъ въ домъ православнаго священника, схватили самого хозяина и принялись истязать; онъ вырвался, выскочилъ черезъ окно, убѣжалъ въ церковь и тутъ упалъ, но жолнеры поймали его и разсѣкли мечомъ голову, такъ что кровь обрызгала алтарь и иконы.

V. Въ 1686 году на село Ковасово, въ Овручскомъ повѣтѣ, напалъ помѣщикъ-католикъ изъ сосѣдняго имѣнія, причемъ ограбилъ дома православныхъ духовныхъ лицъ, избилъ самихъ хозяевъ и затѣмъ ворвался въ церковь. Такъ какъ день склонялся уже къ

вечеру, то панъ остался съ своими людьми ночевать въ церкви, а утромъ, ограбивъ ее, удалился [1]).

Польское правительство не могло прекратить беззаконныхъ дѣйствій своихъ пановъ и тѣмъ оградить православныхъ отъ насилій и притѣсненій: оно для этого не имѣло ни силы, ни средствъ. Правда, православные подавали жалобы въ суды (тысячи этихъ жалобъ сохранились въ архивахъ до настоящаго времени), но не было примѣра, чтобы они выиграли дѣло на судѣ; да если бы и выиграли, то не было бы возможности привести въ исполненіе судебный приговоръ. Вообще въ Польшѣ въ сіе время происходили страшные безпорядки, тамъ всякій дѣлалъ что хотѣлъ (конечно, за исключеніемъ простого народа); сами паны постоянно ссорились и дрались между собою, нападая другъ на друга. При Янѣ Собѣсскомъ произошла замѣчательная ссора между виленскимъ католическимъ

---

[1]) Эти примѣры и тысячи имъ подобныхъ описаны очевидцами и современниками въ судебныхъ актахъ тогдашняго времени. Болѣе подробное описаніе о нападеніяхъ католиковъ на православныхъ можно найти въ статьѣ ординарнаго профессора Кіевскаго университета св. Владимира Б. Антоновича: „Очеркъ состоянія Православной церкви въ Югѣ-Западной Россіи съ половины XVII ст. до половины XVIII стол.“ Статья эта помѣщена въ І-мъ томѣ монографій по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи этого профессора.

Примѣчаніе. Немало также въ сіе время разныхъ оскорбленій и преслѣдованій православные вынесли отъ студентовъ іезуитскихъ коллегій, особенно въ городахъ. Такъ напримѣръ, изъ древнихъ бумагъ извѣстно, что въ 1693 году студенты виленской іезуитской академіи напали на виленскій Св.-Духовскій монастырь и произвели тамъ страшныя безобразія: избили монаховъ, переломали въ кельяхъ мебель, кощунствовали надъ иконами и т. п. Правда, по этому поводу возникъ было судебный процессъ, но дѣло кончилось обвиненіемъ потерпѣвшихъ монаховъ Св.-Духовскаго монастыря, студенты же были оправданы.

епископомъ Бржостовскимъ и литовскимъ гетманомъ Сапѣгою. Ссора эта повела къ тому, что Бржостовскій затворилъ въ Литвѣ всѣ костелы, и народъ не могъ въ нихъ молиться, пока не вмѣшался въ это дѣло папа и не отмѣнилъ распоряженія Бржостовскаго.

Янъ Собѣсскій умеръ 17 іюня 1696 года. Говорятъ, когда умиралъ Собѣсскій, то польскіе сенаторы, подойдя къ его постели, стали просить его, чтобы онъ написалъ свою послѣднюю волю (духовное завѣщаніе), которую они охотно исполнятъ, но Собѣсскій, собравши послѣднія силы, засмѣялся иронически и сказалъ: „Развѣ могу я допустить, чтобы моя воля послѣ смерти была исполнена вами, когда вы ее не исполняли при моей жизни“. Это были послѣднія его слова.

Августъ II.

1698—1733 г.

До избранія на польскій престолъ Августъ былъ саксонскимъ курфирстомъ (т. е. княземъ). Онъ отличался умомъ, добротою и глубокою преданностію къ Польшѣ. Сдѣлавшись польскимъ королемъ, Августъ II больше всего думалъ о томъ, чтобы сдѣлать свое государство могущественнымъ. Желая расширить владѣнія Рѣчи Посполитой, онъ заключилъ союзъ съ русскимъ царемъ Петромъ I противъ шведскаго короля Карла XII: ему хотѣлось отнять у шведовъ древнюю польскую провинцію Померанію. Но паны не дали ему ни денегъ, ни войска. Вмѣсто того, чтобы соединиться съ своимъ королемъ и помочь ему, они только ссорились и дрались между собою. Особенно жестокая борьба происходила между панами въ Литвѣ; тутъ въ это время дрались между собою три знатныхъ литовскихъ фамиліи: Сапѣги, Огинскіе и Вишневецкіе. Эта

борьба подробно описана у польскихъ историковъ Бантке и Вига. Приводимъ вкратцѣ описаніе этой борьбы:

По смерти Яна Собѣсскаго литовскій гетманъ Сапѣга предоставилъ своему сыну одно изъ лучшихъ мѣстъ въ Литвѣ. Этому позавидовалъ Станиславъ Огинскій. Но можетъ быть дѣло сіе тѣмъ бы и кончилось, если бы не вмѣшался виленскій епископъ Бржостовскій, давнишній врагъ Сапѣги: онъ подбилъ Огинскаго начать борьбу съ Сапѣгою. Борьба продолжалась около двухъ лѣтъ, слѣдствіемъ ея было страшное опустошеніе Жмуди. Наконецъ, воевавшіе паны, подъ вліяніемъ короля и нѣкоторыхъ важныхъ сановниковъ Рѣчи Посполитой, задумали помириться и начали было переговоры. Но тутъ вдругъ произошло событіе, которое заставило обоихъ противниковъ прекратить переговоры и снова взяться за оружіе. Дѣло вотъ въ чемъ: однажды Сапѣга, возвращаясь домой рано утромъ съ веселой пирушки, проѣзжалъ по Ивановской улицѣ г. Вильны и встрѣтилъ на ней двухъ братьевъ Вишневецкихъ; тутъ между ними произошла ссора, потомъ драка, во время которой Вишневецкіе были ранены. Тогда Вишневецкіе, желая отомстить Сапѣгѣ, явились къ Огинскому, уговорили его прекратить переговоры и снова начать борьбу. И дѣйствительно борьба возобновилась съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ прежде. Она началась тѣмъ, что Вишневецкій и Огинскій вѣроломнымъ образомъ захватили въ плѣнъ (около мѣстечка Олькеникъ) сына Сапѣги Михаила, юношу въ высшей степени благороднаго и честнаго, и, по наущенію Бржостовскаго, изрубили въ куски. Сапѣга обратился было съ жалобою къ королю и просилъ у него помощи, но король по своему безсилію не могъ испол-

нить просьбы гетмана, а между тѣмъ Вишневецкіе и Огинскій издали въ Вильнѣ универсалъ, которымъ гетманъ Сапѣга и всѣ его друзья объявлялись врагами отечества, исключались изъ-подъ покровительства законовъ и осуждались на смертную казнь съ конфискаціею имущества.

Благодаря такого рода универсалу, изданному врагами Сапѣги, Литва въ сіе время представляла печальную картину: многочисленные мелкіе отряды голодной и оборванной шляхты изъ войска Огинскаго и Вишневецкихъ разсыпались по всей странѣ, причемъ дѣйствовали какъ самые послѣдніе и позорные бродяги. Врываясь въ города и селенія, они не только грабили и уничтожали все, что только попадалось имъ подъ руку, но предавали страшнымъ истязаніямъ самихъ обывателей, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ считаютъ сторонниками Сапѣги; захватывали ихъ женъ и дочерей и совершали надъ ними самые отвратительные и гнусные поступки. Въ это время никто не былъ увѣренъ въ своей безопасности, а равно и собственнаго имущества. Большая часть мирныхъ гражданъ принуждена была бросать свои дома и помѣстья и скрываться отъ шаекъ Огинскаго и Вишневецкаго въ лѣсахъ, болотахъ, горахъ, монастыряхъ, подземельяхъ и т. п. По дорогамъ умножились грабежи, разбои и воровства.

Гетманъ Сапѣга не вынесъ этого: видя, что враги сильнѣе его, что ему не отъ кого ждать защиты внутри отечества, онъ предался на сторону Карла XII и вмѣстѣ съ нимъ началъ громить и опустошать Рѣчь Посполитую. Это было одною изъ главныхъ причинъ, почему Августъ II не одолѣлъ шведскаго короля.

При той неурядицѣ, какая существовала въ Польшѣ при Августѣ II, вслѣдствіе борьбы польскихъ па-

новъ, больше всего пришлось перенесть православно-русскому населенію: по свидѣтельству современниковъ, оно терпѣло такія насилія, подвергалось такимъ истязаніямъ отъ польской шляхты, что ожидало близкой кончины міра. При приближеніи отрядовъ Огинскаго и Вишневецкаго, тѣ изъ русскихъ и православныхъ, кому не удалось скрыться гдѣ-нибудь, каждый разъ исповѣдывались и причащались, готовясь къ смерти.

Въ царствованіе Августа II многіе изъ поляковъ и католическаго духовенства не разъ высказывали на сеймахъ, какъ бы хорошо было для Рѣчи Посполитой совершенно истребить православіе. Въ 1618 году на Гродненскомъ сеймѣ однимъ іезуитомъ представленъ былъ проектъ объ уничтоженіи православія въ Польшѣ. Въ этомъ проектѣ, между прочимъ, говорилось: а) никого изъ знатныхъ православныхъ не назначать на высшія мѣста; б) во всѣхъ частныхъ и оффиціальныхъ собраніяхъ оказывать пренебреженіе къ православнымъ и насмѣхаться надъ ними; в) употреблять всѣ усилія для достиженія того, чтобы православное духовенство оставалось въ невѣжествѣ и поэтому было бы неспособно поучать свой народъ; г) отдавать православныя церкви въ руки жидовъ; д) взводить въ судахъ на православное духовенство тяжелыя преступленія и т. п. [1]). Очень можетъ быть, что польское правительство со временемъ и привело бы въ исполненіе этотъ проектъ, еслибы за православныхъ не вступился

---

[1]) Проектъ этотъ весьма обширенъ; мы привели только сущность его. Онъ найденъ нѣмецкимъ ученымъ Эккелемъ въ Львовѣ, въ тамошнемъ капитульномъ архивѣ, и впервые помѣщенъ имъ въ своемъ сочиненіи: „Исторія польскихъ государственныхъ перемѣнъ и послѣдней конституціи“. Затѣмъ проектъ этотъ напечатанъ былъ на польскомъ языкѣ въ 1844 году въ „Собраніяхъ историческихъ памятниковъ Польши (№ 81)“.

Петръ Великій. Русскій царь грозно и категорически заявилъ полякамъ, что если они будутъ продолжать преслѣдованіе православныхъ, то онъ разрушитъ Польшу.

Дѣйствительно, послѣ грознаго заявленія Петра I поляки не только не привели въ исполненіе своего проекта, но даже вообще сдѣлались добрѣе и мягче къ православнымъ; но зато по смерти его еще ожесточеннѣе стали преслѣдовать ихъ. Такъ, по словамъ современниковъ, въ 1732 г. поляки запретили православнымъ священникамъ явно ходить по улицѣ съ св. Дарами; запретили также совершать днемъ погребеніе православныхъ умершихъ; тогда же, между прочимъ, приказано было, чтобы православное духовенство присутствовало при каждомъ торжественномъ католическомъ богослуженіи и совершало всѣ церковныя требы (крещенія, браки, погребенія и т. п.) не иначе, какъ съ согласія ксендзовъ. Заступиться за православныхъ подданныхъ Польши въ это время некому было: въ Россіи въ сіе время была императрицею Анна Іоанновна, а всѣми внѣшними и внутренними дѣлами заправлялъ любимецъ ея Биронъ, нѣмецъ, всею душою ненавидѣвшій русскихъ и ихъ вѣру; притомъ же этотъ врагъ Россіи и православія былъ другомъ Польши и радовался тому, что тамъ преслѣдуютъ православныхъ.

Августъ II умеръ 1 февраля 1733 года.

Августъ III.

1736—1763 г.

При вступленіи на престолъ Августа III Польша, по словамъ польскаго историка Шмита, представляла печальную картину: вслѣдствіе неудачной войны съ Карломъ XII и междоусобій, многіе города, села и деревни были превращены въ развалины; плодородныя

поля превратились въ пустыни и поросли сорными травами; промышленность и торговля совершенно упали; общественная безопасность исчезла. Другой польскій историкъ Бантке такъ говоритъ о состояніи своего отечества при Августѣ III: „Мое отечество, Польша, въ это время похожа была на заѣзжую корчму, въ которой всякій что хотѣлъ, то и дѣлалъ“.

При Августѣ III, какъ и при его предшественникѣ, внутренніе безпорядки въ Польшѣ больнѣе всего отзывались тоже на православныхъ; это подтверждается тысячами документальныхъ данныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

I. Въ 1736 г. ксендзъ Іоаннъ Пенскій изъ села Копылья совершилъ „наѣздъ“ на одинъ изъ сосѣднихъ православныхъ приходовъ, съ цѣлію обращенія жителей въ унію; онъ тутъ бушевалъ двое сутокъ, подвергнулъ тѣлесному наказанію всѣхъ жителей, давши каждому изъ нихъ по 150 палокъ въ спину, такъ какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ принимать уніи.

II. Въ 1737 г. одинъ изъ князей Вишневецкихъ (католикъ) праздновалъ свадьбу своей дочери, на которую съѣхалось много гостей, тутъ былъ и одинъ уніатскій епископъ. Подгулявши хорошенько, всѣ гости, по предложенію хозяина, сѣли на коней и въ сопровожденіи вооруженной прислуги совершили „наѣздъ“ на три православныхъ монастыря, гдѣ перебили монаховъ, ограбили утварь и объявили эти монастыри обращенными въ унію.

III. Въ 1748 г. въ одинъ изъ православныхъ приходовъ близъ м. Уллы (Витебской губ.) прибылъ доминиканскій монахъ Овлочанскій, съ цѣлію обращенія жителей въ унію. Когда же при помощи проповѣди и разнаго рода обѣщаній ему не удалось добиться своей

цѣли, то онъ прибѣгнулъ къ насилію, именно: созвавъ буйную шляхту, овладѣлъ съ нею Преображенскою церковью, затѣмъ переловилъ православныхъ жителей и приказалъ бить ихъ палками, кнутами, таскать за волосы и т. п. Но и это не помогло. Тогда Овлочанскій приказалъ вывести всѣхъ своихъ плѣнниковъ за село, въ поле, положить на ихъ плечи трехпудовые кресты, а на головы надѣть какіе-то шутовскіе вѣнцы, и затѣмъ, обвязавъ шеи страдальцевъ грязными веревками, погналъ ихъ палками и кнутами въ тюрьму.

IV. Въ селѣ Скородномъ, на Полѣсьи, былъ священникъ Іосифъ Загорскій, человѣкъ высокой честности и глубоко преданный православію. Въ этомъ же селѣ жилъ и помѣщикъ Прушинскій, католикъ. Прушинскій былъ страшный фанатикъ, онъ терпѣть не могъ православнаго священника и нерѣдко билъ его безъ всякой причины. Узнавши же, что львовскій православный епископъ Шумлянскій принялъ унію, Прушинскій явился къ Загорскому съ требованіемъ, чтобы тотъ бросилъ православіе; когда же Загорскій отказался это сдѣлать, то помѣщикъ призвалъ своихъ людей, схватилъ священника, вытащилъ за село въ поле и тамъ, избивши до полусмерти, бросилъ его, а затѣмъ ограбилъ домъ о. Іосифа и отправился домой. Между тѣмъ избитый священникъ очнулся и черезъ силу добрался до сосѣдняго православнаго помѣщика Ѳедора Павши, который и пріютилъ его. Узнавъ объ этомъ. Прушинскій пришелъ въ страшную ярость и рѣшился силою овладѣть Загорскимъ и предать его новымъ мученіямъ. Въ одну темную ночь Прушинскій со своею дворнею напалъ на домъ Павши, выломалъ ворота, ворвался въ комнаты и вытащилъ оттуда о. Іосифа. Приведя домой, Прушинскій посадилъ его въ домашнюю

тюрьму, надѣвъ на шею толстое бревно, сложенное изъ двухъ половинъ, съ вырѣзкою для шеи. Объ этомъ узналъ сынъ священника; онъ тайно прокрался въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ его отецъ, и нѣсколько облегчилъ снарядъ, въ которомъ тотъ задыхался; но, пробираясь назадъ, сострадательный сынъ попался въ руки пана Прушинскаго и былъ избитъ до такой степени, что доставленъ домой замертво. Послѣ этого положеніе отца было еще ухудшено: его стали томить голодомъ. Наконецъ Прушинскій, придя въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ несчастный священникъ, объявилъ ему, что если онъ не приметъ уніи и не будетъ служить по уніатски, то будетъ замученъ до смерти. Загорскій принужденъ былъ согласиться, но онъ послѣ этого не долго жилъ, скоро умеръ.

V. Недалеко отъ г. Острога, въ селѣ Вельбуйномъ, былъ священникъ Стефанъ Петриковскій. Во время храмового праздника, послѣ литургіи, священникъ вышелъ изъ церкви и сталъ разговаривать со своими прихожанами, которыхъ въ этотъ день собралось очень много. На бѣду въ этотъ моментъ сюда пріѣхалъ изъ Острога панъ Криштофъ Малецкій. Увидя стеченіе народа, Малецкій возгорѣлся фанатическимъ рвеніемъ, вмѣстѣ съ огромною своею дворнею ворвался верхомъ въ толпу, опрокинулъ священника и сталъ бить его плашмя саблею; но прихожанамъ удалось освободить своего священника и отвести его домой. Малецкій не ограничился этимъ: онъ подъѣхалъ къ дому священника и, увидѣвъ, что двери крѣпко заперты изнутри, помѣстился у окна и сталъ стрѣлять въ комнату изъ лука. Одна изъ стрѣлъ [попала Петраковскому въ глазъ и проникла въ мозгъ; священникъ упалъ на полъ и сталъ мучиться въ предсмертной агоніи. Тогда Малецкій, видя

это, сталъ писать отъ имени умиравшаго самому себѣ квитанцію въ томъ, что тотъ не имѣетъ къ нему, Малецкому, никакой претензіи и считаетъ его непричастнымъ въ своей кончинѣ. Петриковскій умеръ на глазахъ своего убійцы. Послѣ этого Малецкій отправился дальше и въ ближайшемъ городѣ заявилъ свою квитанцію.

Къ концу царствованія Августа III, по словамъ современниковъ, въ одной Бѣлоруссіи „заѣхано“ было „на унію“ болѣе 200 православныхъ церквей и три мужскихъ монастыря. „Заѣхано“ было бы, по всей вѣроятности, и больше, еслибы въ это время не явился среди православнаго духовенства знаменитый защитникъ православія и русской народности, именно епископъ Георгій Кониссkій, который нѣсколько разъ ѣздилъ въ Россію и просилъ русское правительство заступиться за православныхъ Рѣчи Посполитой. Эти ходатайства не остались безъ удовлетворенія. Польскіе паны и католическое духовенство хотѣли убить Кониссkаго, но не поймали. Въ царствованіе Августа III, въ Рѣчи Посполитой не только православнымъ было нехорошо, но и уніатамъ тоже, не смотря на то уніаты признаны были папою достойными любви и уваженія; католики постоянно насмѣхались и издѣвались надъ ними, называли „недовѣрками“, а ксендзы нерѣдко говорили вслухъ, что уніаты, совершая таинство крещенія, только оскверняютъ младенцевъ и т. п. [1]).

Августъ III умеръ въ 1763 году и погребенъ въ г. Дрезденѣ.

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ воообще католики относились къ уніатамъ можно прочитать въ названной нами выше статьѣ профессора Кіевскаго университета В. Б. Антоновича.

Станиславъ Понятовскій.

1764—1795 г.

Станиславъ Понятовскій избранъ на польскій престолъ по указанію русской императрицы Екатерины II; онъ былъ послѣднимъ польскимъ королемъ.

Понятовскій былъ человѣкъ умный, добрый и въ высшей степени справедливый. Сдѣлавшись королемъ, онъ искренно желалъ добра своему отечеству, но не могъ ничего сдѣлать, такъ какъ внутренній строй Польши въ сіе время ужъ слишкомъ былъ растроенъ. Жившій въ то время извѣстный польскій историкъ, епископъ Нарушевичъ, такими красками обрисовалъ Рѣчь Посполитую, будучи на аудіенціи у Понятовскаго сейчасъ послѣ его коронаціи: „Ваше величество! Напрасно вы приняли корону Польши; вы не поправите положенія сего государства; посмотрите, ваше величество, что вы приняли отъ вашихъ предшественниковъ? раздоры и несогласія внутри, ограбленную казну, отсутствіе дисциплины въ войскахъ; безтолковые сеймы, правленіе безъ связи и рады, опустѣлые замки, разоренные города, и при этихъ явленіяхъ грозное вокругъ сосѣдство. Ваше величество! продолжалъ Нарушевичъ, если Казимиръ Великій, имѣвшій въ своихъ рукахъ право суда и законодательства, войско и казну, ничего не могъ сдѣлать, то что вы, какъ король избирательный и ограниченный въ своихъ правахъ, можете сдѣлать? Ничего. Вамъ остается одно — терпѣть за чужіе грѣхи и быть мишенью для выстрѣловъ ненависти, потому что стоите на высокомъ мѣстѣ“.

Когда Станиславъ Понятовскій вступилъ на престолъ, то императрица Екатерина II черезъ своего

посла въ Варшавѣ, Рѣпнина, предложила польскому правительству уравнять православныхъ въ правахъ съ католиками. Король и многіе изъ просвѣщенныхъ поляковъ сочувственно отнеслись къ предложенію русской императрицы, но большинство поляковъ и слышать не хотѣло объ этомъ. Особенно энергически возстало противъ этого католическое духовенство: узнавши, что король и многіе изъ поляковъ склонны удовлетворить требованію русской императрицы, оно стало тайно разсылать грамоты и возбуждать мелкую шляхту противъ православныхъ. Вслѣдствіе этого опять началось преслѣдованіе православныхъ, особенно въ Малороссіи и Пололіи. Тамъ больше всѣхъ преслѣдовали православныхъ два человѣка: епископъ Мокрыцкій и полковникъ Вороничъ; они, подобно прежнимъ гонителямъ, заключали православныхъ въ тюрьмы, томили голодомъ, разрывали рты, выворачивали руки и ноги, били палками, сѣкли кнутами, рубили саблями и т. п. На защиту православныхъ, какъ и при Сигизмундѣ III, поднялись казаки. На этотъ разъ предводителями казаковъ были Максимъ Желѣзнякъ и Гонта, люди въ высшей степени храбрые и отважные. Эти борцы за православіе и русскую народность навели ужасъ на всю Рѣчь Посполитую: они разрушили сотни польскихъ деревень и мѣстечекъ и вырѣзали цѣлыя тысячи католиковъ. Польское правительство ошеломлено было этимъ возстаніемъ, растерялось и не знало что дѣлать; въ испугѣ оно обратилось къ русской императрицѣ, прося ее усмирить казаковъ. Императрица дѣйствительно усмирила, но при этомъ вновь потребовала уравненія правъ православныхъ съ католиками; поляки опять отказали и опять начали преслѣдовать право-

славныхъ [1]). Но этотъ отказъ полякамъ не обошелся даромъ: государство ихъ, по предложенію прусскаго короля Фридриха II Великаго, было подвергнуто первому раздѣлу, т. е. у поляковъ сосѣдними государ-

---

[1]) Въ это время внутри Польши многіе паны составили изъ мелкой шляхты такъ называемыя „конфедераціи“ или „вооруженные союзы“. Цѣлію этихъ конфедерацій было противодѣйствіе вліянію русской императрицы въ Польшѣ и ея заступничеству за православныхъ. Для обезпеченія успѣха они даже выпросили помощь у Франціи. Въ началѣ 1770 года, по распоряженію министра Шуазеля, изъ Франціи на помощь конфедератамъ прибыло нѣсколько офицеровъ подъ начальствомъ Дюмурье, знаменитаго впослѣдствіи полководца. Но французы нашли въ Польшѣ такой безпорядокъ, что разсчитывать на успѣхъ не было никакой надежды. И дѣйствительно, вожди конфедератовъ ссорились между собою; шляхта проводила время въ пирахъ и удовольствіяхъ, употребляя на это большія деньги; ни крѣпостей, ни пушекъ не было; конфедераты, вмѣсто того, чтобы вести правильную войну, занимались грабежомъ, совершали „наѣзды“ на имѣнія богатыхъ и истязаніями вымогали у нихъ деньги; били и увѣчили крестьянъ, лишая ихъ послѣдняго достоянія. Дюмурье объ всемъ этомъ немедленно донесъ во Францію; въ своемъ донесеніи онъ, между прочимъ, писалъ: „Я нигдѣ ничего не видѣлъ подобнаго въ Европѣ, что вижу въ Польшѣ: нравы вождей конфедератовъ чисто азіатскіе; изумительная роскошь, безумныя издержки, длинные обѣды, игры, пляски—вотъ ихъ занятія. Они думали, что я привезъ имъ цѣлыя сокровища на ихъ пьянство и безобразіе и пришли въ отчаяніе, когда узнали, что я не имѣю денегъ. Войска у нихъ около 16,000, но въ немъ нѣтъ никакой дисциплины, никакого порядка и вдобавокъ оно безъ всякаго вооруженія. Войско это находится подъ начальствомъ восьми или девяти вождей, но всѣ они не согласны между собою, подозрѣваютъ другъ друга и нерѣдко ссорятся и дерутся одинъ съ другимъ, а о спасеніи отечества и не думаютъ. У нихъ нѣтъ ни одной крѣпости. Конфедераты нападаютъ на своихъ, грабятъ крестьянъ и бьютъ ихъ до смерти... Я, писалъ далѣе Дюмурье въ своемъ донесеніи, среди конфедератовъ не нашелъ ни одного порядочнаго человѣка, за исключеніемъ литвина Богуша; главный разпорядитель конфедератовъ—князь Радзивиллъ, совершенное животное“. Въ заключеніе Дюмурье просилъ министра Шуазеля не высылать болѣе пенсій вождямъ конфедератовъ, потому что это значило бы даромъ бросать деньги.

ствами—Пруссіей, Австріей и Россіей — отнята была часть земель. По этому раздѣлу Россія, между прочимъ, возвратила свою Бѣлоруссію, Австрія получила Галицію, а Пруссія—Померанію. Это было въ 1772 г.

Первымъ слѣдствіемъ возвращенія Бѣлоруссіи подъ власть Россіи былъ переходъ уніатовъ въ православіе. Въ теченіе трехъ лѣтъ возвратилось въ лоно православной церкви болѣе 500,000 человѣкъ.

Послѣ перваго раздѣла поляки присмирѣли и перестали слишкомъ преслѣдовать православныхъ. Послѣ этого раздѣла они даже занялись внутреннимъ устройствомъ государства, но изъ этого, впрочемъ, ничего не вышло: чтобы хоть немного поправить свое отечество, полякамъ слѣдовало бы уничтожить главное зло, именно: разъединенность сословій и рабство, а этого то они и не хотѣли сдѣлать. Правда, въ это время среди поляковъ явились было два благородныхъ человѣка—Сташицъ и графъ Замойскій, которые искренно желали облегчить участь простого народа („быдла“, какъ его называли паны) и по этому случаю представили даже на сеймъ проекты, но въ лицѣ сеймовыхъ членовъ встрѣтили грозное сопротивленіе: ихъ назвали измѣнниками, предателями отечества и чуть было не убили.

Послѣ перваго раздѣла Польши среди магнатовъ нашлись было лица, которыя думали совершенно преобразовать Польское государство, чтобы спасти его отъ окончательной гибели. Къ числу такихъ лицъ, между прочимъ, относятся: Малаховскій, Сапѣга и Колонтай. Эти три лица, вмѣстѣ съ преданными имъ друзьями, 3-го мая 1791 года, на сеймѣ, провозгласили даже такъ называемую „конституцію 3 мая“. По этой конституціи увеличивалась власть короля, ограничивался произволъ шляхты, православнымъ предо-

ставлялись одинаковыя права съ католиками, уничтожалось различіе сословій, простой народъ освобождался отъ панскаго рабства и т. п. Но и это ни къ чему не привело: противъ Малаховскаго, Сапѣги, Колонтая и ихъ друзей въ Польшѣ поднялся страшный ропотъ; взбунтовались епископы, прелаты и ксендзы, когда узнали, что православныхъ хотятъ сравнять въ правахъ съ католиками, а въ концѣ концовъ папа прислалъ проклятіе этой конституціи и учредителямъ ея. Тѣмъ дѣло и кончилось. Польша вступила на старую дорогу и снова быстро понеслась къ своей гибели [1]).

---

[1]) Насколько въ это время высшее польское общество пало въ нравственномъ отношеніи—можно видѣть изъ донесенія саксонскаго представителя (резидента) при варшавскомъ дворѣ Эссена своему курфирсту (правителю Саксоніи). Вотъ подлинныя слова Эссена: „Польскіе вельможи, будучи недовольны другъ другомъ, вѣчно соперничаютъ между собою; они постоянно гоняются за полученіемъ пенсій отъ иностранныхъ дворовъ, съ тѣмъ, чтобы подкапываться подъ собственное отечество. Потоцкіе, Радзивиллы, Любомирскіе разорились отъ расточительности. Князь Адамъ Чарторыйскій часть своего хлѣба съѣлъ на корню. Остальная шляхта всегда готова служить тому двору, который больше заплатитъ. Въ столицѣ поражаетъ роскошь, въ провинціяхъ бѣдность. На 20 милліоновъ злотыхъ ввозъ иностранныхъ товаровъ превысилъ вывозъ своихъ. Ежедневно происходятъ въ Польшѣ такія явленія, какія невѣроятны въ другихъ государствахъ: злостныя банкротства купцовъ и вельможъ, безумныя азартныя игры, грабежи, всякаго рода отчаянные поступки, порождаемые недостаткомъ средствъ при страшной роскоши. Преступленія совершаются на каждомъ шагу, и кто же ихъ совершаетъ? Люди, принадлежащіе къ самому высшему обществу, которые бываютъ постоянно у короля и пользуются почетомъ, и какому же наказанію они подвергаются? Никакому. Такія здѣсь, напримѣръ, совершаются преступленія: одинъ сенаторъ укралъ печать, а другой золотые часы у русскаго посла. Лица, украшенныя орденами Бѣлаго Орла, крадутъ векселя у адвокатовъ, предъявленные ихъ заимодавцами; очень многіе министры Рѣчи Посполитой, желая получить деньги для роскоши, пускаются на такого рода поступки: соберутъ все свое столовое серебро и золотыя украшенія, затѣмъ отдадутъ все это

А между тѣмъ скоро наступилъ второй раздѣлъ Польши.

Поляки, не смотря на то, что въ это время были слишкомъ обезсилены своими внутренними раздорами, попрежнему продолжали волноваться и оскорблять сосѣдей. Особенно они, послѣ неудачной „конституціи 3-го мая" много оскорбительнаго и непріятнаго сдѣлали Россіи и Екатеринѣ II. Дѣло вотъ въ чемъ: въ 1787 г. Россія начала съ Турціею такъ называемую

своему камердинеру и прикажутъ ему гдѣ-нибудь заложить вещи, а деньги принести имъ; послѣ этого они отсылаютъ камердинера въ деревню, а съ лицами, принявшими въ закладъ вещи, начинаютъ судиться, обвиняя ихъ въ утайкѣ краденаго; есть и такіе министры, и ихъ немало, которые дѣлаютъ „наѣзды" на имѣнія своихъ сосѣдей, причемъ происходятъ битвы, и нерѣдко человѣкъ около 30 остается мертвыми на мѣстѣ. Одинъ сенаторъ уличается въ поддѣлкѣ векселей, другой отрицается отъ своей подписи, третій употребляетъ фальшивыя карты во время денежной игры, четвертый продаетъ имѣніе, которое никогда ему не принадлежало, пятый, взявши изъ рукъ кредитора векселя, разрываетъ ихъ и въ то же время приказываетъ бить кредитора, шестой захватываетъ чужую жену, увозитъ ее домой и тамъ подвергаетъ ее всевозможнымъ оскорбленіямъ. Я трепещу при мысли, пишетъ далѣе Эссенъ, что курфирстъ возложитъ на меня обязанность указать ему между поляками троихъ знатныхъ лицъ и вмѣстѣ честныхъ; я не могу ни одного указать ему. Англійскій посланникъ, продолжаетъ далѣе Эссенъ, каждую почту проситъ свое правительство отозвать его отсюда, потому что онъ, исполняя должность посла при варшавскомъ дворѣ, тѣмъ самымъ унижаетъ достоинство свое, какъ честнаго человѣка. Нѣмецкій полумошенникъ, заключаетъ свое донесеніе саксонскій резидентъ, въ Польшѣ былъ бы честный человѣкъ".

Такими мрачными красками саксонскій резидентъ описываетъ тогдашнее высшее польское общество, въ рукахъ котораго была судьба Польши. Картину эту представляетъ человѣкъ такой, которому не было никакой надобности напрасно чернить польскую аристократію,—напротивъ, онъ имѣлъ всѣ побужденія, по своимъ родственнымъ связямъ съ нею, отзываться о польской аристократіи съ хорошей стороны,—слѣдовательно, мы вполнѣ можемъ вѣрить словамъ Эссена.

вторую турецкую войну; поляки, пользуясь этимъ, хотѣли возвратить себѣ Бѣлоруссію; они даже сблизились съ Пруссіею, обѣщались уступить ей нѣсколько городовъ, если та поможетъ имъ противъ Россіи; Пруссія обѣщала; тогда поляки сдѣлались въ высшей степени дерзкими по отношенію къ русскимъ и при всякомъ удобномъ случаѣ старались нанести оскорбленіе русскому послу въ Варшавѣ. Не проходило ни одного сейма, на которомъ бы польскіе ораторы не произносили ругательныхъ рѣчей по адресу Россіи и русской императрицы.

Такъ продолжалось до 1793 года. Въ этомъ году Россія блистательно окончила войну съ Турціей и затѣмъ порѣшила раздѣлаться съ поляками. Двѣ русскія арміи двинулись въ предѣлы Польши и начали громить ее. Поляки тоже выставили двѣ арміи противъ русскихъ, но скоро были разбиты и уничтожены двумя русскими генералами—Кречетниковымъ и Коховскимъ. Послѣ этого поляки обратились было за помощью къ Пруссіи, но та не только отказала имъ въ этомъ, но даже стала на сторону Россіи.

Обманутые Пруссіею и не получая ни откуда помощи, поляки обратились къ великодушію Екатерины II и стали просить у нея мира. Екатерина согласилась, но съ условіемъ, чтобы Россіи возвращены были прежнія русскія области Волынь и Подоліе. Поляки безъ протеста и колебанія исполнили требованіе русской императрицы, и миръ былъ заключенъ. Но вслѣдъ за этимъ Пруссія также потребовала себѣ нѣкоторыхъ городовъ. Поляки пришли въ ужасъ отъ этого требованія: во-первыхъ, Пруссія требовала себѣ самыхъ важныхъ и самыхъ старинныхъ городовъ Польши (Торна и Гданска—на Вислѣ), а во-вторыхъ, Пруссія

не вела войны съ ними и, слѣдовательно, не въ правѣ была требовать вознагражденія.

Для рѣшенія этого вопроса въ концѣ августа 1793 года собрался сеймъ въ Гроднѣ; но на этомъ сеймѣ поляки рѣшительно отказались исполнить требованіе Пруссіи. Тогда въ это дѣло должна была вмѣшаться Россія: 14 сентября русскій посолъ явился въ залу сеймовыхъ засѣданій и объявилъ полякамъ, что не выпуститъ ихъ оттуда, если они не согласятся на требованіе Пруссіи. Король и сеймовые члены не возразили на это ни слова: они порѣшили отмолчаться. И дѣйствительно, они молчали до 3-хъ часовъ ночи, пока одинъ изъ депутатовъ, которому, вѣроятно, больше всѣхъ надоѣла эта комичная сцена, не привсталъ съ мѣста и не крикнулъ во всеуслышаніе: „Молчаніе есть знакъ согласія“. Этою оригинальною выходкою воспользовался маршалъ сейма и объявилъ, что члены сейма соглашаются на требованіе Пруссіи. Тѣмъ дѣло и кончилось: Пруссія получила то, что требовала.

Такъ совершился второй раздѣлъ Польши. Черезъ два года послѣ этого произошелъ и третій раздѣлъ.

Потерявши двѣ трети своихъ владѣній, поляки не успокоились, они снова стали вооружаться противъ сосѣдей. И дѣйствительно, къ началу 1794 года они составили значительную армію, которую, подъ начальствомъ генерала Костюшки, человѣка благороднаго и въ высшей степени честнаго, двинули противъ русскихъ. Рѣшительная битва между русскими, которыми командовалъ генералъ Денисовъ (къ концу битвы, когда уже успѣхъ русскихъ былъ несомнѣненъ, явился еще Фрезенъ), и поляками, которыми командовалъ Костюшко, произошла 27 сентября 1794 года, въ 85 верстахъ отъ Варшавы, при мѣстечкѣ Маціовичахъ. Поляки были

разбиты на голову, причемъ самъ Костюшко, получивъ рану, упалъ съ лошади и взятъ былъ въ плѣнъ. Говорятъ, что онъ, падая съ лошади, воскликнулъ: „Finis Poloniae!“ (т. е. конецъ Польшѣ). И дѣйствительно, былъ конецъ: 13 октября 1795 года произошелъ третій и послѣдній раздѣлъ Польши. По этому раздѣлу Россія получила Литву съ городомъ Вильною; Пруссія — нынѣшнее Царство Польское [1]); Австрія -- гг. Краковъ, Бохнію и Величку.

Такъ кончила свое существованіе Польша, которая незадолго передъ этимъ имѣла болѣе 14000 кв. миль пространства и около 15,000,000 жителей, т. е. по пространству она была въ полтора раза больше нынѣшней Франціи, а по числу жителей равнялась теперешней Испаніи.

Всѣ польскіе и иностранные писатели теперь согласны въ томъ, что Польша погибла отъ анархіи (безначалія), т. е. отъ страшныхъ внутреннихъ безпорядковъ и отъ своеволія и буйства шляхты и пановъ [2]).

---

[1]) Царство Польское отъ Пруссіи перешло къ Россіи въ 1815 году, по Вѣнскому конгрессу.

[2]) См. польскія исторіи Шуйскаго и профессора Краковскаго университета Бобржинскаго.

Примѣчаніе. Вотъ подлинныя слова профессора Бобржинскаго о паденіи Польши: „Ни границы, ни сосѣди, а нашъ внутренній разладъ, говоритъ профессоръ Боржинскій, довелъ насъ до паденія государственнаго существованія. Какія бы мы теперь не находили причины нашего паденія, будетъ ли это притѣсненія народа шляхтою, или приниженное положеніе городовъ, или моральный упадокъ и умственный регрессъ въ интелигенціи — все это будутъ только второстепенныя явленія, которыя въ другихъ мѣстахъ выступали еще въ худшемъ видѣ, но ни одного народа не доводили до утраты политическаго бытія. Вездѣ, именно въ другихъ мѣстахъ, существовали правительства, которыя, усмотрѣвъ зло раньше или позже, поправляли или уменьшали его. У однихъ только насъ, продолжаетъ Бобржинскій, не доставало этого оздоровляющаго фактора, не доставало прави-

Россія, получивши по всѣмъ тремъ раздѣламъ Польши всѣ области бывшаго Литовскаго государства, образовала изъ нихъ нѣсколько губерній, которыя поручила управленію особаго генералъ-губернатора. Въ этихъ областяхъ введено было новое судопроизводство, облегчена участь крестьянъ, воспрещено католическому духовенству оскорблять и обращать насильно уніатовъ въ католичество. Послѣднее распоряженіе Екатерины II было причиною того, что уніаты сотнями тысячъ стали возвращаться въ православіе. Всѣхъ уніатовъ возвратилось въ православіе при Екатеринѣ II болѣе 3,000,000 человѣкъ.

Павелъ I.

1796—1801 г.

Отличаясь благороднымъ сердцемъ и рыцарскою душою, Павелъ I весьма благосклонно относился къ полякамъ. Очень многихъ изъ нихъ онъ освободилъ изъ ссылки, возвратилъ имъ конфискованныя имѣнія и возвелъ на высшія должности; запретилъ русскому духовенству обращать уніатовъ въ православіе, хотя бы они этого и сами желали, и возстановилъ въ областяхъ бывшаго Литовскаго государства литовскій статутъ (прежніе литовскіе законы).

Александръ I.

1801—1825 г.

Сынъ Павла Александръ I еще благосклоннѣе относился къ полякамъ. Въ продолженіе почти 20 лѣтъ

тельства, которое въ рѣшительную минуту совокупило бы около себя хотя и разрозненныя общественныя силы и предало бы имъ единое направленіе.... И такъ, заключаетъ профессоръ Бобржинскій, Польша пала вслѣдствіе отсутствія крѣпкой монархической власти и развитія буйнаго и неукратимаго шляхетства въ ущербъ народа. Польша пала отъ анархіи.

самымъ приближеннымъ человѣкомъ у него былъ полякъ и католикъ Адамъ Чарторыйскій. По ходатайству Чарторыйскаго, Александръ I позволилъ полякамъ въ областяхъ Литвы и Западной Россіи составлять съѣзды и выбирать себѣ судей и другихъ должностныхъ лицъ; затѣмъ вручилъ полякамъ всѣ высшія должности въ этихъ областяхъ, хотя простой польскій народъ сильно не хотѣлъ этого, такъ какъ ему лучше жилось подъ властію русскихъ начальниковъ. Мало этого, въ 1815 году русскій императоръ, по просьбѣ Чарторыйскаго и др. знатныхъ поляковъ, изъ тѣхъ областей, которыя достались Россіи по вѣнскому конгрессу, образовалъ Царство Польское и далъ ему такое прекрасное и свободное устройство (конституцію), какого ни одинъ государь въ мірѣ не давалъ завоеванной странѣ. По этой конституціи государю императору предоставлялась только исполнительная власть, законодательная же принадлежала сейму, состоящему изъ сената и камеры депутатовъ.

Многія коронованныя особы, глубокіе политики (дипломаты) и ученые Запада, узнавъ о дарованіи полякамъ конституціи, говорили русскому императору, что онъ напрасно это сдѣлалъ, потому что поляки не поймутъ ее, исказятъ по своему и злоупотребятъ, такъ между прочимъ говорили: прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, австрійскій министръ Меттернихъ, прусскій министръ Штейнъ, французскій ученый и рьяный республиканецъ Карно (дѣдъ нынѣшняго президента Франціи) и др.

И дѣйствительно, эти лица были правы. Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ образованія Царства Польскаго и введенія въ немъ конституціи, какъ поляки стали волноваться и публично, въ грубой формѣ, высказывать

неудовольствіе противъ императора Александра I за то, главнымъ образомъ, что онъ не присоединилъ къ Царству Польскому въ административномъ отношеніи, тѣхъ областей, которыя достались Россіи по первымъ тремъ раздѣламъ Польши, т. е. Литвы, Малороссіи, Бѣлоруссіи, Волыни и Подолія. По этому поводу поляки не разъ обращались къ императору съ просьбою исправить, по ихъ словамъ, свою ошибку, т. е. присоединить къ Царству Польскому вышеозначенныя области, въ административномъ отношеніи; но постоянно получали отказъ, потому что исполненіе ихъ просьбы было бы не чѣмъ инымъ, какъ возстановленіемъ Польши въ предѣлахъ 1772 года.

Послѣ этого поляки стали составлять тайныя общества, чтобы добиться своей цѣли путемъ заговора. Такихъ обществъ, учрежденныхъ съ преступными цѣлями, было много какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ. Замѣчательными изъ нихъ были: „Патріотическое общество"—въ Варшавѣ; общество „шубравцевъ", общество „филоматовъ", общество „филаретовъ" — въ Вильнѣ [1]). Къ концу царствованія Александра I обще-

---

[1]) Общество „шубравцевъ" было самое замѣчательное въ Литвѣ по своему вліянію на поляковъ. Оно основано было въ 1817 году докторомъ Снядецкимъ и библіотекаремъ Виленскаго Университета Контрымомъ. Ближайшая и видимая цѣль сего общества состояла въ слѣдующемъ: просвѣтить и облагородить натуру нравственно падшихъ лицъ (лицъ пошлыхъ), или, выражаясь по-польски, „шубравцевъ"; отучить ихъ отъ лжи, обмана, картежной игры, пьянства и т. п. пороковъ. Но главная цѣль общества, тайная и скрытая, была другая, а именно: посредствомъ насмѣшливыхъ (сатирическихъ) статей, помѣщаемыхъ членами общества на страницахъ издаваемой ими газеты подъ названіемъ „Бруковыхъ (мостовыхъ) вѣдомостей", осуждать недостатки современнаго польскаго общества, оживить старинные шляхетскіе идеалы и пробуждать въ обществѣ поляковъ стремленіе къ *возрожденію погибшаго* государства со всѣми шляхет-

ства эти достаточно подготовили поляковъ къ возстанію, но самаго возстанія не успѣли произвести, потому что были открыты и члены ихъ понесли достойное наказаніе.

18 ноября 1825 года императоръ Александръ I скончался въ г. Таганрогѣ отъ лихорадки.

Николай I.

1825—1855 г.

Послѣ смерти Александра I русскій престолъ занялъ младшій братъ его Николай Павловичъ, человѣкъ великаго ума и твердаго характера. При немъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Литвѣ снова образовались тайныя общества съ преступными цѣлями, а спустя пять лѣтъ послѣ воцаренія его поляки подняли бунтъ.

29 ноября 1830 года мятежники напали на дворецъ, въ которомъ жилъ, въ качествѣ намѣстника Царства Польскаго, братъ императора Николая I Константинъ Павловичъ, съ цѣлію убить его, но по ошибкѣ

скими привиллегіями. Цѣль общества весьма ясно выражена была виньеткою на заглавномъ листѣ „Бруковыхъ вѣдомостей"; виньетка эта заключала въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее: вверху веньетки, въ облакахъ, изображенъ былъ шляхтичъ, сидящій на лопатѣ; одѣтъ онъ въ контушъ, на головѣ конфедератка, лицо у него серьезное и даже суровое, глаза устремлены вдаль, какъ будто бы чего-то ищутъ; подъ шляхтичемъ надпись: „летитъ и летитъ" (къ утеряннымъ шляхетскимъ идеаламъ). Въ нижней части виньетки изображенъ столъ, на правой сторонѣ котораго разложены двѣ колоды картъ, а на лѣвой—графинъ съ водкою и стаканъ,—эмблемы тѣхъ пороковъ, которыхъ поляки должны избѣгать, именно картежной игры и пьянства. Посреди же стола (между картами и графиномъ) лежали двѣ книги: исторія и географія,—это эмблемы того, къ чему всѣ поляки должны стремиться, именно къ возобновленію древнѣйшей шляхетской жизни и возстановленію Польши въ предѣлахъ 1772 года.

вмѣсто него убили одного генерала. Въ ту же ночь мятежники захватили варшавскій арсеналъ, роздали народу хранившееся тамъ оружіе и стали избивать русскихъ. Польскія войска, отлично обученныя русскими офицерами, приняли сторону мятежниковъ и стали помогать имъ въ избіеніи русскихъ.

На слѣдующій день Константинъ Павловичъ, во главѣ небольшого русскаго отряда, находившагося въ Варшавѣ, выступилъ изъ города и двинулся къ предѣламъ Россіи.

По удаленіи Константина Павловича поляки составили свое правительство, во главѣ котораго сталъ Адамъ Чарторыйскій, профессоръ Виленскаго университета Лелевель и графъ Солтыкъ. Предводителемъ же войскъ избранъ былъ генералъ Хлопицкій.

2-го января 1831 года новое правительство объявило россійскій царствующій домъ лишеннымъ польскаго престола. Вслѣдствіе этой дерзкой и въ высшей степени опасной выходки многіе благоразумные поляки бросили Варшаву и уѣхали заграницу; въ числѣ такихъ былъ и Хлопицкій; они отлично знали, что это тяжкое оскорбленіе, нанесенное Россіи, даромъ полякамъ не пройдетъ. И дѣйствительно, лишь только объ этомъ сдѣлалось извѣстно въ Россіи, какъ всѣ жители пришли въ страшное негодованіе и посредствомъ адресовъ потребовали немедленнаго наказанія поляковъ.

Въ началѣ февраля того же года 100,000-ная русская армія, подъ начальствомъ генерала Дибича, вступила въ предѣлы Царства Польскаго. 25 февраля въ виду Варшавы, подъ Гроховымъ, произошла первая кровопролитная битва русскихъ съ поляками. Поляками командовалъ Радзивиллъ, человѣкъ въ высшей

степени бездарный, а потому поляки, несмотря на свою храбрость, были разбиты на голову и оставили на полѣ сраженія болѣе 10,000 тѣлъ. 14-го мая подъ городомъ Остроленкою произошла новая кровопролитная битва, кончившаяся также пораженіемъ поляковъ. Въ этой битвѣ поляками командовалъ генералъ Скржинецкій, такой же бездарный, какъ и Радзивиллъ.

Потерявши двѣ битвы, положеніе поляковъ, не смотря на нѣкоторыя мелкія удачныя стычки, сдѣлалось отчаяннымъ. Правда, положеніе это могло бы поправиться, если бы полякамъ помогли ихъ крестьяне, простой народъ (т. е. если бы крестьяне произвели партизанскую войну), къ которому они дѣйствительно обращались, но народъ не помогъ: онъ остался вѣренъ русскому правительству, подъ властію котораго ему жилось гораздо лучше, чѣмъ прежде. Мало того, простой народъ, узнавъ о гибели двухъ армій, поднялъ страшное возстаніе, перерѣзалъ многихъ пановъ и положилъ убить всѣхъ членовъ варшавскаго правительства; особенно онъ добирался до Адама Чарторыйскаго, Лелевеля и Солтыка, какъ самыхъ главныхъ виновниковъ всѣхъ бѣдъ Польши, но тѣ во время узнали объ этомъ и спаслись бѣгствомъ.

Между тѣмъ въ Царство Польское прибылъ новый русскій главнокомандующій, именно Паскевичъ-Эриванскій, который заступилъ мѣсто Дибича, умершаго отъ холеры. Паскевичъ повелъ дѣло энергичнѣе, чѣмъ Дибичъ. 25 августа, въ 5 верстахъ отъ Варшавы, при деревнѣ Волѣ, русскій полководецъ нанесъ полякамъ такое страшное пораженіе, что они сдали Варшаву и стали просить мира. Въ битвѣ при д. Волѣ пало болѣе 15000 поляковъ, а около 25000 взято было въ плѣнъ. Польскимъ войскомъ командовалъ нѣкто Мала-

ховскій, по своей бездарности ничѣмъ не отличавшійся отъ Радзивилла и Скржинецкаго.

19 ноября императоръ Николай I прислалъ въ Варшаву манифестъ, въ которомъ объявлялъ всѣмъ возставшимъ прощеніе, за исключеніемъ тѣхъ членовъ польскаго правительства, которые провозгласили русскій императорскій домъ лишеннымъ польскаго престола.

Въ слѣдующемъ году произведено было административное преобразованіе Царства Польскаго: оно лишено было всѣхъ привиллегій, данныхъ ему Александромъ I, и сравнено по управленію съ остальными частями Россійской имперіи. Въ Литвѣ преобразованіе коснулось только учебныхъ заведеній, такъ какъ учащаяся молодежь принимала дѣятельное участіе въ возстаніи.

Но особенное вниманіе обращено было на католическое духовенство, такъ какъ оно принимало самое дѣятельное участіе въ мятежѣ, и по этому поводу постановлено было, чтобы, во-первыхъ, кандидаты на епископскія каѳедры избирались правительствомъ и, во-вторыхъ, чтобы католическое духовенство безъ согласія мѣстной свѣтской власти не имѣло права и шагу сдѣлать. Испуганное католическое духовенство обратилось было съ жалобою къ папѣ; тотъ прислалъ протестъ, но на него въ Россіи не обратили никакого вниманія; мало того: послѣ этого проекта русское правительство порѣшило всѣхъ уніатовъ возсоединить съ православною церковью, тѣмъ болѣе оно считало это возможнымъ, что починъ сему сдѣлали сами уніаты въ лицѣ своихъ представителей.

Іосифъ Сѣмашко.

Возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію. Унія, какъ мы видѣли, насильно навязана была православнымъ и держалась въ Литвѣ и Западной Россіи до тѣхъ поръ, пока существовало польское правительство; но лишь только это правительство пало, уніаты сотнями тысячъ начали возвращаться въ православіе.

При императрицѣ Екатеринѣ II, какъ мы говорили, болѣе 3,000,000 уніатовъ возвратились въ православіе. При Павлѣ I и особенно при Александрѣ Благословенномъ и остальные 2,000,000 уніатовъ обнаруживали сильное желаніе возвратиться къ вѣрѣ своихъ предковъ; только чрезмѣрная доброта русскаго правительства и всесильная власть Адама Чарторыйскаго съ его друзьями-поляками, занимавшими высокія мѣста въ государствѣ, не дали возможности осуществиться этому желанію уніатовъ.

Но вотъ, камъ мы сейчасъ видѣли, поляки снова были поражены русскимъ оружіемъ и снова потеряли силу и значеніе; тогда опять уніаты тысячами стали переходить въ православіе, и наконецъ дѣло сіе кончилось тѣмъ, что въ 1839 году всѣ остальные уніаты, числомъ около 2,000,000, возвратились въ православіе. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ великомъ историческомъ событіи былъ Іосифъ Сѣмашко.

Іосифъ Сѣмашко былъ сынъ уніатскаго священника, жившаго въ с. Павловкѣ, Липецкаго уѣзда, Кіевской губ. Замѣчательно самое рожденіе Сѣмашки: во-первыхъ, онъ родился 25 декабря 1796 г., т. е. въ день Рождества Христова, и притомъ въ тотъ именно моментъ, когда звонили къ утрени; во-вторыхъ, родился какъ разъ въ тотъ день, въ который ровно 200 лѣтъ

тому назадъ, римскій папа Климентъ VIII своею буллою утвердилъ унію, провозглашенную на Брестскомъ соборѣ 9 октября 1596 года.

Первоначальное воспитаніе Іосифъ Сѣмашко получилъ въ домѣ своего отца. Въ 1808 г. онъ опредѣленъ былъ въ Немировскую гимназію, а отсюда, по окончаніи курса, поступилъ въ главную виленскую семинарію, основанную Адамомъ Чарторыйскимъ для уніатовъ, желавшихъ поступить въ священники, гдѣ и закончилъ свое образованіе.

По окончаніи курса семинаріи Сѣмашко назначенъ былъ священникомъ въ г. Луцкъ, а спустя полтора года переведенъ былъ въ Петербургъ для присутствованія въ департаментѣ римско-католической коллегіи, которая управляла католическою и Уніатскою церквами.

Живя въ Петербургѣ, Сѣмашко, благодаря знакомству со многими православными образованными людьми, а также частому посѣщенію православныхъ церквей, мало-по-малу пришелъ къ убѣжденію, что Уніатская церковь стоитъ на ложномъ пути и много уклонилась отъ своей первобытной чистоты по отдѣленіи отъ восточной церкви. Затѣмъ, изучивъ православіе со стороны обрядовой и догматической, Сѣмашко пришелъ къ полному убѣжденію, что это исповѣданіе есть именно то, которое сохранило въ себѣ полнѣйшую чистоту и святость временъ апостольскихъ, безъ всякихъ измѣненій и добавленій, подобно римскому исповѣданію.

Послѣ этого Сѣмашко сталъ высказывать свои взгляды и убѣжденія другимъ представителямъ Уніатской церкви, людямъ ученымъ, и увидѣлъ, что и тѣ думаютъ то же самое, т. е. что Уніатская церковь за-

блудилась, а истинная церковь Христова есть именно Православная. Затѣмъ Сѣмашко обратился къ простымъ сельскимъ уніатскимъ священникамъ и къ простому народу и тутъ увидѣлъ то же самое; мало того, онъ увидѣлъ, что сельскіе священники и народъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, желаютъ снова возвратиться къ вѣрѣ отцовъ, т. е. въ православіе. Тогда Сѣмашко составилъ докладную записку и подалъ ее русскому правительству; въ этой запискѣ онъ сначала изложилъ исторію уніи и тѣ насилія, которымъ подвергались и подвергаются уніаты отъ католиковъ, а потомъ заявилъ, что всѣ уніаты безъ исключенія снова желаютъ соединиться съ Православною церковію. Записка Сѣмашки была принята, но правительство рѣшило, сначала очистить уніатское богослуженіе отъ латинскихъ нововведеній [1]) и сдѣлать его такимъ, какимъ оно было при введеніи уніи. Для этой цѣли составлена была комиссія изъ ученыхъ уніатовъ, въ которую вошли: уніатскій митрополитъ Іосифъ Булгакъ, Іосифъ Сѣмашко, который въ это время былъ уже литовскимъ епископомъ, брестскій епископъ Антоній Зубко, пинскій епископъ Іосифъ Жарскій и др. [2]).

---

[1]) Уніатская церковь къ началу XIX ст. или ко времени Іосифа Сѣмашки, подобно католической, признавала: а) исхожденіе Св. Духа и отъ Сына (filioque); б) чистилище; в) непогрѣшимость папы въ дѣлѣ вѣры или толкованія св. писанія; г) совершеніе таинства евхаристіи на опрѣснокахъ; д) причащенія мірянъ подъ одимъ видомъ; е) читанныя обѣдни (шептанные мши) и т. п. Кромѣ того, къ этому же времени многія молитвы при совершеніи уніатскаго богослуженія читались на латинскомъ языкѣ; священники не женились, носили ксендзовскія сутаны вмѣсто рясъ, стригли волосы и брили бороды; церкви строились съ открытыми алтарями; появились въ церквахъ органы и всѣ богослужебныя книги написаны были согласно съ этими нововведеніями.

[2]) Жарскій сначала былъ католикомъ, потомъ, по совѣту па-

Комиссія эта тщательно пересмотрѣла все уніатское богослуженіе и книги, по которымъ оно совершалось, а потомъ немедленно приступила къ очищенію уніатскаго богослуженія отъ латинской примѣси; въ заключеніе она приказала всѣмъ уніатскимъ священникамъ совершать богослуженіе по московскимъ книгамъ.

Очистивши Уніатскую церковь отъ латинской примѣси, комиссія стала собирать подписки отъ уніатскихъ священниковъ и прихожанъ, желавшихъ снова возвратиться въ православіе. Пять лѣтъ шла подписка; кончилась вполнѣ успѣшно: подписались всѣ уніаты. Послѣ этого члены комиссіи (за исключеніемъ митрополита Булгака и епископа Іосифа Жарскаго, умершихъ передъ этимъ) 12 февраля 1839 года, собрались въ г. Полоцкѣ и тутъ, совмѣстно съ остальнымъ знатнѣйшимъ уніатскимъ духовенствомъ, составили отъ лица всей Уніатской церкви актъ о желаніи возсоединиться съ Православною церковію. 25 марта того же года, въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на канунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, актъ этотъ представленъ былъ Государю Императору Николаю I, который принялъ его и собственноручно написалъ на немъ: „Благодарю Бога и принимаю“.

Такъ совершилось возсоединеніе остальныхъ 2,000,000 уніатовъ съ Православною церковію. Въ память этого событія вычеканена была особая медаль. На одной сторонѣ этой медали изображенъ былъ нерукотворенный образъ Спасителя (одинъ ликъ І. Христа), какъ единаго истиннаго главы церкви, съ надписью вокругъ: „Такова имамы первосвященника“ (Посл. ап. Павла

ны, принялъ унію и былъ протоархимандритомъ Базиліанскаго ордена, наконецъ принялъ православіе.

къ евреямъ, гл. 8, ст. 1), а внизу: „Отторгнутые насиліемъ 1596 г. и возсоединенные любовію 1839 г.“. На другой сторонѣ медали—изображеніе животворящаго креста Господня въ лучезарномъ сіяніи, по сторонамъ котораго надпись: „Торжество православія, а внизу: „25 марта 1839 г.“.

За свои труды и заботы въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ Іосифъ Сѣмашко награжденъ былъ саномъ архіепископа, а потомъ митрополита; каѳедра его была въ Вильнѣ [1]).

Совершивъ это великое дѣло, Іосифъ Сѣмашко обратилъ все свое вниманіе на внутреннее устройство своей паствы. Одною изъ главныхъ заботъ его была забота объ образованіи. Въ 1845 г. литовская духовная семинарія переведена была изъ м. Жировицъ въ Вильну и помѣщена въ зданіи Троицкаго монастыря [2]). къ ней Сѣмашко прилагалъ чисто отеческія заботы.

[1]) Послѣ возсоединенія уніатовъ въ заграничныхъ газетахъ появилось очень много статей, переполненныхъ самою гнусной клеветой на главнаго виновника этого событія Іосифа Сѣмашку. Въ нихъ, между прочимъ, сообщалось, что при возсоединеніи уніатовъ Сѣмашко употреблялъ въ высшей степени жестокія мѣры: не желавшихъ принимать православія будто бы заключали въ тюрьмы, сѣкли плетьми и т. п.; но все это было ложью и гнусной клеветой, что засвидѣтельствовано англійскими писателями, по этому дѣлу нарочно пріѣзжавшими въ Литву.

[2]) Литовская семинарія основана была въ 1828 году при Жировицкомъ монастырѣ и сначала была уніатскою. Первымъ ректоромъ ея былъ Антоній Зубко. Профессора этой семинаріи весьма много содѣйствовали возсоединенію уніатовъ съ православною церковію. Изъ числа такихъ профессоровъ семинаріи одинъ живетъ донынѣ, это Павелъ, епископъ олонецкій и петрозаводскій, магистръ богословія. Онъ поступилъ въ Жировицкую духовную семинарію въ 1837 году и преподавалъ въ ней библейскую исторію, а потомъ каноническое право, общую и русскую исторію. Преподаваніе этого профессора отличалось живостію и ясностію.

Затѣмъ обращено было особое вниманіе на народное образованіе: всѣмъ священникамъ приказано было завести при своихъ церквахъ приходскія школы. Сѣмашко думалъ также объ открытіи въ Литвѣ духовной академіи. Но заводя мужскія училища, Сѣмашко не оставлялъ безъ вниманія и женскаго образованія: въ 1861 г. онъ основалъ въ Вильнѣ училище для дѣвицъ духовнаго званія съ 90 казенными стипендіями.

Заботясь объ обрусеніи Сѣверо-Западнаго края, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко вмѣстѣ съ тѣмъ зорко слѣдилъ за поляками. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ русское правительство, будучи занято крымскою войною, стало меньше обращать вниманія на Сѣверо-Западный край, чѣмъ прежде. А этомъ, между прочимъ, рѣшились воспользоваться поляки, чтобы произвести новое возстаніе, къ чему и стали готовиться; тѣмъ болѣе имъ было это возможно сдѣлать, что въ сіе время въ Сѣверо-Западномъ краѣ громадное большинство высшихъ и низшихъ должностей занято было поляками [1]).

Изъ всѣхъ административныхъ лицъ Сѣверо-Западнаго края первый узналъ о замыслѣ поляковъ митрополитъ Іосифъ Сѣмашко. 10 января 1855 г. онъ подалъ докладную записку объ этомъ прокурору св. синода Протасову; но правительство, вслѣдствіе кончины императора Николая I и неудачныхъ военныхъ дѣйствій въ Крыму, не обратило на эту записку должнаго вниманія. А между тѣмъ поляки все съ большей и большей энергіей готовились къ новому возстанію

---

[1]) Напримѣръ, въ двухъ губерніяхъ, Виленской и Гродненской, изъ 723 человѣкъ всѣхъ чиновниковъ православныхъ было 140, нѣмцевъ и татаръ 70, а католиковъ болѣе 500.

и наконецъ подняли его въ 1861 г., при императорѣ Александрѣ II.

1868 г. 23-го ноября Іосифъ Сѣмашко скончался и погребенъ въ Духовскомъ монастырѣ въ пещерной церкви, подъ гробами св. мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія.